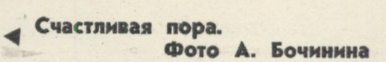

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1983

◄ Счастливая пора.
Фото А. Бочинина

●

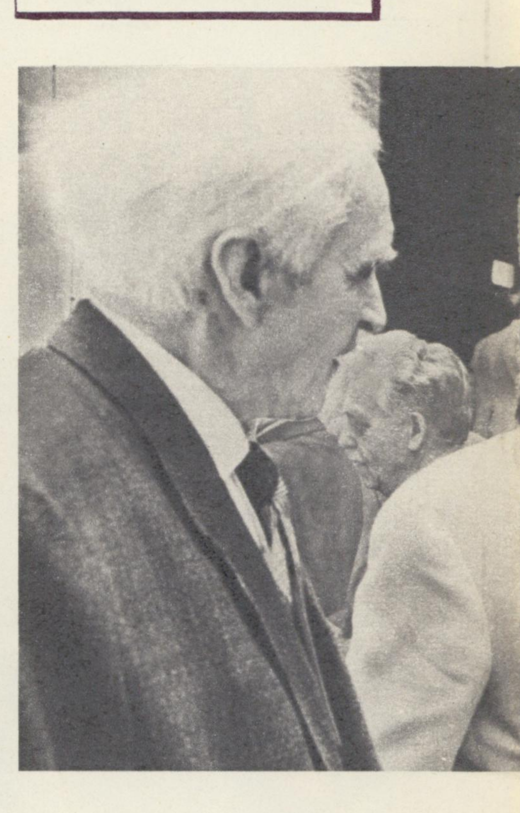
Отстаивая право подрастающего поколения на счастливую жизнь, люди доброй воли во всех уголках нашей необъятной планеты широко отмечают 1 июня Международный день защиты детей.

На снимке: этих мальчиков израильские оккупанты сделали сиротами. Как сообщает агентство ЮПИ, только в Бейруте насчитывается около 6 тысяч осиротевших детей.

Телефото ЮПИ—ТАСС

См. в номере материал В. Дунаева «Украденное детство» — стр. 3. ►

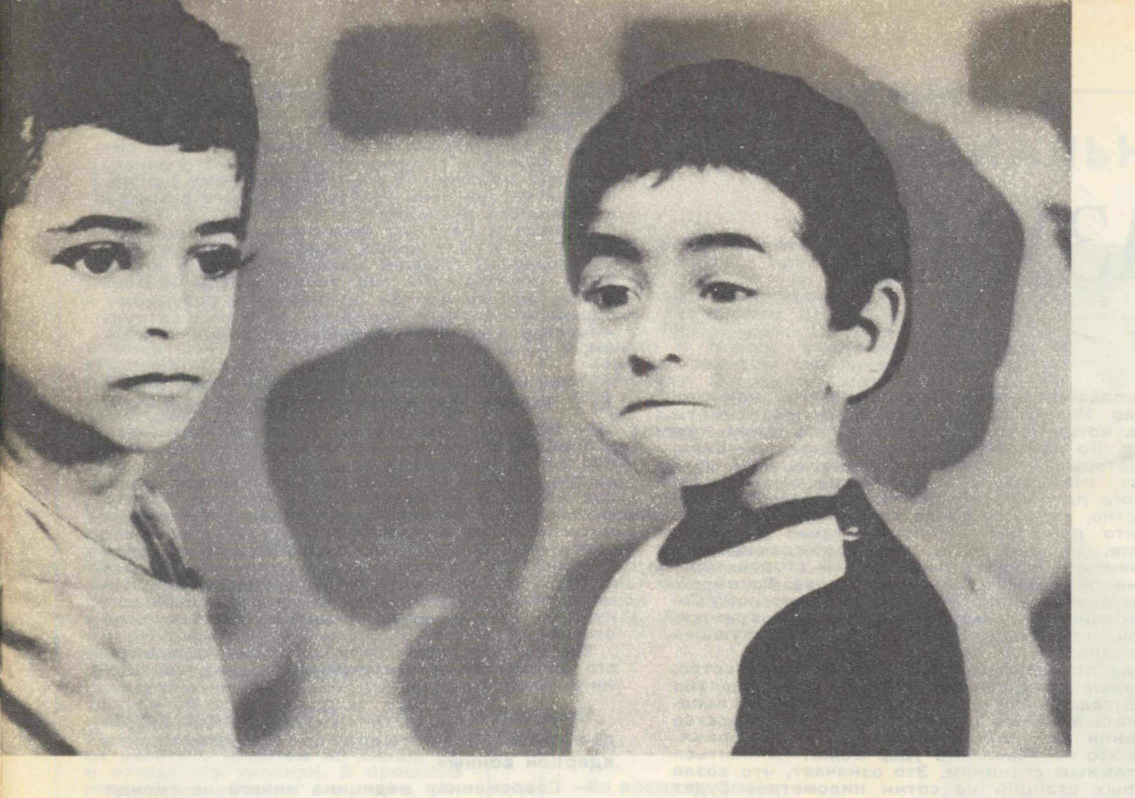

Г. Савинкова, ученица Р. Чарыева, на соревнованиях в Леселидзе 21 мая метнула диск на 73 метра 26 сантиметров. Рекорд, установленный в 1980 году болгаркой М. Петковой-Верговой, улучшен сразу на 1 метр 46 сантиметров.

Фото Р. Максимова

►

Участники Всесоюзной конференции ученых в Москве за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир: академики АН СССР В. А. Энгельгардт, Г. К. Скрябин, президент АН ГДР Вернер Шелер, академик АН СССР В. И. Кузнецов, ученый секретарь отделения физиологии АН СССР Э. Н. Светайло, академики АН СССР П. Л. Капица, А. М. Прохоров.
Фото В. Воронина

См. в номере репортаж Ванды Белецкой «Голос разума» — стр. 2.

▼

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2915)

28 МАЯ 1983

В НОМЕРЕ:

«Центр эстетического воспитания существует пять лет. Его создатель, душа и генеральный директор — заслуженный деятель искусств Армянской ССР Генрих Суренович Игитян. По образованию педагог и искусствовед. По призванию! По призванию — руководитель детского царства-государства, мечтатель и прекрасный организатор».

●

Бывший советский дипломат в Японии рассказывает о поездке в город, над которым американцы сбросили свою первую атомную бомбу. Это было в 1945 году.

●

Начинаем печатать продолжение известного романа Анатолия Калинина «Цыган» — стр. 10—13.

●

Проблема больших городов: улица, пешеход, автомобиль.

●

Рассказ популярного американского писателя Рэя Брэдбери

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Голос разума

Голос правды и мудрости, тревоги и надежды, исполненный чувства глубокой ответственности за судьбу нашей планеты, уверенности в торжестве человеческого разума, звучал в эти дни на Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир. В конференции приняли участие 500 известных советских исследователей, представителей самых разных отраслей науки и техники. К ним присоединились и десятки крупных зарубежных ученых.

В президиуме — руководители Академии наук СССР, крупнейшие советские и зарубежные ученые, участники Пагуошского движения. Кажется, прямо в зал обращены слова Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, нашедшие горячий отзвук в сердце каждого честного человека мира: «...Самое главное, что волнует сегодня народы,— необходимость сохранить мир, предотвратить термоядерную катастрофу. Нет ничего важнее этого в международном плане для нашей партии, Советского государства, всех народов планеты».

Конференцию открыл президент Академии наук СССР академик А. П. Александров. Он выразил надежду, что эта встреча ученых станет важным шагом в объединении миролюбивых сил в борьбе против термоядерной катастрофы. В своем докладе «О роли ученых в укреплении международной безопасности» кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС академик Б. Н. Пономарев отметил, что советские ученые, как и все советские люди, все люди доброй воли и разума в современном мире, глубоко обеспокоены сложившейся международной обстановкой. Мир переживает ответственный исторический момент. Решается вопрос, в каком направлении пойдет развитие.

Ученым принадлежит важная роль в этом общенародном и интернациональном деле. Своими знаниями и опытом, своим научным авторитетом они могут и призваны внести весомый вклад в дело спасения человечества от ядерной катастрофы. В этом ныне — высшее проявление гуманизма науки, ее ответственности перед народами.

Б. Н. Пономарев подчеркнул, что милитаризация науки в мире капитала представляет собой одно из самых вопиющих проявлений монополистического злоупотребления плодами прогресса науки и техники.

Глубокая озабоченность судьбами планеты звучала на конференции во всех докладах, выступлениях, беседах в кулуарах. Ученые, какой бы национальности они ни были, в какой бы отрасли науки ни работали — физике, медицине, истории, биологии, философии,— были едины в мнении о том, сколь трагична сегодня дальнейшая гонка вооружений, какой наносит она экономический, политический, нравственный, экологический ущерб, едины в своем стремлении отстоять мир.

А теперь слово самим ученым.

Президент АН СССР академик А. П. Александров.

— Было бы, я считаю, просто постыдно для человечества, если бы оно не нашло в себе силы противостоять дикой идее развязывания ядерной войны. Ведь каждый из нас, особенно физики-специалисты, прекрасно понимает, что все рассуждения о том, что нейтронное оружие — это самое «гуманное» оружие (даже такие фразы применяют), что может быть «ограниченная» ядерная война,— ведутся для того, чтобы внушить своим народам, что нападение на Советский Союз может быть для них довольно безопасным.

Наша страна дала обязательство не применять первой ядерное оружие, и наша страна всегда выполняла свои международные обязательства.

Известно, что обмен ударами, стратегическими силами дает какое-то ограниченное время, около 30 минут с момента запуска ракеты до ее попадания в цель. Тридцать минут немного, однако за это время смогут быть предприняты шаги, которые могут предотвратить тотальную войну. Но размещение ракет в Западной Европе, которые до цели могут долететь от 5 до 7 минут, значительно увеличит риск даже случайного ядерного конфликта. Это оружие, как известно, является средством первого удара, и те, кто пытается разместить такие ракеты в Европе, должны знать, что упреждающее их применение не дает нападающей стороне возможности избежать ответного удара. Таким образом безнаказанного удара по Советскому Союзу и социалистическим странам не получится. Любой противник понесет соответствующее возмездие.

Надо подчеркнуть еще и то обстоятельство, что наше предложение, которое было сделано около года назад — ни в коем случае не использовать атомные электростанции как средство усиления действия оружия,— не было принято. А это означает, что удар может наноситься по атомным станциям. Это означает, что возле атомных станций на сотни километров будет безжизненное пространство.

Неужели же мы, люди, не найдем сил, чтобы прекратить эту демагогию, прекратить эти попытки развязать войну?! Я думаю, что если человечество дружно объединится в своих действиях, думаю, что если ученые всех стран (я убежден, что ученые всех стран считают, что допустить атомную войну невозможно) выступят против этого, мы добьемся своей цели.

Вице-президент АН СССР академик Е. П. Велихов.

— Восьмидесятые годы нашего столетия можно охарактеризовать как один из самых критических периодов в истории человечества. С одной стороны, это годы дальнейшего расцвета науки, расширения сферы ее влияния, объединения различных научных дисциплин. С другой — период, когда борьба за мир, предотвращение термоядерной катастрофы становится самой важной задачей людей планеты.

К сожалению, приходится признать, что современная наука впервые в истории создала материальную возможность для того, чтобы человечество прекратило свое существование. Ее плоды позволяют уничтожить не только все достижения человеческой цивилизации, но и саму жизнь на Земле. Причем такое самоуничтожение человечества может быть осуществлено за сравнительно короткий промежуток времени, а в масштабах истории — практически мгновенно.

Сегодня крайне необходимо, чтобы все люди осознали суть оружия массового уничтожения как особого оружия, как оружия самоубийства, а не просто более эффективного средства ведения военных действий. Необходимо объединиться и решить совместно всем народам и странам эту проблему — проблему категорического отказа от подобного типа оружия.

Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев.

— Устранение угрозы новой мировой войны является наиболее фундаментальной предпосылкой к решению всех других глобальных проблем — и тех, которые уже выявились в современном мировом развитии, и тех, которые появятся в будущем. Прекращение гонки вооружений, перевод созидательных возможностей, всех производительных сил на мирные цели не только устранили бы коренную, самую страшную угрозу цивилизации, но и создали бы наиболее благоприятный и здоровый международный климат. Он обеспечит наилучшие условия для преодоления экологических, энергетических, сырьевых, демографических, продовольственных и других стрессов, дорастающих в современном мировом развитии до общечеловеческих, глобальных масштабов...

На этом вопросе особенно наглядно испытывается подлинная приверженность к демократии и правам человека, ибо право на жизнь есть первейшее право человека. В защиту этого права, во имя гуманизма и прогресса человечества, ради жизни на Земле советские ученые выступают активными поборниками прочного мира и международного сотрудничества.

Президент Болгарской академии наук академик А. Балевски.

— Раньше говорилось: «Если хочешь мира, готовься к войне». Сегодня же эта максима звучит по-иному: «Если хочешь мира, готовься к миру». Все те, кто придерживается прежнего принципа, глубоко ошибаются. Потому что силой и оружием уже невозможно все решать. В век атомного, водородного, химического и космического оружия этот принцип не что иное, как безумие и варварство. Кроме того, на сцену мировой истории уже выходят народы, и их мощный призыв к миру никто не в состоянии заглушить.

Еще 28 лет назад Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн обратились ко всем ученым мира со словами: «Все мы пристрастны в своих чувствах. Но, как люди, мы обязаны помнить, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться так, чтобы все были удовлетворены... Эти разногласия не следует решать силой оружия...» Призыв этих великих ученых, который положил начало Пагоушскому движению, и по сей день не утратил своего важного актуального значения.

Ученые и научные организации лучше всех знают об угрозе новых видов оружия. Их голос созвучен голосам народов, которые хотят мира, потому что это голос правды и мудрости, потому что он призывает к разумному решению спорных вопросов, деловому сотрудничеству и сближению народов, к миру и жизни, а не к войне и смерти.

Член-корреспондент Академии наук СССР А. Г. Бабаев, президент АН Туркменской ССР.

— Каждому из ученых, соприкасающихся с проблемой жизни на планете, ясно, что ядерная война не была бы похожа ни на одну предыдущую. Она не может быть локализована. У нее не будет установившихся понятий фронта и тыла. Она может быть только всеобщей, в масштабе Земли, человечества, всей среды его обитания. Совокупная разрушительная сила боеприпасов достаточна для того, чтобы смести с лица Земли все живое, все материальные ценности, превратить нашу планету в выжженную и зараженную радиоактивностью пустыню.

Все честные люди мира могут найти свое место среди тех, кто стремится к предотвращению ядерной войны.

Профессор Б. Лаун (США), председатель движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

— Современная медицина ничего не сможет сделать в условиях термоядерной войны, и никакие национальные интересы не могут оправдать ядерную войну.

Я хотел процитировать следующую фразу К. Гэлбрайта: «Даже самый убежденный идеолог не сможет отличить пепел капитализма от пепла социализма».

Стремление к миру растет на всей планете, и успехи нашего движения вселяют в нас оптимизм.

Директор Института космических исследований Академии наук СССР академик Р. З. Сагдеев.

— Космические орбиты, казалось бы, законами природы предназначены для совместного использования мировым сообществом. Многочисленные спутники связи, метеоспутниковые системы, аппараты, изучающие природные ресурсы Земли, уже надежно служат человечеству. Начинается широкомасштабное использование спутниковых систем в обеспечении морского судоходства и навигации. Все это радует, однако в последнее время появилась серьезная угроза превращения космического пространства в арену гонки вооружений. Наша страна на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложила достаточно простую и надежную формулировку, которая, как заметил тов. Ю. В. Андропов, означала бы надежный барьер на пути попыток милитаризации космоса. Эта формула предельно ясна: запретить любое использование космического пространства в военных целях.

Президент национальной академии наук Линчеи Дж. Монталенти (Италия).

— Национальная академия Линчеи — самая старая академия в мире. Она была создана в 1603 году в Риме. Я говорю здесь об этом лишь потому, что уже в тот период ученые сознавали: достижения науки вполне совместимы с потенциальным риском для человечества. Поэтому они сочли необходимым возложить ответственность на ученых за использование научных достижений.

Год назад наша академия выступила с заявлением, в котором проанализированы опасности, грозящие человечеству в случае возникновения термоядерной войны. В нем подчеркивалось, что использование даже малейшей части имеющегося сегодня ядерного оружия нанесет многим странам непоправимый ущерб. Факты, которыми мы располагаем, показывают, что задача борьбы за разоружение и предотвращение угрозы войны должна быть первоочередной по отношению ко всем остальным.

* * *

Ученые, собравшиеся в Москве, приняли Воззвание Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир.

«Мы обращаемся к ученым всего мира с призывом объединить усилия, чтобы оградить общечеловеческое достояние — всеобщий мир от угрозы ядерного уничтожения,— говорится в Воззвании.— Силы мира более могущественны, чем силы войны. И если все они будут приведены в действие, они в состоянии возвести неодолимую преграду на пути агрессивных сил, обеспечить прочный мир для народов.

Коллективный разум и единая воля человечества могут и должны остановить гибельную тенденцию к усилению военной угрозы! Ядерная катастрофа может и должна быть предотвращена!»

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

Дети... Разве не привыкли мы с этим словом представлять себе счастливые лица маленьких человечков, таких беспечных и счастливых. Да, это так у нас, в нашей Советской стране, где детство окружено заботой и вниманием, где детям отдается самое лучшее, где слова «Дети — наше будущее» естественны и привычны.

Но мир капитала, мир стяжательства и эксплуатации жесток прежде всего к детям. Двенадцать миллионов безработных в стране «процветания», цитадели капитализма — Соединенных Штатах Америки. Но ведь у этих двенадцати миллионов несчастных есть дети. Американские журналисты из еженедельника «Ньюсуик», написавшие репортаж о безработных, так представляют одного из них: «Хартуэлл — ветеран войны во Вьетнаме. Два года назад он потерял работу на автопогрузчике, устроился работать клерком на склад, но и оттуда его уволили. В прошлом году была уволена его жена, работавшая продавщицей в магазине. С тех пор они живут на ее ежемесячное пособие, но этого не хватает для того, чтобы быть сытыми. «Я не допущу, чтобы мои дети умерли с голоду, скорее я кого-нибудь зарежу»,— с тихой свирепостью говорит Хартуэлл. Детям непонятны все эти слова — «депрессия», «инфляция». Они знают одно: им хочется есть». А сколько таких, как Хартуэлл, имеют детей, но не имеют средств прокормить их? И это в богатейшей стране капиталистического мира.

Еще одна особенность детей Америки. Чисто американская. Ежегодно один миллион детей сбегает из-под родительского крова. Об этом рассказал американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Журнал пишет, что сбежавшие дети часто становятся легкой добычей взрослых мерзавцев, которые эксплуатируют их, заставляя фотографироваться для порнографических открыток и заниматься проституцией. Многие дети, убежавшие из дома, в конце концов погибают. В Америке создана специальная организация для сбежавших детей.

В наши дни пышным букетом процветает эксплуатация детского труда, когда-то так ярко и точно описанная Диккенсом. Журнал «Нью африкен», издающийся в Лондоне, напечатал статью о непосильной детской работе девочек в Южно-Африканской Республике: «Когда мне было десять лет, я работала на ферме, где выращивали апельсины, близ Винена»,— вспоминает Мбома Длада, девочка из ЮАР, в течение года работавшая на апельсиновой плантации в Натале, принадлежащей белым владельцам. «Я должна была работать, потому что дома было нечего есть,— объясняет она.— Я жила на ферме все время, а дома бывала только по воскресеньям. Мы спали в сарае, посуду и одеяла приносили из дома. Мы собирали и сортировали апельсины. Во время нашей работы белые разъезжали взад-вперед на мотоциклах, кричали на нас и били, если им казалось, что мы ленимся».

Дети, пожалуй, первыми страдают от социального неравенства, расового гнета, от войн и преступлений, порожденных империализмом. Горечь от познанной в ранние годы несправедливости оставляет глубокий след в их сердцах. Гибнут ни в чем не повинные дети в Ливане. Сколько их, искалеченных, смотрело на нас со страниц газет и журналов! В чем они виноваты перед сионистскими палачами? По данным из различных медицинских источников, раненых детей, в особенности потерявших конечности, в Ливане гораздо больше, чем во Вьетнаме. А жертвы английских солдат среди детей католического гетто Ольстера! Детство и война рядом, но это несовместимо. Не убивайте маленьких детей!

В. ДУНАЕВ

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

19 мая в Оттаве состоялась встреча премьер-министра Канады П. Трюдо с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, находившимся в Канаде с официальным визитом во главе делегации Верховного Совета СССР.

М. С. Горбачев передал П. Трюдо личное послание Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

Состоялся обмен мнениями о советско-канадских отношениях и перспективах их развития, а также по ряду актуальных международных проблем.

На беседе присутствовал посол СССР в Канаде А. Н. Яковлев.

Во время встречи.

Телефото ЮПИ—ТАСС

ВЫСОКАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

20 мая в Белгороде состоялось совместное торжественное заседание городского комитета партии, исполкома городского Совета народных депутатов и представителей партийных, советских и общественных организаций, посвященное вручению высокой награды — ордена Отечественной войны I степени.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он горячо поздравил трудящихся города с высокой наградой Родины. Он огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Белгорода орденом Отечественной войны I степени и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих прикрепляет награду к знамени Белгорода.

Телефото О. Сизова (ТАСС)

Военная техника оккупантов на улицах южноливанского города Сайды направляется в долину Бекаа.
Телефото АП—ТАСС.

ЛИВАН

«МИР» НА УСЛОВИЯХ АГРЕССОРА

В пригороде Бейрута Хальде с помощью грубого давления и шантажа Соединенным Штатам удалось добиться от ливанского правительства подписания так называемого «мирного» соглашения с Израилем.

Как неоднократно отмечали прогрессивная арабская общественность и печать, «соглашение о мире» готовилось и заключено в условиях продолжающейся оккупации Израилем ливанской территории и военного присутствия Соединенных Штатов в этой арабской стране. Оно ущемляет независимость и территориальную целостность Ливана, противоречит резолюциям Совета Безопасности ООН, предусматривающим незамедлительный и безоговорочный вывод израильских войск из этой страны.

Соглашение вызвало волну протестов в арабском мире, было резко осуждено и отвергнуто Сирией и Национально-патриотическими силами Ливана, расценившими его как серьезную угрозу жизненным интересам всей арабской нации. Так, тунисская газета «Тан» пишет, что «мертворожденный проект ливано-израильского соглашения, разработанный под давлением США, является «ловушкой» для арабов, сетью затеваемого на Ближнем Востоке нового заговора, направленного на полную ликвидацию арабского сопротивления и обеспечение превосходства и господства Израиля в регионе».

Навязывая «урегулирование», Израиль в то же время лихорадочно готовится к новой войне на Ближнем Востоке. Он укрепляет позиции на ливанской территории, строит аэродромы, чтобы атаковать палестинские подразделения в долине Бекаа и нанести удар по сирийской армии с целью заставить Сирию принять «Кэмп-Дэвид-2». Через ливанские города в долину Бекаа непрерывным потоком следуют колонны танков и бронетранспортеров, артиллерийские и минометные батареи, ракетные установки, воинские части.

ЧИЛИ

ПРОБА СИЛ

После десяти лет страданий, мучений и издевательств, убийств, пыток и надругательства, трудных лет упорной и опасной подпольной работы борьба трудящихся многострадального Чили вылилась в открытую конфронтацию по всей стране с кровавой диктатурой Пиночета. По призыву Конфедерации рабочих меднорудной промышленности, Национального координационного центра профсоюзов и других крупнейших организаций трудящихся 11 мая прекратили работу горняки, докеры, строители, транспортники, работники сферы обслуживания, а также служащие многих государственных и частных учреждений. Это была самая крупная забастовка со времени свержения фашистскими путчистами конституционного правительства Народного единства.

Когда демонстранты подошли к дворцу «Ла Монеда» и расположенным близ него зданиям министерства обороны и главного управления полиции, блюстители порядка набросились на участников выступления. В ход были пущены дубинки и слезоточивый газ. В столичном университетском городке отчаянно сопротивлялись студенты, воздвигнув на пути солдат баррикады. Хунта бросила танки и воинские части на шахты и промышленные предприятия. В итоге схватки два человека убиты, 350 брошены хунтой в застенки.

«Это первый шаг на пути к полному освобождению народа» — так охарактеризовал выступление против диктатуры председатель профсоюзной конфедерации. Пиночет так просто не отдаст власть. Пока что ему удалось отстранить от важных постов всех военных, которых он считал своими соперниками. Пиночет еще держится на штыках солдат и тюрьмах политической полиции. Но страх преодолен. Народ объединяется и копит силы для решительного удара по фашистской хунте.

Пиночет превратил Чили в своего рода испытательный полигон капиталистических доктрин. После расправы над правительством Сальвадора Альенде в страну были приглашены «парни из Чикаго», как называют учеников Милтона Фридмэна, одного из теоретиков американского капитализма, чтобы переделать все, что было достигнуто правительством Народного единства. Страна превратилась в лабораторию свободного предпринимательства. За десять лет был достигнут потрясающий «успех». Валовой национальный продукт снизился в 1982 году на 15 процентов. Внешний долг страны, достигший почти 18 миллиардов долларов, самый высокий в мире из расчета на душу населения. Безработица достигла уровня 30 процентов. Выгоду от режима извлекают лишь крупные предприниматели, да и те, провернув выгодные дела, бегут, словно крысы с тонущего корабля.

В условиях, когда руководители рабочего движения были убиты, арестованы или отправлены в изгнание, когда вокруг заводов были созданы «санитарные кордоны» из сабель, дубинок и штыков, эта система могла еще как-то существовать. Однако всеобщий кризис, охвативший страну, охладил верноподданнический пыл даже самых рьяных сторонников Пиночета. Те, кто в свое время бурно приветствовал приход к власти фашистской хунты, сейчас переходят в ряды оппозиции. Разорившиеся мелкие и средние предприниматели вливаются в ряды недовольных. Несогласие с политикой хунты выразили владельцы грузовиков, в свое время выступившие против правительства Народного единства. Напряженные отношения у Пиночета и с церковью. В стране развернулось массовое движение протеста, выражающее всеобщее недовольство. Генерал Пиночет и его армия не могут больше угрозами и репрессиями подавить движение протеста против военной диктатуры и порожденного ею экономического банкротства.

На снимке: разгон демонстрации в Сантьяго.

Фото из журнала «Ньюсуик».

После тщательного расследования оказалось, что опубликованные западногерманским журналом «Штерн» «дневники» Гитлера представляют собой фальшивку. Установлено, что бумага, чернила и бечевка, которой были перевязаны «дневники», изготовлены в послевоенное время.

Из газет

Не Гитлер автор «дневников».
А сочинитель вот таков...

Рис. КУКРЫНИКСЫ

СРЕДИ КНИГ

ПРАВДА О ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ

В последнее время авторы все чаще начали добавлять к жанровому обозначению своих произведений дополнительные определения. В подзаголовках книг нередко можно прочесть: «роман-эссе», «документальный роман», «политический роман» и т. д. Что это? Дань моде или стремление к созданию какой-то новой, еще не устоявшейся литературной формы, когда эссе, например, разрастается до масштабов романа, а в художественную ткань произведения естественно включаются документальные материалы или искусная их стилизация, и не просто включаются, а начинают играть ведущую роль в раскрытии авторской идеи. Во всяком случае, примеров ухода от формы традиционного романа в сторону документализма, публицистичности можно привести немало. Один из последних и наиболее заметных — первая книга «политического романа» Михаила Домогацких «Южнее реки Бенхай», только что опубликованная в трех номерах журнала «Знамя».

Это роман-урок, роман-предостережение. Действие его развертывается во Вьетнаме, где отборные американские воинские соединения вели грязную войну против сил национального освобождения Южного Вьетнама. Все мы сейчас знаем, чем кончилась война во Вьетнаме, и М. Домогацких менее всего стремится в своем романе дать хронику вьетнамской войны. Его задача сложнее — выявить и показать в художественном, документально выверенном произведении политическую и психологическую сущность американского империализма, не останавливающегося ни перед чем, отвергающего любые гуманистические и нравственные принципы в битве за свои имперские интересы. В романе действуют две полярные политические силы: борцы за свободу и независимость страны, за освобождение Южного Вьетнама, бойцы Национального фронта освобождения — и американцы, пришедшие в страну, чтобы вместе со своими сайгонскими приспешниками огнем и мечом выжечь «коммунистическую заразу» во Вьетнаме. К сожалению, вьетнамская авантюра ничему не научила Соединенные Штаты Америки. И сегодня гремят в Вашингтоне речи, призывающие покончить с коммунизмом, и сегодня американские генералы вынашивают свои честолюбивые планы, а политики прилагают максимум усилий, чтобы оправдать гонку вооружений, диктуемую военно-промышленным комплексом. И хотя М. Домогацких не пишет историю вьетнамской войны, его роман отчетливо показывает не только, чем кончается война против народа, ведущего борьбу за национальное освобождение, но и вскрывает глубинный политический механизм, приводивший в действие машину американской агрессии во Вьетнаме. Эта война стала позором Америки. Репрессии против мирного населения, отличающиеся совершенно фантастической жестокостью, тактика «выжженной земли», массовые убийства, террор, которые творили во Вьетнаме американские войска, — это не фон, на котором развертывается действие романа, а его трагическое содержание, тем более потрясающее, что автор фактографичен в самых страшных сценах, причем он не стремится сконцентрировать «моменты ужаса», а лишь правдиво воспроизводит кровавую атмосферу, которую создали в такой далекой от Америки стране американские вояки.

Поражает широта охвата лиц и событий, описанных в романе. Действие его переносится из Белого дома и кабинетов высших американских политиков во вьетнамские джунгли, с командных пунктов американских генералов в буддийскую пагоду. Этот, казалось бы, разнородный материал уверенно подчинен авторской воле, повествование ведется умело, сюжет постоянно держит читателя в напряжении.

Рисуя общую картину событий во Вьетнаме, М. Домогацких постоянно использует документальный материал — этот прием очень эффективен при раскрытии, в частности, действий сил, не разделявших установку администрации президента Джонсона на эскалацию вьетнамской войны. Цитируя в тексте романа, например, следующее высказывание «Нью-Йорк таймс»: «Когда президент Джонсон на лазурном берегу Жемчужной гавани обещал сайгонским генералам бросить на весы судьбы будущее Америки, великий спор из-за конфликта во Вьетнаме начал разгораться по всем Соединенным Штатам. Он происходит сегодня повсюду, начиная от Белого дома, конгресса, Пентагона и кончая каждым домом, конторой, заводом, фермой. Сознание тупика стало почти общенациональным», автор романа еще более усиливает звучание своего произведения, еще глубже раскрывает весь ужас вьетнамской трагедии, ибо мы слышим голос той самой страны, которая послала своих солдат в далекий Вьетнам с одной целью — убивать.

Автор романа создает впечатляющий образ президента Линдона Джонсона, одержимого, как пишет он, «всепожирающей страстью — к политической карьере». Эта страсть благополучно уживалась у Джонсона с другой страстью — к деньгам. Самый богатый из всех президентов, ему предшествующих, миллионер Джонсон не проходил мимо любой возможности увеличить свое состояние еще на один-другой миллион долларов, даже принял замаскированную взятку от японских фирм на переоборудование принадлежащего ему телецентра, за что эти фирмы получили контракт на поставку электронного оборудования Пентагону, все более увязающему во вьетнамской войне. Писатель, конечно, не случайно вспоминает в романе этот эпизод, как не случайно рассказывает он и о встрече Джонсона на техасском ранчо с западногерманским канцлером Эрхардом, во время которой внезапно оставленный хозяином гость почти час провел в недоуменном одиночестве. «Волнение сменилось чувством оскорбленного достоинства. Продолжительное отсутствие хозяина становилось уже неприличным. Эрхард недалек был от решения покинуть ранчо, когда Джонсон, наконец, вернулся, с виноватой улыбкой и красными пятнами на лице.— Извините, пожалуйста, господин канцлер,— начал он с порога.— Звонил генерал Уэстморленд из Сайгона, сообщил о некоторых неприятных вещах. Пришлось вместе с ним искать выход из создавшегося положения. Такова уж у нас с вами доля, господин канцлер, постоянно быть наготове к самым непредвиденным событиям...» Откуда было знать Эрхарду, что все сорок минут, которые он провел в одиночестве, Джонсон употребил на то, чтобы сломить неподатливых остинских бизнесменов и вырвать у них согласие на контракт, прибавляющий к его состоянию по меньшей мере миллион долларов?» Такие сцены и детали помогают М. Домогацких дать не только публицистически достоверный, но и психологически точный портрет власть имущих в США. Писатель ведет нас по темным и запутанным коридорам власти в Америке, анализирует причины тех либо иных политических или военных решений и, как скальпелем, вскрывает подноготную американской авантюры во Вьетнаме.

В романе проходит целая галерея американских политических деятелей — Дин Раск, Роберт Макнамара, Кларк Клиффорд, директор ЦРУ Ричард Хелмс, посол США в Сайгоне Генри Кэбот Лодж, ветеран американской дипломатии Аверелл Гарриман, чья ультимативная позиция способствовала прекращению бомбардировок Северного Вьетнама. На международных совещаниях, в кабинетах Белого дома, на приватных переговорах и дипломатических приемах определялась политика Америки по отношению к Вьетнаму. Читая роман М. Домогацких, мы погружаемся в тайное тайн этой политики, узнаем о скрытых пружинах, двигавших ее. Политика, выработанная в Вашингтоне и Сайгоне, превращалась в кровавое действие на вьетнамской земле, где американские вояки особенно отличались в «сражениях» против мирного населения.

Исключительно сильно написана М. Домогацких трагическая сцена уничтожения второй бригадой 1-й воздушно-десантной дивизии США под командованием подполковника Хантинга двух мирных вьетнамских деревень. Хладнокровное убийство беззащитных жителей, проведенное расчетливыми бандитами, перещеголявшими в своей варварской жестокости самых отъявленных головорезов, которых знала история,— вот пример «героизма» американских войск во Вьетнаме. «Обе деревни запылали почти одновременно. Женщины бросались в охваченные огнем хижины, пытаясь спасти не проснувшихся еще малышей, но вдогонку им гремели выстрелы. И если какая-то из них все-таки выскакивала из пламени с ребенком на руках, ее тоже встречали выстрелами. Из католического храма вышел священник в темной сутане, предъявил молоденькому лейтенанту какой-то документ и принялся убеждать его в чем-то, смешивая вместе английские, вьетнамские и французские слова. Лейтенант, по-видимому, ничего не понял, повертел в руках документ и за ненадобностью бросил его в огонь.— Господин лейтенант, побойтесь бога! — умолял священник, с трудом выстроив наконец фразу на английском языке.— Вон мой бог,— кивнул лейтенант на зависший над пожарищами вертолет, с которого опять гремел голос подполковника Хантинга: — Парни, смотрите, чтобы никто не сбежал». Население деревень было выбито поголовно, последним был застрелен священник, читавший над расстрелянными односельчанами молитву.

Эту страшную историю американский солдат Кэй Рейнолдс поведал одному журналисту. И «мир узнает, что священник с крестом в руках, безвинно застреленный американским лейтенантом, не давал спокойно жить бывшему десантнику, часто являлся ему во сне, будил его среди ночи грозным своим возгласом: «Проклинаю!» И в итоге Кэй Рейнолдс не выдержал — покончил с собой». Вот еще один результат «деятельности» американцев во Вьетнаме — многие из тех, кому посчастливилось вернуться домой не в цинковых гробах, получили такую психическую травму, которая исковеркала всю их оставшуюся жизнь.

Зловещей чередой проходят в романе портреты американских генералов — профессиональных убийц, оправдывающих зверства своих солдат необходимостью борьбы с коммунизмом. Их философию отлично формулирует генерал Фрэнсис Райтсайд, командующий крупнейшей американской базой Фусань, борьба сил национального освобождения против нее является основным сюжетным стержнем романа. «Рядовой Додсон,— говорит бравый генерал полковнику Юджину Смиту, которого все более начинают терзать сомнения в правомочности ведомой Америкой войны,—...не наделен вашей щепетильностью. Он приехал сюда сколотить побольше денег. Остался на третий срок. Бывал в таких переделках, что и представить трудно. При одном только слове «вьетнамец» сразу хватается за автомат...— Но завтра он пойдет в ближайшее село и начнет строчить из своего автомата направо и налево, убивать всех подряд.— Вы и тогда скажете, что его не за что наказывать? — Вполне возможно, Юджин, потому что громила Додсон доложит мне: «Стрелял по вьетконговцам, скрывавшимся в этом селе под видом мирных жителей»...— Но при чем тут мирные крестьяне? — Да ведь они же вьетнамцы».

Михаил Домогацких, не отступая от правды факта, показывает, что такая позиция постепенно начинает вызывать внутренний протест у наиболее думающих и совестливых американских офицеров. Их олицетворяет в романе профессиональный разведчик полковник Юджин Смит, не скрывающий своих антикоммунистических позиций, но стремящийся разобраться в сложившейся ситуации, пытающийся сблизиться с вьетнамцами, понять их психологию и не принимающий необузданной жестокости американских солдат.

Но не такие люди определяли американскую военную стратегию и тактику во Вьетнаме, и не они приводили ее в действие, а бравые вояки, подобные генералу Уэстморленду, командующему американскими войсками во Вьетнаме, бросающему все новые и новые силы и технику на агрессию и терпящему все новые поражения.

В романе Михаила Домогацких убедительно показано, как, защищая правое дело, самоотверженно сражались с американцами силы Национального фронта освобождения. Их смелые, часто дерзкие операции не раз ставили в тупик американцев. Ведя патриотическую, освободительную войну, партизанские войска черпали силы в народе, искали источник побед в земле, которую самоотверженно защищали. Первая книга политического романа «Южнее реки Бенхай» заканчивается периодом, когда Америка оказалась перед крахом своей воинственной политики во Вьетнаме. Нам еще предстоит встреча с героями романа, приковывающего к себе внимание компетентностью и талантом писателя, поставившего перед собой нелегкую цель — рассказать в художественном произведении правду о вьетнамской войне.

С. СОЛОВЬЕВ

Михаил Домогацких. Южнее реки Бенхай. Политический роман. Книга I. «Знамя», 1983, №№ 3—5.

Виталий ЗАСЕЕВ.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Устремленные в будущее

Недавно передовые московские предприятия выступили с инициативой «25 ударных недель — в честь 25-летия движения ударников и коллективов коммунистического труда». Среди этих трудовых коллективов — трижды орденоносный московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова. Наши корреспонденты ведут репортаж с этого завода.

В кабинет секретаря парткома В. Г. Тишина то и дело входят люди. В разгар нашей беседы на пороге появился мой давний знакомый, известный на всю Москву токарь-карусельщик Владимир Дмитриевич Чернышев.

— А вот, кстати, и первопроходец,— говорит Виктор Гаврилович.— К нам он пришел зеленым юнцом. Потом в числе первых завоевал звание ударника коммунистического труда, а сегодня, выражаясь языком кинематографистов, стал звездой первой величины среди токарей-карусельщиков, пожалуй, и во всей стране.

— Как отметит коллектив завода знаменательную дату?

— Семьдесят пять бригад коммунистического труда завода выполнят задание трех лет нынешней пятилетки к двадцать пятой годовщине движения за коммунистическое отношение к труду. В восьми цехах, пяти лабораториях, на тридцати пяти участках и в восьмидесяти отдельных бригадах все работающие вновь подтвердят высокое звание коллективов коммунистического труда. Расширяя бригадные формы организации и оплаты труда, мы обязуемся высвободить в течение двадцати пяти ударных недель не менее пятидесяти рабочих, которые будут направлены в новый корпус завода, где начинают осваивать производство промышленных роботов.

...В третий механический цех завода мы заглянули сразу после обеденного перерыва. Еще издали, из центрального пролета, бросился в глаза яркий, словно майский цветок, плакат: «Здесь работает Герой Социалистического Труда токарь-карусельщик Чернышев Владимир Дмитриевич».

С полчаса молча наблюдал я за его работой. По всему видно, дело нравится ему. Движения Чернышева точны, уверенны. Ни одного напрасного поворота головы, ни одного лишнего шага. Металл он чувствует, что называется, кончиками пальцев. С многопудовым агрегатом управляется так же легко, как профессионал-контрабасист со своим многозвучным инструментом. Чуть позже я начинаю понимать, откуда появилось сравнение с музыкантом. Полная отрешенность от всего окружающего во время работы. По заслугам и сам Владимир Дмитриевич и вся его бригада получили собственное клеймо качества. А ОТК если и заглядывает сюда, так лишь для того, чтобы показать нерадивым, как надо работать.

— На завод я пришел,— вспоминает Владимир Дмитриевич,— после службы в армии и, конечно, еще не имел навыков работы со сложными станками. Меня определили в бригаду Николая Михайловича Кузьмина, о котором слава в то время гремела по всей столице. Одним словом, мог и не заметить появления новичка. А он в первый же день отозвал меня в сторону и стал расспрашивать о жизни, о службе в армии, потом крепко пожал руку и пообещал взять надо мной персональное шефство. Я был горд, счастлив, что сам Кузьмин приметил меня, и на следующий же день... запорол ответственную деталь. Мое первое желание было бросить завод, исчезнуть с глаз бригады и ее бригадира. К вечеру воскресного дня я, уже полностью утвердившись в своем намерении, немного успокоился. И вдруг на пороге моего дома появился сам Кузьмин. Оказалось, что бригадир «вычислил» настроение новичка и принял соответствующее решение. Пришел, чтобы уберечь меня от неверного шага. Рассказал он в тот вечер, как и сам на первых порах загонял в брак детали и сверла, но... Одним словом, урок человечности в тот раз преподал он на всю жизнь. А через год наша бригада в числе первых на заводе была удостоена высокого звания бригады коммунистического труда.

— Легче стало работать после этого или труднее? — спрашиваю Чернышева.

— Легче, потому что появился опыт, а с ним и уверенность. Труднее — из-за того, что к нам стали больше присматриваться, на нас стали равняться другие коллективы.

Сегодня В. Чернышев сам стал опытным и чутким наставником молодежи. Привитое в бригаде Н. Кузьмина уважение к трудовым традициям и славному наследию старших поколений помогало ему все эти годы работать с полной отдачей сил, формировало у него профессиональную гордость, ускоряло наступление гражданской зрелости и ответственности за свое дело.

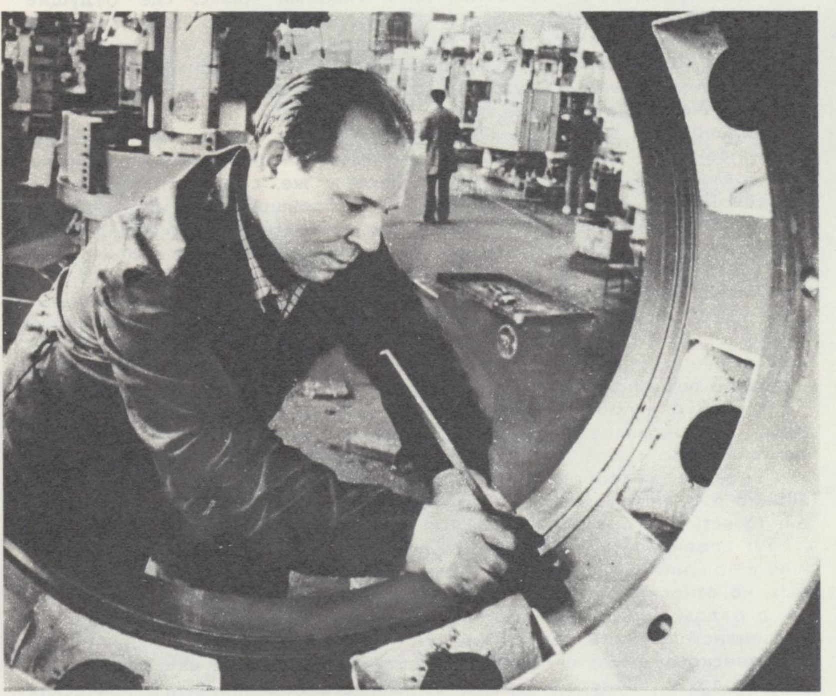
— Все это мне пригодилось теперь, когда я возглавил бригаду токарей-карусельщиков,— говорит Владимир Дмитриевич.— Именно коммунистическое отношение к труду помогает находить общий язык с товарищами, воспитывать их в том же духе и оценивать их дела и поступки критериями первых ударников коммунистического труда.

Секретарь цеховой партийной организации Сергей Лещенко, который много лет проработал в бригаде В. Чернышева, сам испытал, как он говорит, живительность и стойкость коммунистического отношения к труду первопроходцев этого движения.

— Сначала, когда я пришел на завод, то не задавался никакими целями,— вспоминает С. Лещенко.— Вкалывал, как другие, а выйдя за проходную, тут же забывал обо всем на свете, что связывало меня с цехом. Но когда я оказался в бригаде Чернышева, то понял, что существуют общие интересы, общие цели, общие радости и проблемы. Не сразу «просветлел», не сразу понял, где настоящее, а где временное, никчемное. Помогли бригадир, вся бригада, которая, не жалея сил, времени, терпения, «шлифовала» мой характер, мое видение жизни. А когда вступал в партию, то рекомендацию дал мне Чернышев.

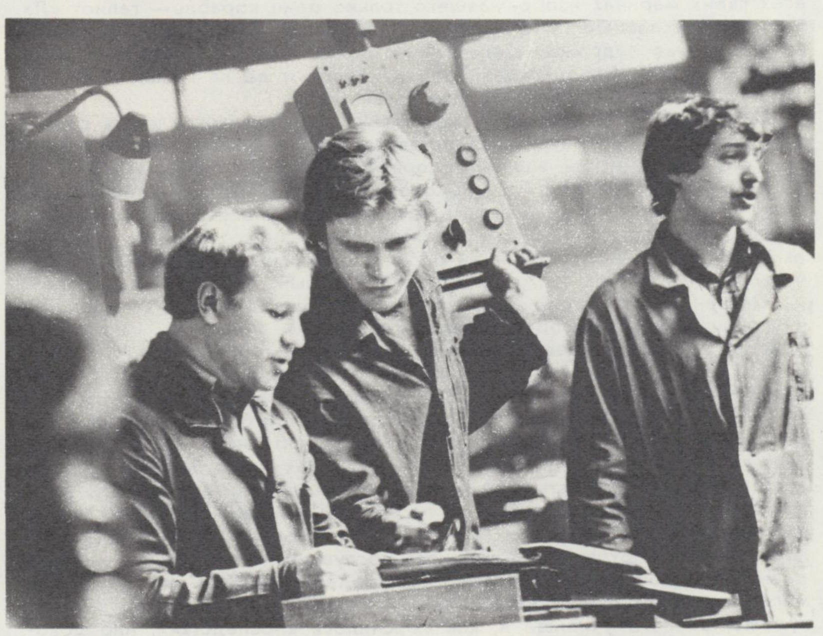
Сегодня Сергей Лещенко один из самых уважаемых на заводе людей. По совету бригадира он поступил учиться в авиационный институт.

...Перед тем как покинуть цех, я еще несколько минут наблюдаю за работой В. Чернышева. Так и хочется сказать: «Красиво он работает, Владимир Дмитриевич!» Такие люди, как Чернышев, своим трудом, всей своей жизнью устремлены в будущее.

Руководитель бригады коммунистического труда токарей-карусельщиков завода «Красный пролетарий», Герой Социалистического Труда В. Чернышев.

Старший мастер А. Иваков, фрезеровщик Ф. Ломовцев и мастер О. Сабуров — ударники коммунистического труда.

А. БАСМАНОВ

ГАЛЕРЕЯ В ПЕНЗЕ

Пензенская картинная галерея занимает второй этаж красивейшего дома в городе: отсюда, с холма, открывается чудесная панорама Суры и засурских далей. Дом был поставлен капитально и со вкусом в самом конце XIX столетия, и в 1898 году, на торжественной церемонии по случаю открытия сего учреждения, Константин Аполлонович Савицкий, известнейший уже тогда живописец, назначенный на пост директора, выразил надежду, что приумножение культурных традиций послужит делу пропаганды искусства среди народа.

Савицкий действительно делал все, чтобы просвещать горожан искусством: водил лично экскурсии, встречался со слушателями педагогических курсов, организовывал ежегодные выставки (именно благодаря Савицкому в 1898 и 1901 годах здесь были открыты вернисажи передвижников), устраивал литературно-художественные вечера, посвященные Белинскому, Пушкину, Брюллову, Шишкину, Третьякову, и добился того, что музей ежегодно посещало свыше пяти тысяч человек — цифра по тем временам немалая.

В то же время Савицкий видел в существовании музея не только сокровищницу искусства, но и учебный класс, где будущие художники постигали бы законы мастерства, копируя замечательные произведения живописи. Так они и сроднились, эти два начинания, даже вход в галерею и училище общий, и нынешний посетитель, прежде чем попасть в музейные залы, обязательно столкнется внизу со студенческой шумной молодью.

Сегодняшняя галерея в Пензе — это четыре тысячи произведений отечественных и старых западных мастеров. Именно с ними, западными мастерами, знакомишься сначала в первом же, самом просторном и нарядном зале, украшенном холстами, по большей части из завещанных местным меценатом и основателем музея рисовальной школы Селиверстовым, из всех иностранных школ предпочитавшим итальянскую и голландскую.

Особых древностей в Пензе нет, и итальянцы и голландцы начинаются здесь с середины XVII столетия — времен, когда на Тибре солнце живописного искусства уже стало чуть склоняться к закату, а на Маасе, наоборот, светило в самом зените, определяя собой стиль знаменитого северного барокко. На двух противоположных стенах галереи не только две противоположные художественные системы, но и два различных мировоззрения — голландское, реалистическое и трезвое, деловитое, то самое, с которым живописцы этого края создавали не что иное, как своеобразный портрет своей нации; и итальянское — еще мощно резонирующее эхом Возрождения, сложенное мифом и библией, то есть благородным, но в конце XVII века уже мертвым языком.

Тут соединились возвышенные по теме и динамичные по воплощению «Моление о чаше» и «Вознесение богоматери» мастеров неизвестных, но относимых к кругу прославленных генуэзцев Кастелло и Креспи, а рядом красноносый герой Адриана ван Остаде с кружкою пива и глиняной трубкой в руке, на минуту выглянувший из окна своего деревенского дома; свободное, энергическое по рисунку флорентийское полотно «Венера, Церера, Вакх» — своеобразная аллегорическая постановка латинской поговорки «Без хлеба и вина любовь умирает» и расхожий, но мастерский натюрморт Люттихейса, будто пропитанный насквозь роскошными гастрономическими запахами.

Итальянцы и голландцы — внушительная, но все же лишь часть западноевропейской коллекции галереи, где можно увидать еще фламандцев Тенирса и виртуозного мариниста Бонавентуру Петерса, во всех своих маринах изображавшего только один корабль — галиот «Ла Корон»; прославленного французского баталиста Бургиньона, которому в свое время подражал Делакруа, и романтические пейзажи в духе Клода Лоррена; барбизонцев Теодора Руссо и де ла Пенью; замечательного последователя Коро, шведа Вальберга.

В отличие от западного русское искусство начинается здесь столетием позже, с портретов позапрошлого века, с блистательного живописца екатерининской эпохи Федора Рокотова; он представляет нам на своем холсте молодого и высокомерного гордеца в пудреном парике, георгиевского кавалера, в живописном изображении которого налицо характерные признаки стиля прославленного мастера: рассеянный свет, мягко моделирующий образ, таинственная полуулыбка, трехчетвертной поворот фигуры, наконец, особый, «мглистый» колорит.

Пензенская галерея — это не только коллекция изобразительного искусства, но и история здешнего края. Возьмем парсунный портрет Ниротморцева кисти дьяка Васильева. В его лице перед нами является пензенский помещик, капитан лейбгвардии Измайловского полка, один из организаторов народного ополчения 1812 года. Повернемся к противоположной стене и поглядим на работу Антонелли — кавалергарда Арапова, активного местного просветителя и либерального деятеля конца 1850-х годов, ходатая к царю за освобождение крестьян. А неподалеку — живописный пример иронии судьбы, некоего жизненного парадокса: «Инок» — полотно, завершенное Савицким в Пензе в 1897 году,— великолепно написанный, темпераментный портрет монастырского послушника, некий образ монаха, размышляющего о своем месте среди людей, о выборе пути. Моделью мастеру служил здесь некто Виктор Васильев, студент Пензенского художественного училища и, как выяснилось впоследствии, народоволец и террорист, за убийство в 1906 году местного полицеймейстера сосланный навечно в Сибирь.

Савицкий вообще не только безвозмездно предоставлял галерее свои полотна (здесь, кроме «Инока», хранится еще около двадцати его произведений), но и просил для Пензы живопись у своих товарищей. На этот призыв откликнулись многие, чьи картины можно теперь тут видеть: Поленов и Константин Маковский, Дубовской и Светославский. Быть может, именно благодаря Савицкому наиболее полно и разнообразно представлен здесь раздел русского искусства второй половины XIX века, который открывается в галерее несколькими превосходными портретами кисти Ивана Макарова, уроженца Пензенской губернии и сына крепостного, ставшего академиком живописи, особенно известного широкой публике по созданному им одухотвореннейшему образу Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской.

Время послениколаевской России в отечественной живописи — это время расцвета «жанра», демократической и бытописательской темы, той, что великолепно представляет сочиненный не без влияния крестьянских образов Венецианова «Спящий мальчик-пастушок» Андрея Лашина — произведение, помеченное знаком национального своеобразия, сочувствием к судьбе «маленького» человека. Он, быть может, немного сентиментален, этот холст, с его задником романтического пейзажа, но столько сердечной теплоты вложил живописец в описание пухлого сонного детского лица, столько любви отдал он своему персонажу, что эти любовь и теплота, а также мастерство кисти с лихвой искупают «беллетристичность» сюжета.

Есть в залах второй половины XIX века на первый взгляд неброские, но замечательные произведения живописи. К ним, без сомнения, можно отнести и небольшой холст Левитана «Весна», где сам воздух еще прохладен, как холодна и сапфировая под хрустальным куполом неба вода озерца, впаянного, будто драгоценный камень, в рыжевато-золотистую оправу пробуждающейся, оттаявшей уже земли, и невольно вспоминаешь слова Нестерова: «Левитан показал нам то скромное и сокровенное, что таится в каждом русском пейзаже,— его душу...»

Особенность пензенского собрания в том, что во многом оно складывалось усилиями земляков-художников. Так, еще в начале нашего столетия благодаря педагогам рисовальной школы попал сюда небольшой, но замечательный этюд Верещагина «В Туркестане», где лепка, пластика двух пестрых фигур водоносов на фоне белой стены достойны восхищения; сюита великолепных пейзажей пензенца Боголюбова, именно Пензе подаренных братом художника, и Боголюбовым же завещанный «Берег реки» Репина. Есть основание предполагать, что специально для галереи по заказу Селиверстова повторил и Флавицкий «Княжну Тараканову», знаменитую свою работу.

Самая большая тут коллекция — около двухсот произведений — уроженца этого города, самобытного художника и незаурядного педагога, возглавлявшего многие годы пензенское училище Ивана Силыча Горюшкина-Сорокопудова: холсты, помеченные датами в диапазоне от 1897 до 1954 года, современные и хранящие «преданья старины глубокой» из русской истории — «Базарный день в старом городе», «Князь Игорь», «Поцелуй»,— все мажорные, праздничные, декоративные.

Творчество Горюшкина-Сорокопудова — это уже раздел советской живописи, где можно увидеть работы еще одного пензенца, ибо, как вспоминал Кончаловский: «Пришельцем из Пензы, кряжистым русаком, крупным, плечистым, с раскатистым голосом и широким жестом, с воспитанием семинариста-бурсака и манерами волжского ушкуйника»,— таким вошел в новое искусство один из «коноводов» и организаторов «Бубнового валета», известнейший в дальнейшем советский художник, профессор живописи Лентулов. Он начинал свое рисовальное образование в этих стенах, и оттого именно эти стены располагают пятнадцатью его работами, едва ли не лучшими. А рядом товарищи по кисти: цветистая россыпь красок Кончаловского, Петрова-Водкина, Машкова, Вахрамеева.

Коллекция сегодняшней живописи еще формируется, постоянно пополняется новыми произведениями. Здесь, в залах, где представлены живописцы, рожденные семнадцатым годом, яркими красками горят полотна Орешникова и натюрморты Егидиса, социальные произведения братьев Ткачевых, лирические среднерусские пейзажи Ромадина, национальным своеобразием отмечены картины Саркисяна и Тансыкбаева.

Галерея в Пензе не только хранилище и выставка замечательных полотен. Это культурный центр города и серьезная научная лаборатория, где сотрудники во главе со своим директором Валерием Петровичем Сазоновым — все профессиональные искусствоведы и знатоки живописи — заняты поиском новых произведений и атрибуцией, описанием фондов, часто проводят популярные лекции и встречи с теми, кто тянется к знаниям и красоте. Заметим, что Пензенскую областную картинную галерею посещают ежегодно тысячи человек, и каждый, кто приходит сюда, очищается, обогащается духовно. «Да оправдается все доброе, что положено в основу этому новому учреждению»,— сказал Константин Аполлонович Савицкий, перерезая здесь восемьдесят пять лет назад ленточку у входа. И доброе оправдывается.

А. Лашин. 1840—? СПЯЩИЙ МАЛЬЧИК-ПАСТУШОК. 1862.

Пензенская областная картинная галерея.

В. Верещагин. 1842—1904. В ТУРКЕСТАНЕ. Этюд.

Пензенская областная картинная галерея.

А. СМИРНОВА-КОЗЛОВА

Маяковский смеется

В июле этого года исполняется 90 лет со дня рождения великого советского поэта В. В. Маяковского. Мы начинаем публикацию материалов к этой знаменательной дате.

На большинстве фотографий, публиковавшихся в печати и экспонируемых в его музее, Владимир Владимирович Маяковский запечатлен с лицом озабоченным, напряженным или вот таким, сердито насупленным.

А мне довелось видеть, как он умел весело, от души смеяться, ласково глядеть и каким он был добродушным. В такие минуты этот могучий человек совершенно преображался и от его суровости не оставалось и следа.

Маяковский часто выступал в Высшем литературно-художественном институте имени Брюсова. Иногда он приходил с группой поэтов из ЛЕФа, а иной раз — вдвоем с Сергеем Есениным.

Все вечера проводились у нас в самой большой аудитории, где сейчас конференц-зал Союза советских писателей. На это время столы из аудитории выносили, а впереди, из нескольких столов, делали один длинный и покрывали его красной материей, а иной раз и без всякого покрытия. За ним, на стульях, располагались гости, а слушатели стояли.

Из задних рядов плохо было видно выступавших. Конечно, Маяковский отовсюду было видно хорошо, и его рыкающий бас тоже был слышен всем. А что было делать невысокому Есенину?.. Тогда он вставал на стол.

Помню, как однажды со стола он читал свои стихи. В одном из стихотворений забыл какую-то строфу. Стоит, как провинившийся школьник, и смущенно теребит зубами уголок носового платка. И никак не может вспомнить. И вдруг с детской непосредственностью и виноватой улыбкой обратился к публике:

— Простите, товарищи, забыл.

В ответ раздались дружные аплодисменты.

Это получилось так трогательно, что не умилиться было нельзя. Даже Маяковский, казавшийся нам человеком, чуждым всяких сентиментальностей, очень добро улыбался, глядя на Есенина.

Так и запечатлелся в моей памяти стройный, в светло-сером костюме, с виноватой, но обаятельной улыбкой на очень бледном, точно припудренном лице Сергей Есенин, стоящий на столе и смущенно теребящий уголок носового платка, и Маяковский, ласково смотрящий на него.

Но когда начал выступать сам Маяковский, то выражение его лица снова стало суровым и черты сделались как будто резче.

Как всегда, после вечера студенты, взяв в тесное окружение гостей, долго не выпускали их из аудитории. В этот вечер Есенина и Маяковского разъединили друг от друга, и вокруг каждого образовался круг. Вот я вижу, как к Маяковскому протиснулся студент поэт Алио Машашвили и о чем-то заговорил с Владимиром Владимировичем. Разговора я не слышала, но видела, насколько серьезен был Маяковский. Они говорили, вероятно, минут пять-шесть. Наш гость вдруг широко улыбнулся и крепко потряс руку Машашвили. Но тут их разъединили. Кольцо вокруг Маяковского стало теснее, посыпались вопросы, на которые

Эта фотография В. Маяковского хранится в архиве А. И. Смирновой-Козловой и ранее не воспроизводилась. О съемке, во время которой она была сделана, рассказал в книге «Вижу Маяковского» Л. Ф. Волков-Ланнит. В очерке «Пермские съемки Половодова» исследователь проследил историю снимков поэта, выполненных в начале 1928 года в Перми П. П. Половодовым. Фотограф использовал шесть стеклянных пластинок. Две из них разбились. Волков-Ланнит сообщает о трех известных доселе пермских фотографиях Маяковского. Эта публикация прибавляет к ним четвертую — и последнюю.

Владимир Владимирович едва успевал отвечать. Отвечал он, как всегда, остроумно, так как все время слышались взрывы смеха. А сам Маяковский оставался очень серьезным.

Вдруг энергичным движением руки Маяковский раздвинул круг и устремился к кошке, невесть как забредшей в аудиторию. Согнувшись в три погибели, он ласково гладил животное, почесывал у него за ухом. А кошка, зажмурив глаза, с тихим мурлыканьем терлась о его ногу. В аудитории наступила тишина. Все с любопытством наблюдали эту сцену. Но она длилась недолго. Вбежала испуганная уборщица и, схватив кошку, выбежала вон.

Странно было видеть такого могучего человека, большого поэта, всегда очень занятого и озабоченного, внезапно прекратившего беседу и забавляющегося с кошкой.

А однажды я наблюдала, как заразительно и озорно смеялся Маяковский.

Как-то стало известно, что в консерватории состоится вечер Маяковского. Мы — пятнадцать студентов ВЛХИ — решили пойти на этот вечер. Билетов не было, что не смутило нас — авось, пройдем на ура.

По улицам идем с комсомольскими песнями, в вестибюль ввалились шумно, а там двое милиционеров. Спрашивают пропуска или пригласительные билеты. Ни того, ни другого ни у кого не было. Нас просят удалиться восвояси. Доказываем, что мы студенты Высшего литературно-художественного института и обязаны быть на выступлении Маяковского. Доводы показались неубедительными. Требуем вызвать Маяковского.

— Мы на посту. Не имеем права уходить.

Мы начинаем скандировать:

— Мая-ков-ский!.. Мая-ков-ский!..

— Ребята! Граждане! Товарищи! По-хорошему просим вас — уйдите, не нарушайте порядок! — взмолились милиционеры.— Как людей просим.

— Позовите Маяковского, и мы утихнем.

— Сказано же вам — не имеем права уходить с поста!..

А «ребята», «граждане», «товарищи» продолжают скандировать. Наконец, по боковой лестнице в вестибюль спустился Маяковский. Мы к нему:

— Владимир Владимирович! Что же это получается, мы из ВЛХИ и не можем попасть на ваше выступление!..

— Товарищи, а что же я могу сделать?!

— Скажите, чтобы пропустили нас. Ведь немного, всего пятнадцать студентов.

— Здесь я никому не могу приказывать. Вот есть у меня один билет,— он вынул из бокового кармашка пиджака билет.— Но ведь вас это не устроит.

На все наши просьбы он отвечал одно:

— Не могу, не имею права.

Пока ребята толковали с Маяковским, а милиционеры на них загляделись, трое наших ринулись по лестнице наверх, а за ними и остальные. Спохватившись, милиционеры стали ловить бегущих, хватать за полы... Да куда там!.. Одного схватят, погонятся за другим, этот убежал. Да и как двум было справиться с пятнадцатью шустрыми, ловкими молодыми людьми.

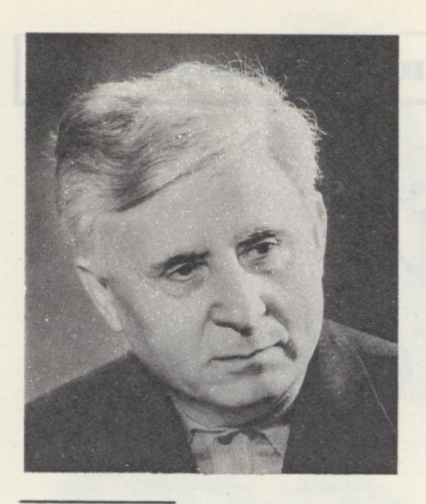
Маяковский стоял и, наблюдая эту сцену, весело, громко хохотал. Милиционеры, умаявшись с нами, тоже рассмеялись и махнули на нас руками. Маяковский же, уходя, задорно крикнул вслед нам:

— Молодцы, ребята!..

Предлагаем вниманию читателей пятую и шестую части второй книги романа Анатолия Калинина «Цыган». Первая книга в четырех частях была опубликована в нашем журнале в 1960, 1968, 1969, 1974 годах.

В 1980 году на телевидении с успехом прошел многосерийный фильм «Цыган», созданный по этому роману.

...После войны спешит домой бывший разведчик цыган Будулай. Он хотел найти свою семью, а находит могилу на окраине далекого хутора Вербного, где немецкий танк раздавил цыганскую кибитку. Многими дорогами пришлось прошагать Будулаю, и среди них очень непростой — к счастью своему, которое не может состояться без Клавдии Пухляковой, воспитавшей его сына, найденного возле раздавленной кибитки.

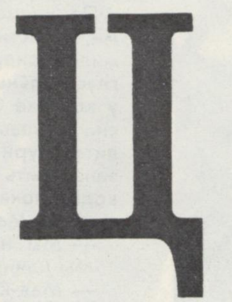

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

Книга вторая

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Цыган

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Своя жизнь у ночной степи. Даже с отдаления можно безошибочно узнать, что это задонское сияние — от машин, которые всю ночь шастают по асфальту из Ростова в Цимлу и обратно. Если прислушаться, можно уловить и сплошной однотонный гул. А ближе, между асфальтом и Доном, какие-то охотники опять, должно быть, умудрились поджечь на озерах камыш, выгоняя из него секачей. Но, может быть, это переметнулся огонь на камыш и со стерни, которую трактористы осенью зачем-то выжигают за собой. Ветром наносит оттуда соломенную гарь.

Над палубой раздорского парома, который медленно движется через Дон к левому берегу, тоже плывет легкое розовое свечение от стоп-сигналов автомашин. Ему пересекает путь целый венок света над полуночным рейсовым «омом». Но вот и над паромом, уткнувшимся в левый берег, так же ослепительно вспыхивает и двумя большими рукавами протягивается в Задонье, раздвигая мглу. Автомашины, съезжая с парома, одна за другой включают фары, нащупывая дорогу, по которой им нужно будет ехать дальше, в глубь табунных степей.

Когда-то ездила по этой дороге и Клавдия Пухлякова. Давно это было.

Еще тише, чем всегда, стало в хуторе. Не стояли в простенках домов, под заборами и в садах амфибии и рации. Не носились по улочкам в облаках красной пыли мотоциклы. Не зазывали с наступлением сумерек на танцплощадку девчат трубы курсантского духового оркестра.

И у ревнивых мужей не осталось больше причин гоняться вокруг дома за женами с жердинами, выдернутыми из огорожи, а у жен их — делиться через забор с соседками тем, о чем так бы хотелось узнать их мужьям. Только и развлечения, ненароком оглянув живот соседки, прикидывать и сопоставлять, не с того ли самого дня начал он округляться у нее, когда председатель Совета привел к ней на постой бравого старшину или же совсем молоденького, с цыплячьей шеей курсанта.

Одна лишь Катька Аэропорт не испытывала ни малейшего поползновения втягивать под чужими взглядами или же прятать в оборках платья свой живот и другим не позволяла заноситься.

— Вот скоро мы с тобой, Тамарочка, и ровесников дождемся,— с преувеличенной бурностью начинала она выражать свою радость той, которой, по ее мнению, пора уже было указать место, чтобы она не слишком выхвалялась благополучием своей семейной жизни.

— Ты, Катька, совсем сбесилась,— оглядываясь, шипела на нее подружка.— У меня, слава богу, муж есть.

Катька Аэропорт хохотала:

— Мужья, Томочка, на то и существуют, чтобы с квартирантами в подкидного дурачка играть.

Клавдии же Пухляковой она однажды повинилась:

— Вот только чего не знаю, того не знаю, с той ли это ночки, когда я моего рыжего сержанта попросила помочь мне койку от духоты в сад вынести или когда позвала твоего Ваничку проводку в летнице починить.

— Смотри, Катерина, не забрехивайся,— пригрозила ей Клавдия.

Катька Аэропорт охотно пошла на мировую.

— Успокойся, безгрешный твой Ваничка, как молочный теленок. Он даже собирался от меня в окно сигануть. Правда, намерялась я его в тот день невинности лишить, да твою материнскую гордость пожалела. А не надо было.— Катька переключалась на мстительную волну:— Вон ты какой хочешь быть — из всех самой чистой. Даже начальники с тремя большими звездочками не смогли твою крепость взять.

Клавдия обещала:

— Когда-нибудь, Катерина, вырвут тебе твой язык.

— Ничего, скоро у меня тоже будет защитник. А ты, Клавдия, если правду сказать, со всех сторон круглая, хоть ты член правления и мой персональный бригадир. Сама себя счастья лишила. Еще какая круглая. Мой сержант говорил, что твоему бывшему квартиранту к октябрьской годовщине вместо трех серебряных звездочек должны будут на погонах одну золотую засветить. Я бы за него с закрытыми глазами пошла. Шутка ли, из нашего зарастающего бурьяном хутора прямо в генеральши попасть!

И она, вытянув шею уточкой, сделав руку калачиком, семенила рядом с воображаемым генералом, наглядно демонстрируя, как бы все это могло у нее получиться. Но, не выдерживая роль до конца, разражалась бурным смехом. Глядя на нее, смеялась Клавдия и тут же осекалась, обезоруженная ее столь же бурными слезами.

— Что ты, Катя, нельзя, чтобы другие видели наши слезы,— успокаивала она Катьку, обнимая ее плечи.— Нам гордыми надо быть.

— Я-то согласна быть гордой, а как ему будет, когда родится, безотцовщину терпеть?

— Я же, Катя, двоих вырастила сама.

— Твои всегда знали, что их отец на фронте погиб, а я своему, когда подрастет, что буду отвечать?

— К тому времени еще обязательно найдется хороший человек и станет ему отцом.

Катька Аэропорт отнимала ладони от глаз, слезы мгновенно высыхали у нее, и она начинала ожесточенно кричать, не боясь, что еще кто-нибудь может услышать ее:

— Не нужно мне больше никого! Всех их, какие были хорошие, поубивали на войне. Им бы только свое от бабы получить. Не хочу, чтобы и у моего маленького такой же был отец. Лучше, когда подойдет срок, уеду за Дон в роддом к знакомой медсестре и брошу его там государству на воспитание.

Клавдия содрогалась.

— Перестань, Катя. Ты еще пожалеешь о своих словах.

Но Катька Аэропорт бунтовала уже не на шутку.

— Ни капельки не пожалею. А он меня с будущим младенцем пожалел, этот, который...— Она дотрагивалась рукой до своего живота.— Все равно государство лучше воспитает, у него денег много. Рожу и брошу прямо в больнице. Теперь, говорят, многие так делают.— Она вдруг опять начинала бурно хохотать.— Буду и я, как та же кукушка, чем я хуже других?! О-ох, Клавочка, и развеселую я себе устрою жизнь! Сколько буду рожать, столько и буду государству свою безотцовщину оставлять. И ему будет прибыль, чтобы русский народ на убыль не шел, и мне без забот. Ох, и устрою, Клавочка, я... Ха-ха, кукушка...

Теперь уже никакими силами было не укротить этот смех.

Что ж, может быть, по-своему, она и права была, эта сумасбродная и несчастная Катька. Пора было и Клавдии раз и навсегда расстаться со своими несбыточными надеждами и мечтами. Довольно с нее, она уже не девочка, чтобы поддаваться глупым бабьим чувствам. Идет время, и чувства, они, как земля, тоже зарастают травой. Не брать же тяпку и не выпалывать раз за разом эту траву из души, как она это делает у себя в саду. Да и никому, оказывается, не нужен ее сад.

Пора и подумать о себе, если, конечно, еще не поздно. Пока при ней были дети, она еще могла тешить себя этими надеждами, да и детям был нужен отец, а теперь они уже и без матери могут обойтись. Раз и навсегда надо решить, иначе одиночество догрызет ее.

Только теперь она и поняла, что это такое, одиночество. Нет, это совсем не то, когда тебя, особенно по ночам, снедает тоска, но с тобой все-таки они, дети, ни на минуту не позволяя оставаться наедине с жалостью к самой себе, потому что тогда некогда будет их жалеть, и заполняя собой тебя и все твое время без остатка. Теперь же не на кого и накричать, когда совсем уже выбьешься из сил: «Да навязались вы на мою душу!»

Но нет, навсегда уже отзвучали они в доме. Пусто и тихо, одни их школьные карточки остается перебирать, где они с портфеликами лепятся вокруг своих учителей и бесстрашно

таращатся на мир широко раскрытыми глазенками.

Пора и карточки эти убирать туда же, где, завернутая в похоронную, лежит махонькая, с вишневый лист, карточка ее мужа. А вот от другой, несостоявшейся любви у нее и самой маленькой карточки не осталось. И с какой бы радости ей быть, если даже на это у нее нет никаких прав. Теперь вот и Ваня, живая его карточка, если и будет иногда появляться перед глазами матери, то уже как гость, а правильнее сказать, как новорожденный месяц, который тут же и спешит откочевать в другие края, никогда надолго не задерживаясь на одном месте.

Несбыточной оказалась и надежда, которой она до недавнего времени еще тешила себя, что, может, хоть Нюра, родная кровь, не позволит молодому мужу увезти себя далеко от матери, а там, смотри, и наградит ее внуком или внучкой, чтобы можно было на закате лет попытаться опять начать все сначала. Есть же вокруг такие счастливые, уже не молодые, но и не старые еще женщины, которые и смеются и плачут, гоняясь во дворах с хворостинами за своими непослушными внуками: «Да навязались вы на мою душу!»

Никакая родная кровь не в силах удержать молодость под родительским крылом, когда у нее вырастают крылья. Недаром и Нюра, бывало, когда Клавдия принималась ругать ее за то, что она за полночь возвращается домой с гулянок, невинно осведомлялась:

— Ты, мама, в мои годы, конечно, вместе с курами ложилась спать, да?!

Слава богу, она так ничего и не рассказала Ване. Не решилась девочка, боясь, должно быть, потерять в нем брата, а может быть, тоже не в силах согласиться с тем, что он ей не брат. Еще неизвестно, какими бы глазами он на все это посмотрел. И неизвестно, как бы для него было лучше: узнать правду или же так и жить, как жил до сих пор. Уже поздно ему узнавать.

Давно уже Клавдия не чувствовала себя такой рассудительно-умиротворенной. Она и раньше больше всего нравилась самой себе, когда после бурь и терзаний входила в эти грустно-спокойные берега. Знала за собой и то, что в такие дни из нее можно было веревки вить.

И председатель Тимофей Ильич как будто тоже знал, что у нее такой день. Из окна Клавдия увидела, как он подъехал к ее дому на новенькой кофейной «Волге».

Но, когда проскрипев ступеньками, он открыл дверь, Клавдия с удивлением обнаружила, что и оделся он сегодня не так, как всегда,— не в свой рябенький костюм и брезентовые туфли, а в военные тщательно отутюженные китель и брюки с лампасами, какие перестали носить в хуторе и самые старые люди. Даже дед Муравель уже напялил свои на мешок с соломой, который торчит у него посреди виноградного сада на опоре в устрашение сорокам.

Еще больше Клавдия удивилась, когда брызнул на нее из-за бортов его расстегнутого плаща целый водопад фронтовых наград. Она не помнила, чтобы он когда-нибудь не по праздникам надевал их.

Как видно, заметив все эти вопросы у нее в глазах, он сразу же поспешил предупредить:

— Ладно, ладно, Клавдия Петровна, не спеши меня презирать. Мне и самому с непривычки совестно. А чего же, спрашивается, стыдиться? До чего же это мы дошли, если уже и заслуженные награды начинаешь от чужих глаз ладошкой прикрывать. Как будто ты украл их или в карты выиграл. Так и боишься, как бы кто-нибудь с молодыми усиками не посмеялся: «Нацепил, дед, свои цацки». До чего дошли, а?— с изумлением повторил Тимофей Ильич. Только после этого он протянул Клавдии руку: — А теперь здравствуй.

Клавдия подвинула ему стул.

— Садитесь, Тимофей Ильич.

— Я у тебя долго не задержусь, мне прямо от твоего двора длинный маршрут предстоит. Из-за этого, между прочим, пришлось и все их надеть.— На секунду он прикрыл свои фронтовые награды ладонью, но тут же с негодованием отдернул ее от груди:— Вот видишь, уже приучили молокососы. Ты, Клавдия Пет-

ровна, знаешь, что я и сам не люблю старыми заслугами новые грехи прикрывать. В другие дни они у меня в правлении в сейфе в коленкоровых коробочках лежат, но теперь мне без них никак нельзя появляться туда, где я сегодня к вечеру должен быть. Потому, что все мои товарищи, с которыми я в донском корпусе служил, должны будут съехаться сегодня туда, на конезавод, и я должен вместе с ними быть.

Клавдия вдруг негромко прервала Тимофея Ильича:

— На какой, Тимофей Ильич, конезавод?

— Это далеко за Доном, почти триста верст, ты там никогда не была,— небрежно пояснил Тимофей Ильич.— Там начальником мой бывший комдив генерал Стрепетов.— Тимофей Ильич не удержался:— Какие у него лошади, какие лошади! Это оттуда я и твоего разлюбимого Грома, за которого ты с меня не одну стружку сняла, привез. Теперь-то, когда он сдезертировал, ты, кажется, сама поняла, что за него не жалко было и все десять тысяч отдать.

У Клавдии чуть вздрогнули руки на клеенке стола. Тимофей Ильич великодушно успокоил ее:

— Еще неизвестно, то ли это действительно работа каких-нибудь проезжих цыган, то ли дед Муравель под бахусом проспал, когда он стенки конюшни копытами громил. Еще найдется твой Гром.

Тимофей Ильич не договорил, вдруг услышав от Клавдии то, что он меньше всего ожидал услышать от нее.

— А меня, Тимофей Ильич, вы не смогли бы с собой взять?

Он обиделся.

— Ты, Клавдия, шутишь, а у меня для этого совсем свободного времени нет.— Он взглянул на окно.— Видишь, дождь находит, еще могу до вечера не успеть. И с какой же, извини, радости я бы тебя на конезавод с собой привез?

— Мне, Тимофей Ильич, тоже интересно лошадей посмотреть.

— Как будто тебе мало нашего табуна. Смотри сколько хочешь. Я, стало быть, тебя на своей «Волге» покачу, а моя драгоценная Валентина Никифоровна нам вслед ручкой помашет, да? Это же персональное дело в чистом виде. Ты смеешься надо мной.

Она серьезно покачала головой.

— Не смеюсь, Тимофей Ильич. Думаете, только вам разрешается лошадей любить? Меня к ним отец с детства приучил.

— Поэтому ты и всю свою зарплату на рафинад для Грома тратила, да? А он взял и отблагодарил тебя.

— Значит, не возьмете, Тимофей Ильич?

— Даже если и захотел бы, то не смог. Мне тогда совсем не на кого будет в колхозе эту штуку оставить.— Он отвернул борт своего плаща, роясь в нагрудном кармане.— Как ты знаешь, мой заместитель — на семинаре в Ростове, и я в отлучке пробуду не меньше трех дней. Из-за этого я к тебе, как к старейшему члену правления, и заехал.— Он наконец достал из кармана и положил перед Клавдией на стол круглую медную коробочку.— Вот.

Клавдия взяла коробочку в руки, с недоумением поворачивая перед глазами.

— Это что?

— Гербовая!— Отбирая у Клавдии коробочку, Тимофей Ильич не без торжественности извлек из нее за петельку медный кружок.— Она здесь без меня каждую минуту может понадобиться. Мало ли зачем: то кому-нибудь из специалистов на командировочное удостоверение по вызову в область, то на пенсионную справку о среднем заработке в райсобес или завгару на письмо в «Сельхозтехнику» о запчастях. Без гербовой печати и колхоза нет. Вся жизнь замрет...

Клавдия прервала его:

— А при чем здесь я?

— Ни при чем,— сразу же заверил ее Тимофей Ильич.— От тебя только потребуется покрепче надавить на нее, когда к тебе бухгалтер с чеком или с накладной подойдет. Я на этот счет все распоряжения отдал.

— Вот пусть он сам и надавливает. У него силы больше.

Тимофей Ильич вздохнул.

— Ему я не могу доверить печать. Ты же сама хорошо знаешь, что он жулик, если за ним не смотреть. Конечно, из всех наших членов правления ты, Клавдия Петровна, больше всего мне портишь кровь, но, может быть, поэтому я больше всего и доверяю тебе.— Вкладывая печать в коробочку, Тимофей Ильич громко защелкнул ее и решительно придвинул к Клавдии.

С той же решительностью она ребром ладони отодвинула ее от себя.

— Я, Тимофей Ильич, не согласна прикладывать ее к тому, что мне будут жулики подносить.

— Я же имел в виду, что он не вообще стопроцентный жулик, а только может быть жуликом, если за ним не доглядать.

— Вот пусть и доглядают, кому нужно. Я почти на каждом правлении твержу, что гнать нужно такого главного бухгалтера вместе с главным кладовщиком в шею.

Против такого довода Тимофею Ильичу нечего было возразить. Он лишь развел руками, с тоской взглянув в окно, где его ожидала новая кофейная «Волга», которой он в глубине души надеялся похвалиться и перед своими фронтовыми друзьями.

— В таком случае мне придется отказаться от этой поездки на задонский конезавод. Конечно, я понимаю, что тебе уже не до колхоза, раз ты собираешься из хутора уезжать...

Клавдия тихо спросила:

— Куда же это я, Тимофей Ильич, по-вашему, собираюсь уезжать?

— Весь хутор об этом говорит.

Грустная усмешка тронула уголки ее рта.

— А вы и обрадовались! Может быть, вы и свою персональную «Волгу» прикажете к моему крылечку подать?

Тимофей Ильич попробовал обеими руками защититься от нее:

— Что ты, Клавдия! Разве ты не знаешь, что я к тебе со всей душой?

Клавдия жестко перебила:

— Знаю. Из-за этого и не дождетесь, когда я к вам с заявлением приду. Чтобы не портить вам больше кровь.

Тимофей Ильич оскорбился в лучших чувствах. Вот и распахни свою душу. Он даже из-за стола встал, оглаживая ремень, как перед выступлением на заседании правления колхоза.

— Такие слова я отказываюсь от тебя выслушивать даже в твоем собственном доме. Если думаешь, что я хочу от тебя избавиться за твой язык, то я не какой-нибудь зажимщик и прохвост, который не умеет делать скидок на женский характер и неудачную личную жизнь.

Теперь и Клавдия встала за столом.

— Откуда это вам известно, что у меня неудачная жизнь? Детей своих я, слава богу, без чужой помощи на ноги подняла и вообще никогда вам не жаловалась на свою несчастную долю.— Тимофей Ильич хотел вставить слово, но она не дала: — А если я своей долей довольна, тогда что? Если я самая счастливая в нашем хуторе и никуда не собираюсь уезжать?! Может, кому-нибудь и хочется, чтобы я уехала, а я вот возьму и не уеду.— Она отвернулась, глядя в окно на Дон, над которым ползли, набухая, низкие темно-синие тучи.

Тимофей Ильич окончательно вышел из себя. Все, что угодно, он мог позволить наговаривать на себя, мало ли чего не придет одинокой вдове в голову, а ты, председатель, терпи и не ее в первую очередь вини, а все ту же мачеху-войну, которая так непоправимо, на всю жизнь обворовала ее. И Тимофей Ильич давно уже научился терпеть от хуторских солдаток все, что ни припасали они на его голову бессонными ночами, но только не это. Да что он, действительно какой-нибудь душегуб, которому ничего не стоит стереть с лица земли беззащитную женщину?! Он, сам от себя не ожидая, вдруг так стукнул ладонью по крышке стола, что из подпрыгнувшей на нем солонки высыпалась на клеенку соль.

— Утри слезы!— крикнул он на Клавдию таким голосом, каким, пожалуй, только на фронте кричал, когда требовалось безоговорочно покорить растерявшихся в трудную минуту подчиненных одним словом.— Я кому сказал! — повторил он, нисколько при этом не удивляясь, что Клавдия, на которую никто во всем хуторе не смел повысить голоса, тут же и подчинилась ему. Вдруг быстро-быстро, как заяц лапками, она стала вытирать мокрые глаза кулаками и, вытерев, уставилась на Тимофея Ильича снизу вверх испуганными глазами. На мгновение ему стало жаль ее, но справедливый гнев пересилил жалость:— Ты что же, глупая баба, думаешь, если меня насильно на пенсию увольняют, так, значит, можно теперь на меня все, что вздумается, нести?! С Дона и с моря?! Ты думаешь, если я в нашей сельхозуправе поперек горла встал, так, значит...

Его привел в себя удивленный вопрос Клавдии:

— На какую, Тимофей Ильич, пенсию?

В искренности ее удивления он не мог усомниться. Два тревожных язычка вспыхнули у нее в глазах, как будто кто две спички зажег.

— Как будто ты не знаешь ничего. Не только весь хутор, но и весь район об этом говорит.

Два огонька, еще больше заостряясь, замерли у Клавдии в глазах.

— И что же они, например, говорят?— не столько спросила она, сколько проворкотала тем голосом, который, он хорошо знал, не мог предвещать ничего хорошего.

— Например, что товарищу Ермакову Тимофею Ильичу четырнадцатого декабря, то есть через два месяца, уже исполнится шестьдесят, а раз так, то вот тебе ровно четырнадцатого декабря персональная пенсионная книжка. Хочешь, положи ее себе под подушку и спи, как зимний суслик, а хочешь, загородись ею, как забором, от всякого беспокойства и разводи себе кроликов на мясо и на мех.

Вдруг Клавдия в тон ему заметила:

— Кролики, Тимофей Ильич, это уже дело устаревшее. Гораздо выгоднее на мех и на мясо нутрий разводить.

От возмущения Тимофей Ильич онемел. И это может советовать ему она, Клавдия Пухлякова! Та самая Пухлякова, от которой он, после того как почти четверть века с переменным успехом сражался с ней на пользу колхоза, все что угодно мог ожидать, но только не этого немигающего злорадства по случаю его вынужденного ухода на пенсию.

— А еще выгоднее, Тимофей Ильич, песцы. Теперь не только престарелые пенсионеры от кроликов и нутрий на песцов переходят.

Глядя на Клавдию и слушая ее, говорившую все это серьезным, проникновенным голосом, Тимофей Ильич полузадушенно выкрикнул:

— И это ты, подлая, смеешь советовать мне, бывшему фронтовику?!— Неожиданно для самого себя у него вырвалось из глубины оскорбленной души: — Да знаешь ли ты, что я только ранен был целых семь раз?!

В ответ на эти слова лишь глубочайшее презрение прочел он на ее лице.

— Тот фронтовик, какой был ранен семь раз, там же и остался, где его ранили, а этот добровольно соглашается, чтобы его под ручки вывели за ворота колхоза, какому он всю свою послевоенную жизнь отдал.

Тимофея Ильича вдруг осенило. Ему стал понятен истинный смысл этих острых огоньков в глазах Клавдии.

— Так, по-твоему, я должен...— обрадованно начал Тимофей Ильич.

— Не знаю, кому там вы в нашей сельхозуправе должны,— холодно сказала Клавдия,— но если вы сами не поедете в район и не откажетесь от этих нутрий, я до обкома дойду, чтобы они первым делом у нас поинтересовались, какой нам нужен председатель колхоза — старый или новый.

— А я-то, старый дурак, подумал...

Тимофей Ильич вдруг схватил руки Клавдии в свои и стал целовать их жесткими трясущимися губами. Как бы это ни было непривычно для Клавдии, она молча смотрела на его склоненную голову, не отрывая рук.

— Какой же вы председатель,— наконец сказала она,— если так плохо знаете в своем колхозе людей.

— Плохой, совсем плохой,— охотно согласился с ней Тимофей Ильич.

Она осторожно высвободила свои руки из его рук.

— А вам, Тимофей Ильич, очень нужно на эту встречу со своими бывшими друзьями попасть?

— Теперь у нас, Клавдия Петровна, осталось уже совсем немного таких встреч.

— Хорошо, Тимофей Ильич, я согласна три дня за этим жуликом понаблюдать.— Она остановила рукой его движение.— Только и мне придется вас просить.

— Проси, Клава, что угодно,— заверил ее Тимофей Ильич, даже не заметив, что он только по имени называет ее.

— Если случайно увидите на конезаводе того цыгана Будулая,— медленно сказала Клавдия,— который в кузне моего Ваню учил, передайте ему, что теперь Ваня уже лейтенант и скоро уедет от матери на службу в свою часть.

Вряд ли может быть еще что-нибудь радостнее, но и печальнее, чем встречи старых фронтовых друзей, когда взоры еще живущих раз за разом недосчитываются за празднично накрытым столом тех, кто еще год назад вот так же делил с ними и дорогое воспоминание и веселую шутку, взрывался еще совсем молодым гулким смехом и ревниво скашивал глаза на боевой иконостас своего соседа.

— Здравствуйте, товарищ гвардии генерал-лейтенант!

— Здесь, Ожогин, ни генералов нет, ни рядовых...

— Здравствуйте, Сергей Ильич.

— А вы, Нина Ивановна, все такая же молодая и красивая.

— Нет, уже не такая. И не буду больше такой... Нет Алексея Гордеевича... Нету его...

— А-а, подлец, теперь ты узнаешь, как мимо своего бывшего комиссара на курорт проезжать...

— Я вижу, Стрепетов, ты в этой табунной степи как король живешь...

— И Малеева уже нет.

— И Григоровича.

— По вашему приказанию гвардии старший сержант...

— Не шуми, Ермаков, на всю область, я и так помню, что у тебя голос, как труба.

Но, пожалуй, на самом наивысочайшем верху блаженства был сегодня сам генерал Стрепетов. Вот когда могла вдоволь натешиться его гордость. Шутка ли, краса и слава всего донского кавкорпуса съехалась сегодня со всех концов к нему на конезавод. И среди них тот самый генерал-лейтенант Горшков, который, будучи еще полковником, потрепал со своей дивизией Клейста под Кущевкой в 1942 году, а потом всегда был по правую руку от первого комкора Селиванова, пока сам не принял от него корпус. И тот полковник Привалов, который прошел комиссаром корпуса до Австрийских Альп. А с ними съехались к нему, Стрепетову, на конезавод со всех концов страны и те конной гвардии командиры и рядовые казаки, с которыми он взламывал Корсунь-Шевченковский котел, купался под огнем в Дунае, брал Будапешт.

Но теперь здесь все — и генералы и рядовые — сидели за одним столом. До этого Стрепетов приказал перенести из клуба в новую столовую конезавода и повесить под потолком большую люстру, чтобы ни один орден и ни одна медаль на груди у его товарищей не остались в тени. Пусть они все вместе сольются в один сплошной свет, и пусть он осветит прощальным вечным блеском их воспоминания о последнем казачьем походе.

Никто не должен был помешать им при этом. По распоряжению Стрепетова сторожевое охранение из водителей «Волг» и «Москвичей», на которых съехались ветераны корпуса, было выставлено вокруг столовой, чтобы ни один человек не смог просочиться сквозь этот заслон. За исключением ребятишек, которым разрешено было безвозбранно заглядывать в окна, им это не вредно будет. Все остальные же пусть и не суются к начальнику конезавода с той каждой мелочью, с которой они привыкли, кому не лень, идти прямо к нему, как будто им мало было на заводе других начальников — агрономов, зоотехников и всяких подобных ветеринаров. Имеет же он право один раз в году на один день и одну ночь выключиться из привычного круга, чтобы с самыми близкими его сердцу людьми отвести душу и хотя бы частично утолить тоску о невозвратном.

Тем более что у генерала Стрепетова никогда не бывало праздников, как у всех других людей. В то время как все другие люди стараются не упустить ни одного случая попраздновать и погулять то ли на свадьбе, то ли в День рыбака, а то и просто потому, что нельзя не обмыть новорожденного племенного жеребенка или же выпавшего на лотерейный билет «Москвича», он давно уже не признавал никаких границ между черными и красными числами в отрывном настенном календаре, а если и невозможно было избежать веселой компании, секретарь в конторе или жена дома всегда знали, где его можно найти в любое время суток.

Но сегодня был его день. Давно уже он не испытывал этого ни с чем не сравнимого чувства. Нет, не в глухой табунной степи все это происходит, а там, где четверть века назад он навсегда оставил вместе со своей молодостью и свое сердце. Временами ему даже начинало казаться, что это всего лишь сон и, как всякий хороший сон, он вот-вот оборвется.

Купаясь в электрическом свете многосвечовой люстры, струили золото и серебро боевые награды ветеранов той самой конницы, от которой уже и копытных следов не осталось на пути ее громких походов. Тускло светился ковыль их волос, точь-в-точь как светится он теперь лишь на взлобьях редких курганов посреди сплошь распаханных полей. И все они еще находились во власти того могучего очарования, которым их щедро одарил старый фронтовой друг, до этого целый день лично сопровождая их в поездке по всем табунам, чтобы дать им всласть налюбоваться каждым жеребцом и каждой кобылицей несравненной донской элиты.

— Ну, спасибочка тебе, Михаил,— растроганно, по-казачьи говорил теперь Стрепетову бывший комкор Горшков, сидя рядом с ним во главе сдвинутых большой подковой обеденных столиков и мерцая под люстрой своей наголо обритой головой.— Утешил. Я теперь конским духом надышался на десять лет.

Тут же как разноголосое эхо откликнулось на его слова со всех сторон зала:

— Скоро на лошадей только в зоопарке будем смотреть.

— Я на всем пути от Ставрополя до Ростова только и видел на одном переезде пару кляч.

— У нас их и в колхозах днем с огнем не найти.

— Чтоб ящик гвоздей или мешок картошки подвезти, трактор запрягаем.

Генерал Стрепетов поискал глазами на дальнем краю сдвинутых подковой столов.

— Расскажи, Ермаков, как ты этот вопрос с трибуны межзонального совещания поднимал.

— А из президиума меня и одернули, что это еще старая казачья отрыжка. Не дадим, говорят, разбазаривать землю под посевы малоурожайного овса.

Загремел полковник Привалов, покрывая другие голоса:

— Казакоеды!

Ни единой души приказал генерал Стрепетов не допускать к нему в столовую конезавода, пока он будет находиться там со своими фронтовыми друзьями. Довольно с него. Не возбраняется никому не только в любое время дня вломиться к нему в кабинет по самому ничтожному поводу, но и в ночь-полночь поднять дома с постели потому, что, видите ли, именно в этот момент приспичило какой-нибудь из местных женщин осчастливить человечество будущим космонавтом, а ты, изволь, добудь ей машину с красными крестами, или же на дальнее отделение опять нагрянули на «ЗИЛе» с Черных земель конокрады, связали сторожа и увезли на колбасу племенную кобылу — и тут уже больше некому другому мчаться вдогон на старом фронтовом «виллисе» со старым же фронтовым автоматом. Еще никому не удавалось уйти от «виллиса» генерала Стрепетова, который за послевоенные четверть века успел здесь узнать степь так, что мог самому искусному конокраду заехать по бездорожью наперерез и вдруг грозно вынырнуть перед ним из бурьянов, когда он уже решил, что ему не страшна никакая погоня.

Продолжение следует.

среди книг

КРАСНЫЙ ВЕТЕР ЭПОХИ

В последнее десятилетие в литературной жизни Дона все ярче стало обозначаться имя писателя Петра Лебеденко.

Широкие читательские круги познакомились с произведениями этого автора значительно раньше. Его увлекательные, остросюжетные книги нашли своих поклонников, а такие повести для юношества, как «В дальнем лимане», «Компас», «Шхуна «Мальва», не залеживались на библиотечных полках. Горячо потянулись руки школьников и к другой книге Лебеденко — «Сказки Тихого Дона». Впрочем, произведениями молодого писателя заинтересовались и взрослые.

С годами писательская популярность Петра Лебеденко росла. Полюбились его правдивые романы, повести о военных летчиках, чью самоотверженную работу в огненных рейсах войны писатель знал не понаслышке, а на собственном опыте, совершив более восьмисот боевых вылетов.

Теперь читатели познакомились с новым значительным произведением Петра Лебеденко — романом «Красный ветер». Действие в романе хотя и происходит несколько десятилетий назад, но, право, трудно переоценить остроактуальное значение описываемых событий. Напряженное повествование о гражданской войне в Испании звучит сегодня поразительно современно.

Важную задачу решает автор, точно воскресивший на страницах «Красного ветра» события одной из самых трагических и героических страниц двадцатого столетия. Перед читателями зримо обнажается кровавое лицо фашизма. Запоминаются слова одного из главных героев романа, советского добровольца, летчика Денисова, а на испанский лад Денисио. Защищая мученическую Гернику и знаменитую Гренаду, Денисов так говорит о будущем России: «Будущее своего народа я не могу представить себе как нечто изолированное от остального мира. Я не мог бы чувствовать себя до конца счастливым человеком, если бы у меня было все — мир над головой, спокойная жизнь, радость,— а где-то рядом — ничего, кроме страданий... А страдания и фашизм — неразделимые понятия. Поэтому я здесь...»

С волнением читаются главы, в которых рассказывается о боевом мужестве самих испанских республиканцев. Большая исследовательская работа проведена автором, им скрупулезно изучена политическая обстановка тех лет. На страницах романа возникают драматические картины социальных столкновений людей различных политических убеждений. Как противоречивы, непоследовательны, например, анархисты или сторонники сепаратистских направлений, какой разительный ущерб они наносят делу Республики!

Профессиональный летчик Петр Лебеденко захватывающе рисует динамику воздушных боев. Вспоминается сцена сражения летчиков-республиканцев — русского под именем Мартинес, венгра Матьяша Сабо, испанца Кастильо и других против фалангистов.

Покоряющая правда романа, его большая художественная сила, обостренное чувство правоты дела испанского народа — все это трогает душу читателя.

Так называемые «События в Испании», как в те годы писали газеты, были прологом второй мировой войны. Роман «Красный ветер» как бы напоминает: люди, помните о зловещем пламени фашизма, помните и сделайте все, чтобы сегодняшние наследники каудильо и фюрера никогда не смогли бросить нашу планету в пучину новой войны.

Михаил **АНДРИАСОВ**

Петр Лебеденко. Красный ветер. Роман. Ростовское книжное издательство. 1980—1982 гг.

Михаил ЩУКИН,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

И час и два дорога змейкой извивается между высоких холмов, они иногда расступаются, показывают то синюю гладь озера, то широкие поля. Она красивая, бурятская земля. Но главная ее красота — все-таки люди. Негромкие, трудолюбивые. К одному из таких людей мы и ехали в дальний Джидинский район, который находится на границе с Монголией.

Дом Гасрона Лубсановича Рабдаева, который он построил своими руками, стоит на веселом, привольном месте. Прямо из окон видно чистую, прозрачную Джиду, приток реки Селенги, над которой высятся темные горы. Гасрон Лубсанович, высокого роста, широкоплечий, с суровым, обветренным лицом, с удовольствием показывал свое «хозяйство». Оно у него немаленькое. Отара овец почти в шестьсот голов, при ферме участок, кошары... И за всем нужен глаз да глаз. Глаз у него хозяйский, руки умелые, а сам Гасрон Лубсанович — старший чабан ордена Ленина совхоза «Боргойский». Труженик, каких поискать.

— Вложи в свое дело сердце, совесть свою и умение,— говорит он,— и все будет хорошо, всего добьешься.

Он верен этому правилу, чабан, поднявшийся на вершину профессионального мастерства. Уже более десятка лет от каждой сотни овцематок он получает в среднем по сто десять ягнят и больше. А ведь в эти годы были и жестокие засухи и бескормица, но все победило трудолюбие. И за это честь и слава не обошли стороной Гасрона Лубсановича. Герой Социалистического

Знатный чабан Г. Рабдаев.

СОЛНЦЕ НА ВЕРШИНЕ

Труда, лауреат Государственной премии СССР, депутат Верховного Совета БАССР... Но не с меньшей гордостью, чем о наградах и званиях, говорит Гасрон Лубсанович о детях. А их у него с женой Татьяной Ваньчиковной одиннадцать, так что есть на кого опереться.

Дружески простившись со знатным чабаном, едем в Улан-Удэ. Сначала на старейшее промышленное предприятие Бурятии, локомотивовагоноремонтный завод. Тепловозы, ремонтируемые здесь, можно встретить на железных дорогах от Урала до Дальнего Востока, а также в Монгольской Народной Республике. И во многие из них вложен труд электрослесаря Николая Бурцева. Он может с полным правом сказать, как поется в песне, что в люди его вывела «заводская проходная». Бывший детдомовец военной поры, он рано узнал и цену куска хлеба и цену доброго слова. После училища пришел сюда, на вагоноремонтный, и вот уже сколько лет трудится электрослесарем. Был комсомольским активистом, сейчас партгрупорг. Год назад ему предложили перейти в отстающую бригаду. Как шла перестройка в бригаде — тема особого разговора. А вот чем она кончилась, сказать сто́ит. Когда мы проходили по цеху, Николай показал «молнию»: комсомольско-молодежную бригаду, где он сейчас работает, поздравляли с первым местом.

Время дорого. Закончился обеденный перерыв, и Николай, торопливо попрощавшись, заспешил к тепловозу. Пройдет несколько дней, и этот тепловоз, сверкающий свежей краской, выйдет из ворот завода. Впереди дальние дороги. Может быть, одна из них приведет его на БАМ.

Да, сегодня землю Бурятии уже нельзя представить себе без Байкало-Амурской магистрали. Своей стальной ниткой она разрезает тишину некогда пустынного, сурового края. В трудных условиях работают строители магистрали, приближая тот день, когда по БАМу откроется регулярное движение поездов.

Тот день — в будущем, но о нем уже сейчас думают в республике. Член-корреспондент Академии наук СССР, председатель Президиума Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР Маркс Васильевич Мохосоев рассказывал:

— Наши ученые немало сделали для того, чтобы наметить верные пути хозяйственного освоения в зоне БАМа. Многие разработки бурятских ученых вошли в программу «Сибирь». Но это лишь часть того, что делает наука в республике...

Бурятский филиал, организованный в 1966 году, сделал огромные шаги вперед. Сейчас в его составе институты общественных и естественных наук, геологии, а также на правах самостоятельного подразделения — отдел экономических исследований. В 42 лабораториях и секторах филиала трудятся сотни научных работников, среди которых 19 докторов и 153 кандидата наук.

А ведь бытовало когда-то мнение, что здесь нельзя заниматься большой и серьезной наукой. И одним из первых, кто это мнение опроверг, был доктор физико-математических наук профессор Чимит Цыренович Цыдыпов. Правда, тогда он не имел высоких титулов, тогда он только что окончил аспирантуру Московского университета и вернулся домой. Бывший сельский паренек, фронтовик, учитель, он хорошо знал, чего хочет добиться в жизни. Работал сутками, увлеченно, самоотверженно, учился сам и учил других, создавая лабораторию и физико-технический отдел. Широкое признание в республике и за ее пределами получили прикладные работы радиофизиков по расширению зоны уверенного приема передач Центрального телевидения, охватывающей отдаленные районы Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей, а также часть территории Монгольской Народной Республики. Кстати сказать, Чимит Цыренович по приглашению монгольских товарищей читал лекции в университете в Улан-Баторе и помогал там организовывать исследования в области радиофизики.

У бурятской земли богатая история. И эта история ожила словно наяву, когда в коридоре Бурятского государственного академического театра оперы и балета мы встретились с... ханом. Богато украшенная одежда, тяжелый меч, гордо поднятая голова и властный, жесткий взгляд из-под насупленных черных бровей. Понимаешь, что это театр, понимаешь, что это всего-навсего репетиция, а сам внутренне ежишься от грозного вида повелителя... Народный артист СССР Ким Иванович Базарсадаев приветливо улыбнулся:

— Я вас слушаю.

А нам хотелось еще и еще слушать, как он поет партию Хана из первой национальной бурятской оперы «Энхэ — Булат-батор». Чистый, мощный голос завораживал.

А путь Базарсадаева в искусство начался с запретов. Мать была категорически против того, чтобы ее старший сын пошел в артисты. А вдруг другие дети потянутся вслед за старшим? А у артистов, считала она, жизнь легкая и можно разбаловаться.

Но Ким все-таки поступил сначала в музыкальное училище, а затем в Ленинградскую консерваторию, где учился у замечательного педагога Ивана Ивановича Плешакова. Потом пел в знаменитом ансамбле песни и пляски имени Александрова, но в конце концов потянуло на родину. Здесь, в Бурятском театре оперы и балета, к нему пришла зрелость и заслуженная слава.

О своем театре, о его богатой истории, о своих товарищах Ким Иванович рассказывает увлеченно, с каким-то особым личным пристрастием. Основанный в 1948 году при активной помощи Игоря Моисеева и Иосифа Туманова, театр прошел славный путь, стал стартовой площадкой для многих известных бурятских певцов и танцовщиков. Сейчас коллектив театра готовится к премьере, которая должна состояться в конце нынешнего года. На бурятской сцене будет поставлена одна из жемчужин русской классики, опера «Борис Годунов». А Ким Иванович готовится осуществить свою давнюю мечту — петь в опере партию Бориса.

...В один из последних дней уже перед отъездом довелось увидеть величественную картину, которая надолго, наверное, на всю жизнь, останется в памяти: могучий высокий холм, а на его вершине — яркий горящий шар, утреннее солнце. Оно словно задержалось некоторое время перед тем, как начать свой дневной путь, перед тем, как обогреть эту древнюю и молодую землю. Солнце на вершине... Как и люди в этом краю.

Профессор Ч. Цыдыпов и его ученик В. Хаптанов.

Народный артист СССР К. Базарсадаев много лет исполняет роль Хана в опере «Энхэ — Булат-батор».

Н. Бурцев и В. Волгин — электромонтажники.

Н. КРЫЛОВА,
фото А. НАГРАЛЬЯНА

Древу жизни зеленеть

Из 122 миллионов детей, родившихся в 1980 году, каждый десятый умер, не дожив до года.

В двухтысячном году каждый пятый ребенок на земле будет страдать от недоедания.

Малярия ежегодно убивает миллион детей на африканском континенте. Чтобы покончить с этой болезнью, нужно примерно 2 миллиарда долларов в год — столько сегодня затрачивается на вооружение каждые 36 часов.

...Я думала об этом в таком месте, где ничто, казалось, не могло вызвать подобных мыслей,— в детской картинной галерее Еревана, где собраны рисунки ребят почти из ста стран. Галерея эта — национальная гордость Армении. И гордость социальная нашего, Советского государства. Только социализм может защитить детей от голода, болезней, нужды, может создать своим юным гражданам все условия для развития их творческих способностей.

«Мы получили чудесное впечатление, ознакомившись с творчеством детей всего мира, которые свободны от страхов и проблем взрослых». Это написал в книге отзывов чрезвычайный и полномочный посол США в СССР.

Нет, господин посол, сегодня дети даже в вашей стране, самой богатой и могущественной в капиталистическом мире, не свободны от страхов, прежде всего от страха войны. Разве не об этом говорит письмо американской школьницы Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову! Вопросы, которые десятилетняя девочка из США задала советскому руководителю, волнуют сегодня людей на всем земном шаре. В ответе Ю. В. Андропова — вся суть внешней политики нашего государства: «Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта».

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТЕАТР

«Жили-были бабушка и мыши. Они все время ссорились, и в доме было плохо. Приехал внук и подарил бабушке граммофон. Он решил помирить их»...

Хотите узнать, как граммофон это сделал? Тогда отправимся в Ереван, на улицу Абовяна, 13. Войдем в дверь рядом с вывеской «Республиканский центр эстетического воспитания» и окажемся в зрительном зале. Сейчас здесь репетирует театр марионеток. А отрывок, который я привела,— кусок из домашнего задания. Надо было сочинить сказку, используя слова «мышь», «граммофон», «подарок». И не просто сочинить, а чтоб было действие с завязкой и развязкой.

— Дети сами придумывают сюжеты будущих постановок, сами рисуют декорации. Делать кукол им помогают взрослые,— рассказывает руководитель театра марионеток Ашот Григорян.— Мы ставим сказку «Храбрый Назар». Уже готова первая кукла.

Шестиклассница Анна Демирчян выводит короля в блестящем платье. Неуловимые движения ниточек — и король величественно шествует по сцене.

— Водить марионеток не так-то легко,— говорит Ашот.— Попробуйте целый час держать на вытянутых руках планку, к которой подвешена кукла. Вот мы и занимаемся с нашими артистами специальной гимнастикой, в ней есть даже упражнения йоги.

Театр марионеток существует первый год, и премьера еще впереди. А всего в Центре эстетического воспитания больше десятка театральных студий: драматические, пластической драмы, театр теней, мюзикл, театр одного актера. Кроме того, несколько музыкальных и танцевальных ансамблей, студия живописи, декоративно-прикладного искусства.

Центр эстетического воспитания существует пять лет. Его создатель, душа и генеральный директор — заслуженный деятель искусств Армянской ССР Генрих Суренович Игитян. По образованию педагог и искусствовед. По призванию? По призванию — руководитель детского царства-государства, мечтатель и прекрасный организатор. Я познакомилась с ним лет семь назад. Он водил меня по залам первой в мире детской картинной галереи и с жаром говорил:

— Погодите, скоро у нас будет и свой театр, и детская филармония, и мастерская по художественной обработке металла, и студия гобелена, керамики, вышивки...

И вот сегодня все это уже есть. А тогда (как, впрочем, и сейчас) одной из главных его забот было отвоевать помещение. Продавщица магазина подарков, куда так часто наведывался Игитян, не подозревала, что за сувенир он ищет.

— А я ходил и смотрел, где тут стенку пробить, чтоб получился зал музея детского творчества,— смеется Генрих Суренович.

Я видела здесь несколько постановок. Они блистательны и непохожи. Но общее у всех одно: профессионализм исполнителей и высокий уровень руководителей детских коллективов. Педагоги по призванию, они беззаветно любят детей, отдают им себя без остатка. И им есть что отдавать. Это люди молодые, безусловно, одаренные, образованные, интересно мыслящие.

«Как вы попали в эстетический центр?». Этот вопрос я задавала многим. Ответы были похожи. Приведу два из них.

Григор Талян, руководитель драматической студии:

— В драмкружке Дома учителя я ставил «Записки сумасшедшего» Гоголя. Игитян посмотрел этот спектакль и пригласил сюда.

Юрий Костанян, руководитель театра пластической драмы, по образованию кибернетик, по опыту работы — режиссер.

— Вел в школе кружок. Генрих Суренович увидел наши этюды и загорелся: давай создадим театр пластики! Я мечтал об этом.

Что привлекает молодых режиссеров, художников, музыкантов в детский эстетический центр, понятно: возможность реализовать самые дерзкие замыслы. Здесь для творческого человека нет «нельзя». Есть хорошая идея? Докажи делом — создавай театр, мастерскую, студию. Словом, твори, выдумывай, пробуй!

И они творят. Вместе с детьми. Например, в драматическом спектакле «Сказки Туманяна» у глупого короля корона все время сползает на нос, и визирь ее поправляет. И вот Аршак (он играет визиря) предложил режиссеру: давайте, я лучше буду «утапливать» в корону голову короля, и будет сразу видно, какой он глупый. Режиссер согласился.

Как известно, в армянском языке не принято обращение по отчеству. В школе ученики обращаются к учителю по фамилии. А здесь, в театре,— по имени. И тут нет никакого панибратства. Просто режиссер, руководитель — один из членов коллектива, товарищ, только старший, который знает и умеет больше, чем они, младшие.

Очень мне понравился спектакль «Балда» по сказке Пушкина. Поставил его Рубен Туманян, студент театрального института. После спектакля я предложила ребятам: пусть каждый вообразит себя корреспондентом «Огонька». Какие вопросы они бы задали своему руководителю?

И вот мы сидим в репетиционной комнате. Это подвал, на потолке труба, раскрашенная под дракона. Я записываю ответы режиссера на вопросы ребят.

Вика КОЗОРОВИЦКАЯ. Как вы стали режиссером детского театра?

— После школы поступил на режиссерский факультет, но скоро понял: мало знаний, нет жизненного опыта. Ушел на филфак, окончил, но тяга к театру не проходила. Вел драмкружок в школе, в Доме пионеров. Чем больше я работал с ребятами, тем больше открывались мне их возможности. Захотелось создать такой театр, где все делали бы сами дети. Тут Генрих Суренович Игитян увидел мою постановку «Голого короля». Остальное вы знаете.

Арсен ГАСПАРЯН. Вы собираетесь с нами ставить «Ромео и Джульетту». Почему вы выбрали именно эту пьесу?

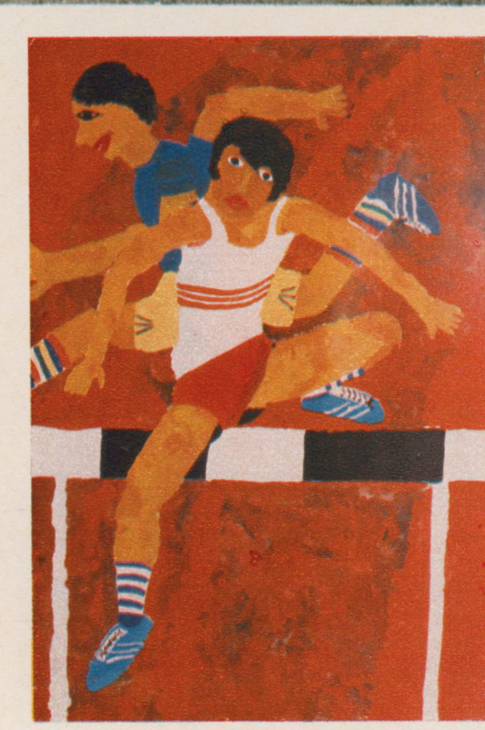
— Мне кажется, в душе у каждого человека есть своя постановка «Ромео и Джульетты». Нам часто не нравятся инсценировки известных книг именно потому, что каждый видит прочитанное по-своему. Вот я

■

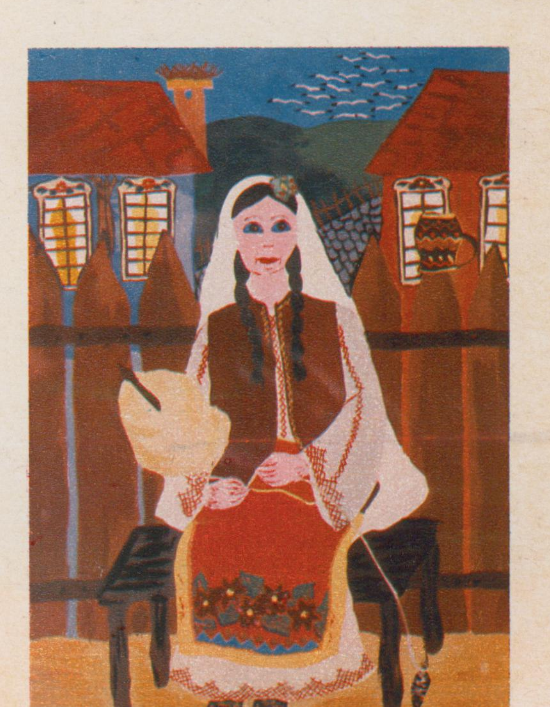
Юные художники часто приезжают к храму Гарни, построенному в I веке до нашей эры * Рисунки детей разных стран мира.

На развороте вкладки: Солист фольклорного ансамбля В. Чакмишян * Выступает детский ансамбль танца народов СССР.

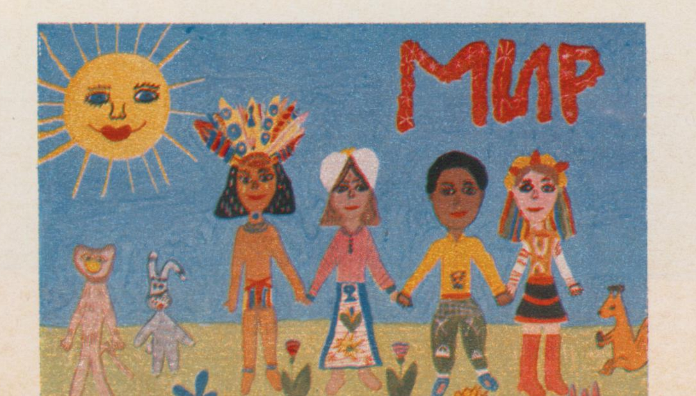

МИР

и хочу, чтобы трагедия прозвучала со сцены так, как вы ее представляете. Я думаю, что это будет спектакль романтический, с очень чистой атмосферой человеческих чувств, которая должна быть в гармоническом обществе. Вы ровесники героев Шекспира. Мне хочется, чтобы прозвучали ваши собственные трактовки бессмертных образов. Может быть, в одном спектакле Ромео и Джульетту будут играть несколько пар, каждая по-своему.

Сережа АРУТЮНЯН. Ваши творческие планы?

— Поставить детскую оперу английского композитора Бриттена.

ЧТО В КАДРЕ!

На полу провели мелом черту, и по ней, балансируя руками, двинулись два мальчика. В тот же миг комната превратилась в арену цирка, а линия на паркете — в натянутый над ней канат.

Канатоходцев сменили клоун и дрессировщик зверей. По ходу выступления им давали указания постановщики, тоже дети. Никаких костюмов, почти никакого реквизита — и полный эффект присутствия.

А потом взрослый режиссер, Карен Данилян, разбирал, что получилось, что нет и почему. Шло очередное занятие детской студии телевидения. Не было ни камер, ни аппаратной. Но студия есть. И заниматься там очень интересно, потому что руководит ею квалифицированный энтузиаст. Это определение подходит ко всем педагогам, с которыми я познакомилась в Центре эстетического воспитания.

Вот читается строка из «Медного всадника», и ребята должны придумать, что снять, что будет в кадре.

Или еще задание: две жанровые фотографии — первый и последний кадры киноновеллы, которую нужно сочинить.

А потом Карен Эдгарович разбирает творческий дневник одного из студийцев. Такие дневники ведут все. Что врезалось в память на улице? Почему именно это? Какой фильм видел? Понравился или нет? Почему? «Почемучкой» тут выступает руководитель.

— Чему мы хотим научить ребят? — повторяет он мой вопрос.— Думать. Умению видеть и оценивать окружающее. Выработать у них свой взгляд на мир, систему оценок происходящего.

Задания здесь бывают нелегкие. Но ребят это не смущает. Однажды, например, им поручили написать сценарий портретного телеочерка об интересном человеке. С ним нужно было встретиться, поговорить, придумать, как это снять. Две шестиклассницы решили сочинить телеочерк об известном писателе. Они пробились к нему и попросили его рассказать свою биографию. Писатель порекомендовал девочкам прочесть его мемуары.

— Нет,— возразили «телерепортеры»,— книжка не годится, нам нужен живой диалог.

И он состоялся. Писатель проговорил с ними два часа. Обе школьницы написали сценарий телеочерка, но совершенно по-разному.

А две другие корреспондентки встретились с актером Владимиром Мсряном, исполнителем роли Паганини в телевизионном фильме, и тоже написали интересные работы.

По лучшему из этих сценариев будет сниматься фильм. А первая лента уже в проявке. Задание было такое — снять аллею фонтанов. Его выполняли несколько кинооператоров. Каждый снимал любимый уголок города так, как он его видит. А потом из всех кадров будет смонтирован один фильм.

Я сидела на занятиях и слушала: вообрази, представь, докажи,— такие уроки заставляют ребят шевелить мозгами. Это и есть высший пилотаж педагогики — научить думать! Не знаю, придет кто из сегодняшних студийцев на телевидение или нет, но думать они здесь научатся.

И еще меня поразило: взрослые очень серьезно относятся к ребячьим выдумкам. Когда такого популярного актера, как Фрунзик Мкртчян, попросили прийти на занятия детской фотостудии, он согласился и минута в минуту появился на проспекте Ленина, где и сделан снимок, который вы видите на цветной вкладке.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Игитяном получить нелегко. Он вечно занят. То его снимало венгерское телевидение, то куда-то звонил — надо достать стекло для детских работ, через несколько дней открытие выставки. То хлопотал о каких-то модулях — насколько я поняла, речь шла о строительных деталях. Если он их раздобудет, появятся новые помещения для детских художественных студий. То мчался на прием к министру, «выбивал» штаты, отвоевывал какое-то здание.

— Вы прямо Генрих-завоеватель,— пошутила я.— Завоевываете помещения, сердца и души людей.

— Да нет, никакой я не завоеватель,— возразил он.— Один я вообще ничего бы не смог. То, что центр появился и растет,— результат большого внимания и поддержки, которые мы получаем от ЦК Компартии Армении, от правительства республики. Вопрос о детском эстетическом воспитании рассматривался и на сессии нашего Верховного Совета и на Бюро ЦК. Помогают партийные органы и на местах. Например, первые секретари райкомов партии в Горисе и в Ахуряне Роберт Арменакович Алексанян и Мисак Левонович Мкртчян очень много сделали, чтобы в этих городах, в глубинке, появились наши филиалы.

Вечером, когда весь город прилип к телевизорам — играл «Арарат», Игитян потащил нас на фестиваль джаза.

— На будущий год у нас будет детский джаз. Хочу присмотреть для него хороших руководителей. А осенью на выставке работ молодых фотрепортеров надо найти педагогов для детской фотостудии.

Главный тезис Игитяна — все дети талантливы. Бездарных ребят нет. Детская картинная галерея — доказательство этого. Когда она создавалась, были сомнения: не зазнаются ли юные дарования, увидев свои рисунки в свете юпитеров. Нет, не зазнались. Музей воспитывает и детей и родителей. Ребенок видит работу своего одноклассника. «А я так смогу?» — и берется за кисть. И родители учатся отличать мазню от шедевров.

— Наша задача — найти хороших педагогов,— продолжает Генрих Суренович.— Вы в деревне Мадина были?

Да, мы были в этом селении недалеко от Севана. Обычная деревня. Только здесь все дети рисуют. Их работы — на центральном стенде детской картинной галереи в Ереване. Они демонстрировались в США, Канаде, Норвегии, Болгарии, во многих городах нашей страны. Преподает рисование в этой деревне Нерсес Карапетян, сын учителя, который работает в той школе 43 года.

— Если б ты был волшебником и мог исполнить любое желание, что бы ты пожелал? — спросила я в классе у Нерсеса.

Знаете, что ребята ответили? «Чтоб в школе всегда был только урок рисования!»

Я рассказала об этом Генриху Суреновичу. Он засмеялся и сказал:

— Нерсес — великолепный педагог. Пошлите его в любую деревню, и у него все дети будут рисовать, как в его родной Мадине.

Наш центр — не инкубатор для вундеркиндов,— продолжал Игитян.— Все, что делается здесь,— это конкретное претворение в жизнь трех очень важных постановлений партии и правительства: о профтехобразовании, о народных художественных промыслах и о работе с творческой молодежью.

Не важно, станут ли сегодняшние ребята артистами или художниками. Важно, чтобы они стали людьми. Роль искусства в этом огромна. Человек, который любит Моцарта, не может быть злым, подлым. Он должен быть светлым, добрым. Мы должны воспитать людей добрых, сильных. Слабый может быть добрым от трусости. А сильный будет поддерживать других, будет отстаивать доброе.

Игитян мечтает поставить спектакль о Корчаке, выдающемся польском педагоге и мужественном человеке, который пошел в газовую камеру вместе со своими учениками. Главная цель всех начинаний Игитяна — привить детям творческое отношение к жизни, чтоб и в научной лаборатории и в сапожной мастерской они были творцами. Для этого нужно не только любить прекрасное. Нужен характер, упорство, терпение. И этому учат ребят в Центре эстетического воспитания.

ПОСВЯЩЕНИЕ В МАСТЕРА

Два года назад в доме на проспекте Ленина была котельная. Потом здание подключили к теплоцентрали. Помещение котельной «выбил» Игитян. Теперь здесь мастерская художественной обработки металлов. Я видела вещи, сделанные 11—12-летними мальчиками и девочками, настоящие произведения ювелирного искусства. Только из простой медной проволоки.

Недавно торжественно открылась выставка. Это было целое представление с музыкой и костюмами. Под звуки барабана кузнец ударял молотом о наковальню, и глашатай со свитком в руках торжественно возвещал: «Армен, сын Левона, посвящается в мастера». А потом прямо в мастерской был «банкет». Все угощение приготовили сами ребята.

Вот они, в черных фартуках мастеровых, склоняются над горелками. Звучит музыка. Шопена сменяет Бах, потом современная мелодия. Красным волоском светится раскаленная проволока, и у нас на глазах рождаются диковинные цветы, замысловатые орнаменты.

Здесь занимаются семьдесят ребят. Специалисты центра ведут с ними занятия по истории искусств, по этнографии. Руководит мастерской Навасарт Петросян. Он учился в Москве, в плехановском институте, а потом у известного в Ереване мастера по металлу. У Навасарта золотые руки и прекрасный вкус. Люди годами ждали очереди заказать ему серьги или браслет. Однажды к нему в мастерскую заглянул Игитян. «Слушай, Навасарт, а сумеешь повести мастерскую у нас, в центре?»

— И я обрубил все концы,— говорит мастер,— простился с дорогими заказами и не жалею. Здесь теперь мой дом. Не мыслю теперь своей жизни без работы с детьми. Скоро мой сын подрастет, обязательно возьму его сюда, чтоб человеком стал.

С такой же мыслью водят в студии и мастерские своих ребятишек мамы, папы, бабушки, дедушки. С одним из них я познакомилась. Он аккуратно достал из целлофановой сумочки две пары балетных туфелек — побольше и поменьше.

— Это для Лалы, а эти — для Аршака. Внуки мои,— пояснил дед.— Сейчас в ансамбле народного танца выступать будут.

— Скорее, ну скорее же, дедушка,— торопили старика мальчик, живой и курчавый, как маленький Пушкин, и девочка с большущими красными бантами. Дед поправил на ребятах беленькие гольфики, и танцоры убежали, чтобы занять свое место в хороводе, который снят на развороте нашей вкладки. Мы разговорились. Аршак Багратович Худавердян рассказал мне, что по профессии он столяр, сейчас на пенсии. Прошел всю войну, с 22 июня сорок первого и до самой победы, которую встретил в Берлине. Был ранен. Имеет орден Красного Знамени и два десятка медалей. Его биография — это биография поколения.

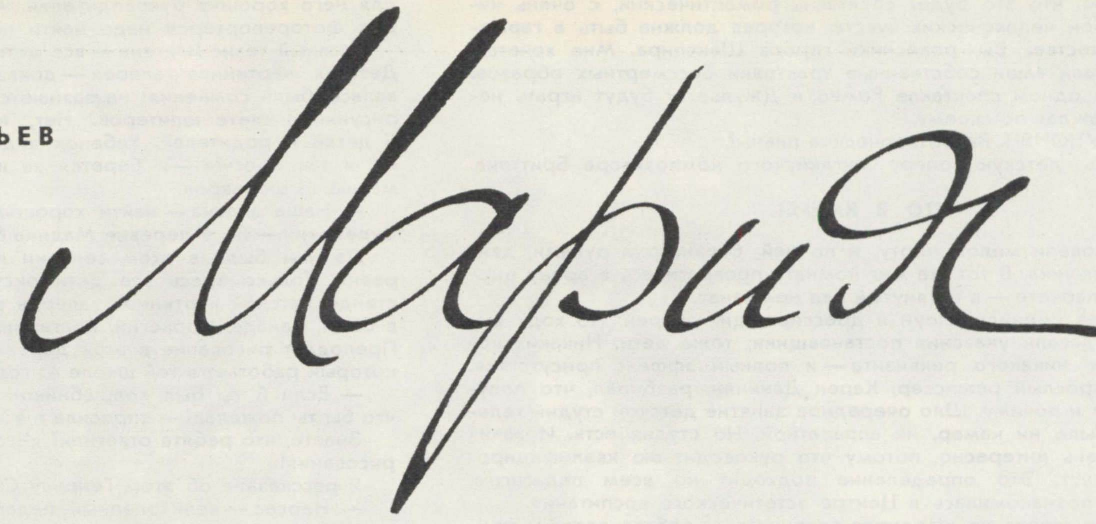
— Знаете, о чем я думаю, когда смотрю на них? — Аршак Багратович кивнул в сторону хоровода, где кружились дети.— Только бы им никогда не знать войны. У меня три сына, девять внуков. Хочу, чтоб они выросли счастливыми. А для этого всем людям на земле нужен мир!

■

Народный артист Армянской ССР Фрунзик Мкртчян — частый гость детской кинофотостудии * Сказка Андерсена в театре пластической драмы.

Иван САВЕЛЬЕВ

ПОЭМА

ГЛАВА ПЯТАЯ

Если с сыном повстречалась мать,
На такую не надеясь встречу,
Разговоры без конца весь вечер,—
Все равно всего не рассказать;

Что в беседе вспомнить ни берись —
Дальние иль нынешние годы,—
Коль судьба слилась с судьбой народа,
Не расскажешь прожитую жизнь.

И одною времени рекой
Два потока — нынешний и прошлый —
Не с того ли стали,
Что надежно
Их связала
Ты своей судьбой?

Муж тебе с портрета улыбается.
И глядит с улыбкою сынок...
Не с того ли,
Как живой поток,
Время с временем
В одно сливаются?

...Родина счастливая, свободная,
В море слез утоплена беда!
Вот они,
Великие,
Голодные,
Мирные —
Прекрасные года!

Только что покончено с войною,
Мир вокруг, и, значит, проживем —
С лебедой,
С картошкою гнилою,
С мирным — над землянкою — дымком.

Марья, Марья,
Горе одолимо.
И какое горе, если вновь
Мужем ты, как в юности, любима —
Не погибла, выстояв, любовь.

Марья, Марья,
Осень золотая
Ягодой рябиною горчит...
Наступила молодость вторая,
Женская,
Последняя,
Святая,—
Сердце с сердцем, как одно, стучит.

Стало все таинственней, чем прежде,
Словно вправду
Вечность впереди...
Лунный свет —
Легчайшую одежду —
Сбрасывала с плеч ты:
— Не гляди...

Ночь была дыханием единым
И плыла торжественно в зарю...
И шептал он:
— Подари мне сына...
— Ладно,— отвечала,— подарю.

И тебя
К тебе самой ревнуя —
Не сболтнула б лишнего строка,—
Целовал он ягоду лесную,
Знойную,
Зовущую — сладка.

Целовал за все свои окопы —
Всею болью и любовью всей! —
За поля смертельные Европы,
Где не счесть потерянных друзей.

И одной луне лишь полагалось
Видеть вас, забывших обо всем...
И тебе шепталось, как дышалось:
— Петею сыночка назовем...

А наутро за ночное счастье —
Быть одной счастливою нельзя —
Обожгли тебя соседки Насти
Слишком откровенные глаза...

Ты глядела виноватым взглядом,
И жалела Настю в этот миг,
И сама была уже не рада,
Что к тебе одной пришел мужик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мать и сын!
Ты веришь и не веришь,
Что с тобой он!
Как во сне, глядишь.
И бежишь, ликующая, к двери.
— Проходите, гости...— говоришь.

Приходили — из дому и с поля.
Старый Клим — под сто ему — пришел.
К скорому радушному застолью
Все, что было, подала на стол.

Ты сидела — словно не слыхала
Разговоров шумных за столом.
— Прояснии-ка,— Клим сказал,—
Михалыч,
Хорошо ль прикрыты мы щитом?

По погонам вижу, ты — ракетчик...—
Кто-то бросил:
— Стар, а разглядел...
— Разглядишь.— Старик ссутулил плечи.—
Разглядишь... — и словно онемел.

Он сидел, дымком годов обвитый,
Грозного столетья старожил.
Петр ответил:
— Хорошо прикрыты.
Хорошо прикрыты,— повторил.

И вздохнули гости облегченно —
Дум тревожных не залить вином.
И сияли звезды на погонах
Ровным, основательным огнем.

— Взяли мы друг друга на прицел...
Но хочу оговориться сразу:
У безумья тоже есть предел.
— Что за ним-то?
— За пределом?
Разум!

— Дай-то бог... Хоть разуму теперь, —
Клим ответил,— доверять не стали...
Люди жить под страхом бомб устали,
Ты уж мне, пожившему, поверь.
Может, потому и кувырком
Жизнь у молодых пошла сегодня,—
На Петра он взгляд усталый поднял,—
Жить одним, Михалыч, стали днем?..

И, подавшись за столом вперед,
Ты сказала:
— Всех чернить не стоит.
Каждый так, Савватьевич, живет,
Как ему подсказывает совесть...

— Ох, Мария, твой упрямый нрав
Не исправит смерть сама, наверно...
— Не исправит. Ты, Савватьич, прав.
Я,— на сына глянула,— бессмертна.

И опять, как в годы молодые,
Как тогда,
Погожим мирным днем:
— Что сидим-то?
Заводи, Мария...
— Ох, устала, девки... Запоем.

И опять твой голос птицей взвился,
И творила песня чудеса:
«Хорош-пригож да мальчик зародился...» —
В голос твой вплетались голоса.

Песня живо набирала силу...
В складном хоре, замерев душой,
Слышала ты голос Михаила:
«Радоваться надо... Я живой!..»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Радовалась!
Поднималась рано —
На рассвете отпускала боль...
Выходили люди из землянок —
Не с того ли света?
Не с того ль?

...Михаил, у изгороди стоя,
Говорил, играя топором:
— Мы такой с тобою дом построим,
Мы с тобой такой поставим дом!..—
Он стоял, прищурившись, напротив:
— Так что, знаешь, не печалься, мать...

Да, в округе он
Столяр и плотник
Был такой, какого поискать.

Он стоял,
По-детски улыбался
(Ты сама скрыть счастья не могла!):
Инструмент — и как он цел остался?—
Мужу, как подарок, поднесла.

Он глядел, смущенно-виноватый,
И куда их деть, уже не знал,
Руки, что привыкли к автомату,
Из которого — в упор — стрелял.

И от мысли отстраняясь этой,
Он душою к срубу прикипал...
И стучал топор его с рассвета,
До заката молодо стучал.

Окончание. См. «Огонек» № 21.

Ты просила:
— Отдохнул бы, Миша...
— Отдохнуть успею...— говорил,
От венца к венцу,
Все выше,
Выше
К солнышку хоромы возводил.

Он работал хорошо и споро.
С каждым новым срубленным венцом
Раздвигались перед ним просторы,
Отступал, казалось, окоем.

Он работал, враз помолодевший,
Поднимался,
Отойдя душой,
Выше — к солнцу,
Выше — к птицам певчим,
Теплой окружен голубизной.

И, согретый этой летней синью,
Под которой теплилась земля,
Он, казалось, видел всю Россию —
От родного сруба до Кремля.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дом срубил себе,
А детям — школу,
Над Днепром стояла, хороша!..
Но сидел в груди его осколок —
Подбирался к сердцу не спеша.

А оно стучало
И не знало,
Гулко кровь толкая в круговерть,
Что его слепым куском металла
Поджидает крупповская смерть.

...Над Днепром багровое всходило
Солнце, пробиваясь сквозь туман.
Михаил, поставив в паз стропила,
Глядя вдаль, ощупывал карман.

— Закурю...— сказал себе.
И громко:
— Красота какая! Боже мой!..—
И качнулся вдруг,
Схватясь за кромку
Матицы дрожащею рукой.

Это жизнь, что в нем была,
Хваталась
За последний на земле предел...
Но уже свинцовая усталость
Навалилась —
Михаил осел
И смотрел невидяще,
И губы
Прошептали — через боль — с тоской:
— Красота...—
И он упал со сруба
Наземь,
Распластавшись над щепой.

Он лежал в рубашке пропотевшей,
И рассветный трогал ветерок
На щеке, смертельно посеревшей,
Белой-белой стружки завиток.

Он лежал под белою березой
(У лица — цветочная пыльца...),
Зданье
Под правление колхоза
Не успев достроить до конца.

...И теперь на здании правленья
Видишь доску скорбного значенья:
«Михаил Макарович Днепров...»—
Данью памяти от земляков.

...Вы вдвоем на стареньком портрете.
Ты глядишь —
И в памяти твоей
Время четырех десятилетий
Пробежало вереницей дней.

Подступило радостью и болью,
Жизнью —
И твоею и его...
— Мама...— тронул руку.— Что с тобою?
— Ничего, сыночек, ничего...—
И, справляясь с памятью-бедою,
Ты успела песню подхватить:
— Ой, кому горе, а мне, младе, вдвое,
Но мы привыкли в большом горе жить...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

За столом — напротив — сын сидел
И глядел,
глядел,
глядел,
глядел...

Быстро-быстро надвигалась ночь.
Было ждать отъезд его невмочь.

Глубоко задумавшись, молчал,
Словно он на битву уезжал.

Словно собирался на войну,
Оставляя вновь тебя одну.

Заглянула в горницу луна.
Тишина стояла. Тишина.

Чувствуя неясную вину,
Обнимал он взглядом седину.

Все глядел... И в мертвой тишине,
Словно в миг затишья на войне,

Голос свой услышал, как чужой:
— Мама... а поехали со мной.

Там тебя невестка, внуки ждут...
— Ну, а как же Миша будет тут?

Каково ему с сынком лежать?
Можно ли одних их оставлять?

И тревожный пригасила вздох:
— Ты б своих привез сюда, сынок.

Здесь их корень. Может, поживут
И к земле душою прирастут?..

Не напрасно испокон веков
Здесь живет крестьянский род Днепров.

Мор его валил. И недород.
Войны жгли — не прерывался род.

Потому и выжил он, сынок,
Что корнями в землю врос в свой срок.

А корнями и велик народ,
Нет, без них земля не проживет...

Встал и закурил он в тишине,
Словно в миг затишья на войне.

Ком тяжелый к горлу подкатил.
И дыханье разом захватил.

Он тревожно вышел на крыльцо...
Холодком повеяло в лицо.

В темноте под тихий вздох реки
Колыхались окон огоньки.

И антенн зовущие кресты
Плыли по простору темноты.

Лунным светом мягко залита,
Чуть мерцала красная звезда,
Над ночным задумчивым Днепром
Разгораясь — в ширь и высь — огнем...

И на фоне этого огня
Заметались — огненно-лучисты —
Лица, лица...
Вся его родня...
Лица, лица...
Всех погибших лица.

Безголосы, высохшие, без
Мук-морщин,
В немом столпотвореньe
От земли до замерших небес,
Скорбные, качались, словно тени.

И глаза — во весь овал лица —
Били в сердце
Безголосым криком...
И увидел он:
Глаза отца
Проступили в этом свете зыбком.

И такая в них печаль была,
Что от боли сердце
С ритма сбилось.
И слеза тяжелая текла —
По бессчетным лицам покатилась.

И росла,
Росла,
В себя вобрав
Слезы — боль погибших миллионов,
И распалась
Медленно,
Со стоном,
В Днепр притихший искрами упав...

И, раздвинув разом берега,
Затопив
Сады,
Березы,
Крыши,
Потекла кровавая река
По Земле,
И к Млечному,
И выше...

И на полусфере голубой,
Там, где свет
Звезда звезде дарила,
Скорбь-звезда
Кровавая всходила
Над страной и над моей судьбой.

И лучи ее, горя во мгле,
Землю, как рентгеном, облучали,
Чтобы мы, живя, не забывали
Обо всех погибших на Земле.

Скорбь-звезда
Мерцает в вышине
Самой главной
Точкою Вселенной,
Дочь родная
Памяти нетленной,
Днем и ночью видимая мне;
Неусыпной
совестью людей
Над Землею
поднята
к зениту...
И сверяют космонавты с ней
Все свои надземные орбиты.

Если же ее не видел ты
И о том, что есть она,
Не знаешь,
Не спеши: «Да нет такой звезды!..»—
Говорить, решительный товарищ.

Вечером ли, ночью ли, с утра —
Даже если ляжет путь неблизкий —
Ты приди на берега Днепра,
К звездным — несть числа им! —
Обелискам.

Встань к Днепру,
К звезде над ним лицом —
И увидишь:
В небе расширяясь,
Свет ее пронзающим лучом
К той звезде уходит,
Возвращаясь
К обелиску и цветам у плит,
Где,
В бессмертье
Всех погибших веря,
Женщина (то мать моя)
Стоит —
Для нее остановилось время.

И еще я знаю:
Вместе с ней
В майский день, на солнечном восходе,
Матери погибших сыновей
К обелискам
В Час один приходят.

И у вечных, краснозвездных плит —
Так гласит народное сказанье —
Вместе с ними Родина стоит —
Мать-Отчизна,
Словно изваянье.

Скорбная наступит тишина,
Громкая,
Тревожная — до звона...
И тогда произнесет она
Поименно павших имена,
Поименно —
Двадцать миллионов.

Каждой матери произнесет
Имя дорогое в Час великий,
И звезда тревожная взойдет
Красною кровавою гвоздикой.

И меж красных, вечных звезд-сердец
(Годы, как столетия, минули)
Над Землей
В бессменном карауле
И твоя звезда горит, отец.

И под ней,
Под этою звездой,
Губы сжав в молчании суровом,
Он стоит сегодня, мой герой,
На филенчатом крыльце отцовом.
Ей раздумья о судьбе Земли,
Как судье высокому, вверяет
И душой и телом ощущает
Тяжесть звезд, что на плечи легли.

Он стоит, и в мирной тишине
Голос вырывается, бесстрашен:
«Я, отец, хоть мир под небом нашим,
Постоянно, словно на войне...»

...Скрипнув дверью:
— Не замерз ли тут?—
Ты сказала, из прихожей выйдя.
— Нервы, мама, видимо, сдают:
Вновь отца как наяву увидел.
И, накинув на плечи платок,
Нить раздумий медленную тянешь:
— Что увидел, хорошо, сынок,
Плохо, если видеть перестанешь...

Взял он руку в теплые свои
И подумал: «Легкая какая...»
И застыл, весь жар своей любви
Матери без слов передавая.

Излучали теплый свет глаза,
Благодарный и надежный самый...
— Мама, мама... — только и сказал
И, слезами задохнувшись, замер.
Самолет гудел в небесной мгле,
Тяжело, с глухим надрывом воя...
И опять — покой.
И в том покое
Мать и сын
Во всей Вселенной двое,
В целом мире двое на Земле.

...Ночь все ниже опускала тьму.
Разливалось звездное свеченье.
В эту ночь представились ему
На границе западной ученья.

Бой как бой.
Огонь и дым окрест.
Танковая мощь неодолима...
Бой как бой.
В глазах качался Брест —
То сегодняшний,
То в клубах дыма.
Бой как бой.
Ракеты сносят цель,
Хоть идут обычные ученья...
И в огне пылает цитадель,
Словно в первый день
Т о г о сраженья.
Ухают разрывы, и свинец
Сеет смерть — все, кажется, взрывалось...
То в его тревожный сон врывалась
Битва та,
В которой был отец.
Пятачок-плацдарм. Краснеет Буг.
Кровь и стоны. Полоса прорыва...
Он встает:
«За Ро-ди-ну!..» —
И вдруг
Падает, к реке отброшен взрывом.
Кровь... река кровавая течет.
Брест в огне.
Но враг от стен отброшен.
Что это?
На выручку ползет
Сын к отцу —
И доползти не может.
«Я с тобой, отец!..»
И в тот же миг —
Новый взрыв.
И вспышка — как от солнца.
Он кричит, но нерожденный крик
Где-то там, под сердцем, остается.
Из последних сил — их нет!— рывок.
Встретились глаза с отцовским взглядом...

— Что с тобой?— услышал он.— Сынок...
Ты стонал всю ночь...—
Присела рядом...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

День всходил, прекрасен и велик.
Плыли облака, легки и строги...
В миг прощанья — самый тяжкий миг —
Мать и сын стояли на пороге.
Пробуждалась жизнь
В рассветный час:
У Днепра косилки стрекотали,
Шел на стройку тяжело «КамАЗ»,
И все дальше простирались дали.
Поднималось солнышко, слепя.
Вместе с солнцем поднимался ветер.
— Ты, сыночек, береги себя...
— Не тревожься, мама,— он ответил.
И рукою
Мягкой седины
Он коснулся робко и несмело.
— Только б, Петя, не было войны...
Ты с надеждой на него глядела.
С той надеждой,
Что нельзя предать
Даже и намеком на сомненье.

И сказал он, поборов волненье:
— Мир сегодня сможем отстоять!
Верь мне, мама!—
Улыбнулся он
И, гася внезапную тревогу,
Посмотрел туда,
Где эшелон
Был готов отправиться в дорогу.
И слова,
Что маршал говорил
В дни учений
В этот год тревожный,
Вспомнил он и маме повторил:
— Наша мощь — для мира
щит надежный!—
Ровно и уверенно сказал,
По-солдатски,
По-сыновьи — прямо...
— Мне пора...—
Порывисто обнял:
— Береги себя... ты слышишь, мама!..

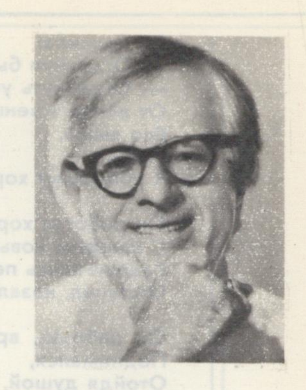
И пошел (служить, беречь страну)
Той отцовскою походкой строгой...

Ты прости,
Что я тебя одну,
Марья-скорбь, оставлю на дороге.
Никого за беды не виня
(Крещены одной бедою все мы),
Ты стоишь...
Тебе не до меня,
Не до этой горестной поэмы.
И, прощаясь навсегда с тобой,
В этот миг, для вас тревожный самый,
Я шепчу — всей болью и тоской:
— Береги себя — ты слышишь?—
Мама!..

ЭПИЛОГ

Велика огромная страна...
Только где бы ни был я, согреет
Душу речь спокойная одна:
— Есть под Вязьмой женщина. Она —
Дни проходят, годы — не стареет.
Скажет кто-то:
— Привирать не стоит,
Марья проживает в Чарусе...—
Я молчу. Я слушаю, как все,
О Марии
Слово
Золотое.
Кажется: она вот-вот
Придет
На вокзал,
И станут все родные.
И расступится пред ней народ,
И найдется кто-то, подмигнет:
— Что сидим-то?
Запевай, Мария!..

Эту песню тоже запою —
И себя к сердцам людей приближу.
И как будто матушку мою,
Марью, в каждой женщине увижу.

Брэдбери Рэй Дуглас — известный американский писатель. Творчество Брэдбери, писателя - гуманиста, завоевало ему популярность во всем мире. Советские читатели знают и любят его книги «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», а также его замечательные рассказы, как фантастические, так и реалистические.

Когда на спинку изголовья падали солнечные лучи, она сверкала, как фонтан, бросающий вверх яркие перья света. Ее всю украшали львы, бородатые козлы и получеловеческие лица. Спинка внушала страх даже сейчас, во тьме полуночи, когда Антонио сел на кровать, расшнуровал ботинки и, протянув большую огрубелую руку, дотронулся до тускло поблескивающей лиры посередине. Потом он повалился в эту чудесную машину, изготавливающую сновидения, разлегся в ней, дыша тяжело, и его веки сразу начали слипаться.

— Все ночи,— произнес голос его жены,— мы спим в пасти каллиопы [1].

Ее жалоба поразила его прямо в сердце. Он не сразу посмел дотянуться до узорной спинки кровати и провести мозолистыми концами пальцев по холодному металлу, по струнам лиры, пропевшим за многие годы столько неистовых и прекрасных песен.

— И вовсе это не каллиопа,— сказал он.

— Стонет, как каллиопа,— не отступала Мария.— Миллиард людей на нашей планете спит сегодня ночью в кроватях. Почему, пусть ответят мне святые, миллиард, но не мы?

— И все-таки,— сказал мягко Антонио,— это кровать.

Пальцы его, перебирая струны на медной имитации лиры у него за головой, наиграли коротенькую мелодию. Для его ушей это была «Санта-Лючия».

— Эта кровать вся в горбах, как будто под ней стадо верблюдов.

— Ну-ну, мама,— сказал Антонио. Когда она злилась, он называл ее мамой, хотя детей у них не было.— Ты никогда не была такой,— продолжал он,— стала только пять месяцев назад, когда миссис Бранкоцци под нами купила себе новую кровать.

Мария сказала мечтательно:

— Кровать миссис Бранкоцци. Она как снег. Она плоская, белая и гладкая, вся-вся.

— Да не нужно мне никакого чертова снега, плоского, белого и гладкого! Ты только пощупай эти пружины! — закричал он рассерженно.— Они меня знают. Они считаются с тем, что в этот час ночи я лежу в о т т а к, в два часа — в о т э т а к! В три часа т а к, в четыре — э т а к! Мы с ней, как партнеры-акробаты, работаем вместе уже не один год и знаем все подхваты и падения.

Мария вздохнула и сказала:

— Иногда мне снится, будто мы внутри автомата, делающего ириски в кондитерской Бартоле.

— Эта кровать,—заявил Антонио темноте,— верно служила нашей семье еще до Гарибальди! Из этого источника вышли округа честных избирателей, отряд четко салютующих военных, два кондитера, один парикмахер, четыре вторые партии для «Трубадура» и «Риголетто» и двое гениев, настолько гениальных, что так и не смогли решить, что́ именно им следует делать в жизни! Не говоря уже о многих красавицах, ставших украшением балов. Рог изобилия — вот что такое эта кровать! Настоящий комбайн!

— Мы женаты уже два года,— сказала Мария, и голос ее прозвучал до ужаса ровно.— Где н а ш и вторые партии для «Риголетто», наши гении, наши украшения балов?

— Терпение, мама.

— Не называй меня «мама»! Тобой эта кровать занимается все ночи, зато обо мне она не подумала ни разу. Ей даже девочки для меня жаль.

[1] Каллиопа — паровой орга́н (музыкальный инструмент).— Прим. перев.

Рэй БРЭДБЕРИ

РАССКАЗ

Спасительница браков

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Он приподнялся и сел.

— Ты позволила женщинам из нашего дома портить тебя своей болтовней о кредите — доллар сразу, по доллару в неделю. У миссис Бранкоцци дети есть? У нее и у этой новой кровати, что стоит в ее спальне уже пять месяцев?

— Нет! Но уже скоро! Миссис Бранкоцци говорит... и ее кровать такая красивая!

Он упал на спину и рывком натянул на себя одеяло. Кровать завизжала — такой звук, будто по ночному небу к заре, чтобы в ней исчезнуть, пронеслись фурии.

Луна изменила контуры окна на полу. Антонио проснулся. Марии около него не было.

Он встал, пошел к ванной и заглянул в полуоткрытую дверь. Его жена стояла перед зеркалом и смотрела на свое усталое лицо.

— Я не очень хорошо себя чувствую,— сказала она.

— Мы поспорили.— Он протянул руку и легонько похлопал ее по спине.— Прости меня. Мы обдумаем. Насчет кровати то есть. Посмотрим, как у нас с деньгами. И если завтра ты будешь чувствовать себя плохо, сходи к врачу, ладно? А теперь возвращайся назад в постель.

В полдень на следующий день Антонио отправился пешком с лесного склада к витрине, где были выставлены великолепные новые кровати с приглашающе отвернутыми одеялами.

— Я,— прошептал он, когда пришел туда,— чудовище.

Он посмотрел на часы. Мария сейчас должна собираться к врачу. Утром она была как прокисшее молоко; он сказал ей, чтобы она пошла к врачу обязательно. От витрины с кроватями Антонио отправился дальше, остановился у окна кондитерской и стал смотреть, как вытягивает, выдавливает и завертывает машина, делающая ириски. «Интересно, вопят ириски или нет? — подумал он.— Возможно, что и да, но так тонко, что мы не слышим». Он засмеялся. Потом в растянутой массе ириса ему померещилась Мария. Нахмурившись, он повернулся и зашагал назад к мебельному магазину. Нет. Да. Нет. Да! Он прижался носом к холодному как лед стеклу. «Кровать,— подумал он,— ты, новая кровать, знаешь ли ты меня? Будешь ли добра ночью к моей спине?»

Медленно он вынул бумажник и уставился на деньги. Вздохнул, посмотрел долгим и пристальным взглядом на мраморный верх ночного столика и на новую кровать, чужую и враждебную. Потом, ссутулившись, сжимая в руке разъехавшуюся пачку банкнот, вошел в магазин.

— Мария!

Прыгая через ступеньку, он взбежал по лестнице. Было девять вечера, он сумел отпроситься ненадолго со своей сверхурочной работы на лесном складе и помчался домой. Дверь в квартиру была открыта, он влетел в переднюю и, лучась улыбкой, обежал комнаты.

В квартире никого не было.

— Вот досада! — сказал он разочарованно. Он положил товарный чек на комод, чтобы Мария, когда войдет, сразу увидела. В те немногие вечера, когда он работал допоздна, она уходила к какой-нибудь из соседок внизу.

«Пойду разыщу,— подумал он, но остановился.— Нет. Лучше дождусь ее и скажу наедине». Он сел на кровать.

— Старая кровать,— сказал он,— прощай! И, пожалуйста, прости меня.

Он нервно погладил медных львов на спинке изголовья. Встал и заходил по комнате. «Ну скорее, Мария!» Он представил себе, как она заулыбается.

Антонио прислушался, не взбегает ли она быстро, как это ей свойственно, по лестнице, но услыхал медленные, мерные шаги. Подумал: «Это не шаги Марии, так медленно моя Мария не ходит никогда!»

Ручка двери повернулась.

— Мария!

— Ты так рано! — Она улыбнулась ему счастливой улыбкой. Неужели догадалась? Неужели прочитала все на его лице? — Я была внизу,— воскликнула она,— всем рассказывала!

— Рассказывала?..

— Про врача! Я ходила к врачу!

— К врачу? — Вид у него был ошарашенный.— Ну, и?..

— И, папа, и...

— Это правда: папа?

— Папа, папа, папа, папа!

— О,— сказал он мягко,— вот почему ты шла по лестнице так медленно.

Он обнял ее, но не чересчур крепко, и поцеловал в обе щеки, и зажмурился, и заорал во весь голос. А потом уже просто невозможно было не разбудить нескольких соседей, не рассказать им, не поднять с постелей, не рассказать снова. Невозможно было не выпить рюмку вина, не потанцевать осторожно, не обнять, не вздрогнуть, не поцеловать в лоб, веки, нос, губы, виски, уши, волосы, подбородок. А потом уже было за полночь.

— Чудо,— вздохнул Антонио.

Они снова были одни, а воздух в комнате был еще теплым от людей, которые только минуту назад здесь ходили, смеялись, разговаривали. Но теперь они снова были одни.

Выключая свет, он увидел чек на комоде. Ошеломленный, стал думать о том, как тоньше и приятней преподнести ей эту новость.

Мария сидела в темноте на своей стороне постели, и казалось, что она навеки изумлена. Она двигала руками, как кукла, которую разобрали на части и не успели еще собрать до конца, и все движения ее были такие медленные, будто она живет в полуночных глубинах теплого моря. Наконец осторожно-осторожно, словно боясь сломаться, она откинулась на подушку.

— Мария, я тебе кое-что хочу сказать.

— Да? — спросила она отсутствующе.

— В своем теперешнем положении,— он сжал ее руку,— ты заслуживаешь уютной, удобной, красивой новой кровати.

Она не воскликнула от радости, не повернулась к нему, не обняла его. Молчание ее было молчанием размышляющим.

Ему ничего не оставалось, кроме как продолжать:

— Это не кровать, а паровой орга̀н, каллиопа.

— Это кровать,— заявила она.

— Под ней спит стадо верблюдов.

— Нет,— тихо сказала она,— из нее выйдут округа честных избирателей, капитанов на три армии, две балерины, знаменитый адвокат, очень высокий полицейский и семь басов, альтов и сопрано.

Он скосил глаза и посмотрел через полутемную комнату на лежащий на комоде товарный чек. Погладил старый матрас, на котором лежал. Пружины под ним, тихо двигаясь, встречали, как старых знакомых, каждую часть его тела, каждую усталую мышцу, каждую ноющую кость.

Он сказал:

— Я никогда не спорю с тобой, маленькая.

— Мама,— поправила она.

— Мама,— повторил он.

А потом, когда закрыл глаза и натянул одеяло себе на грудь, лежа в темноте около того же огромного фонтана, перед судилищем из свирепых металлических львов, янтарных козлов и улыбающихся получеловеческих лиц, он прислушался. И услышал. Сначала очень далеко, очень неуверенно, но чем дольше он слушал, тем становилось отчетливей.

Тихо-тихо кончики пальцев Марии, закинувшей руку за голову, танцевали на сверкающих струнах лиры, на блестящих медных трубах старинной кровати. Мелодия была... да, конечно, «Санта-Лючия»! Его губы задвигались под музыку в теплом шепоте: «Санта-Лючия! Санта-Лючия!»

Это было прекрасно до необыкновенности.

Перевел с английского Ростислав РЫБКИН.

Решают секунды.

Ю. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

НОЧЬ БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ

Вот она, граница. Несколько шагов в сторону — и чужая земля. На нашей стороне и на той растет одинаковая трава, а по весне рдеют тюльпаны и маки. Многое повидала эта граница: бандитов, диверсантов, провокаторов, но никто из них не ушел от возмездия...

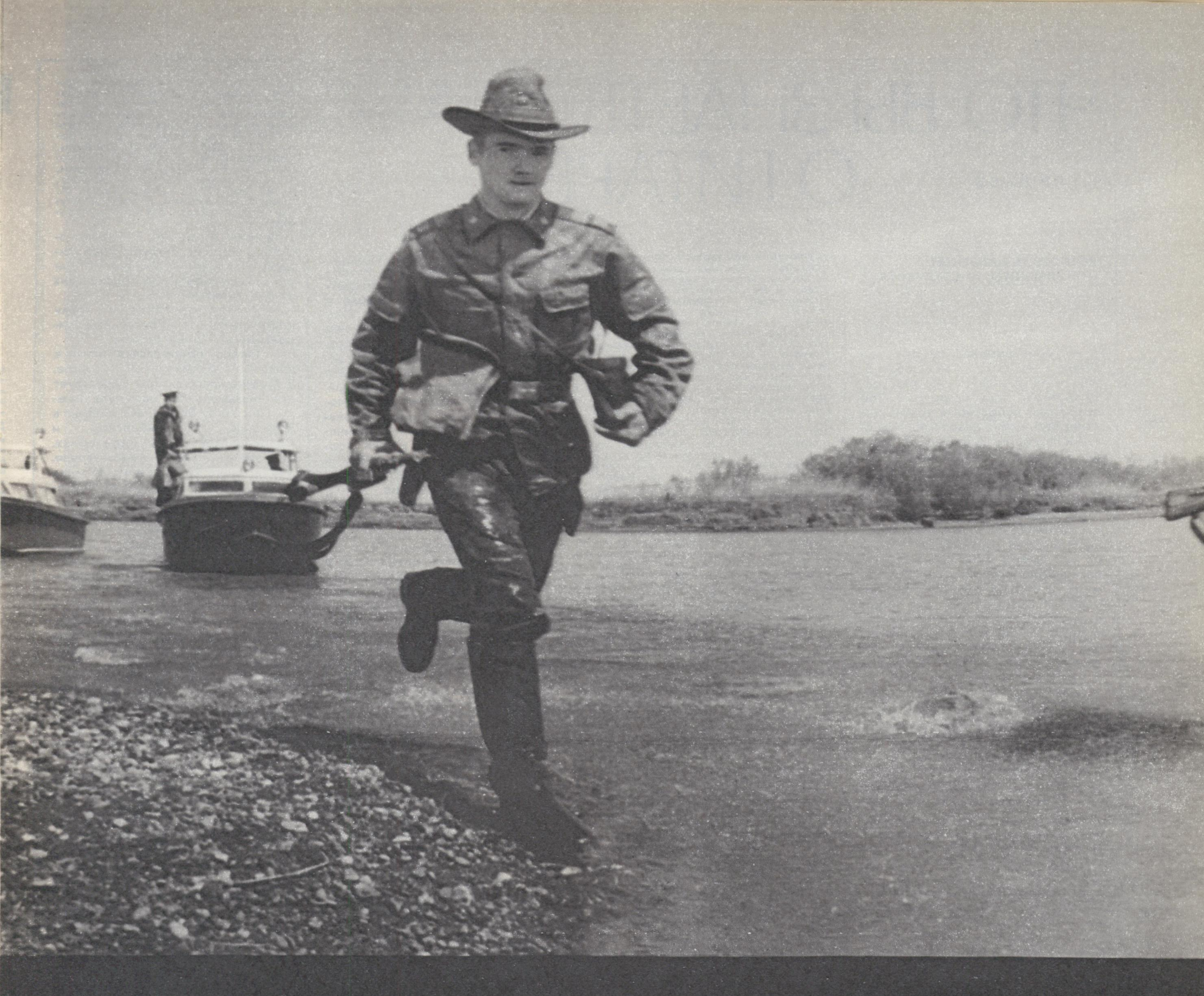
Резкий, прерывистый сигнал сирены подбросил Рашида Хангараева с места, словно пружиной. Еще не разлепив век, он натягивал на себя одежду, сапоги. В следующую секунду Рашид бежал получать оружие. В ту же минуту инструктор служебной собаки Валерий Шумейкин выводил свою любимую овчарку Рицу, водитель Михаил Афанасьев прогревал мотор, а сержант Владимир Бержицких объяснял ему предстоящий маршрут. Офицер Владимир Скворцов удовлетворенно посмотрел на часы — тревожная группа собралась почти на минуту быстрее положенного срока.

— Вперед! — скомандовал он. И машина рванулась с места. Скворцов знал, что это не учебная тревога, но не мог знать, что их ждет там, в ночной неизвестности.

Луна едва освещала КСП (контрольно-следовую полосу) — ленту вспаханной и профилированной особым образом земли. Пограничники двигались вдоль нее и прощупывали метр за метром своими фонарями. С этого участка границы поступил сигнал тревоги, но осмотр КСП пока ничего не дал. Скворцов вдавил ногу в край вспашки — следа почти не осталось. Вот в чем дело. Днем была оттепель, а ночью подморозило, и земля покрылась коркой. «Нужно удвоить, удесятерить внимание,— подумал офицер,— нужно осмотреть весь участок сантиметр за сантиметром».

— КСП — это книга регистрации нарушений,— внушал он на занятиях своим солдатам,— расписаться в ней ни одному нарушителю не хочется, но не расписаться он не может! Правда, бывают такие сложные «записи», что не сразу их разберешь.

Похоже, что это был как раз тот самый случай. Время уходило, и каждый понимал, что оно работает не на них. «Сейчас главное — спешить не торопясь»,— подумал Скворцов и только хотел что-то сказать, как услышал шепот Хангараева:

— Вижу след!

— Смотри-ка, разговорился,— улыбнулся офицер.— Где! Показывай!

На заставе Хангараева прозвали в шутку «великим немым». Если он сказал три слова подряд, значит, что-то случилось, пять — событие вообще небывалое. На шутки он не обижался, только молча улыбался. На его счету было уже два задержания. Так что в тревожную группу его включали всегда.

Лучи фонарей уперлись в одну точку. Кому принадлежал след! Что искал нарушитель на нашей земле! Почему, рискуя жизнью, покинул родину! Бывали случаи, когда с той стороны бежали к нам не от хорошей жизни, но чаще границу нарушали с явно враждебными целями. Собака уверенно взяла след. В трехстах метрах от границы тревожная группа настигла нарушителя. Он встал с земли, поднял руки вверх, и в его глазах метнулся испуг. На заставе командир, выслушав рапорт старшего группы, сказал, кивнув на задержанного:

— Этого накормить. Тревожной группе отдыхать.

А пограничные наряды точно по графику продолжали уходить в темноту...

Хангараев рассказывал мне этот короткий эпизод, происшедший с ним несколько дней назад, всю ночь. И не потому, что «великий немой» вдруг разговорился, просто едва я успевал, например, узнать, что после службы он собирается вернуться в родное село, как Рашид вскакивал и говорил:

— Ну все, я поехал!

— Почему! Куда!

— Сигнал слышите! Застава, в ружье!

Я слышал топот ног, слова команды, шум отъезжавших машин. А через несколько минут тревожная группа докладывала:

— На КСП обнаружены следы кабана. Других нет.

— Еще раз внимательно все осмотрите, может быть, среди тех следов обнаружатся и другие,— приказывал командир.

Но ничего не обнаружилось и на этот раз. Отбой. Только вернулась тревожная группа, только мы с Хангараевым уединились в красном уголке, как вновь сигнал тревоги! В ту ночь тревога объявлялась четыре раза. А наутро командир отметил в рапорте: «Ночь прошла без происшествий». К счастью, не те оказались тревоги...

И снова граница. Другая застава, за сотни километров от той, где я был раньше. Другой пейзаж, который соединил в себе и болота, и широкую реку, и озера, и пески, и даже горы.

— Обстановка творческая,— пошутил начальник заставы Владимир Петров.

Во дворе бегали его сыновья — дошкольники Андрей и Женька. Они играли в границу. А рядом шла обычная жизнь, суровая и совсем не похожая на игру. По заведенному распорядку уходили пограничные наряды, мичман В. Васильев отправлял катера патрулировать реку. Я ждал, когда проснется сержант Леонид Голубев, задержавший прошлой ночью нарушителя. Голубев — парень городской, окончил оптико-механический техникум, работал на заводе. Кто же привил ему навыки следопыта? Сам Голубев ответит потом предельно кратко: граница. На заставе он обнаружил в себе такие качества, о которых и не подозревал. Оказывается, он может быть терпеливым, сдержанным, выносливым. Это не шутка — просидеть в секрете, почти не двигаясь, несколько часов.

— Расскажи о задержании,— попросил я.

— Рассказывать-то почти нечего. Вышли, как обычно, в ночь. В наряде со мной были рядовой Аркадий Молчанов и старший оператор радиолокационной станции ефрейтор Коля Шаламонов. Коля и засек нарушителя локатором. Вернее, мы еще не знали, что это нарушитель, просто локатор засек движущийся предмет. Им могло оказаться и дикое животное. Но когда я навел прибор ночного видения, то увидел фигуру человека. Мы пошли на задержание. Нарушитель даже не услышал, как мы к нему подобрались. Я скомандовал: «Стой! Руки вверх!» Он метнулся было назад, но понял — не уйти. Вот и все.

На следующий день я побывал еще на одной заставе. Там я тоже видел, как уходили в ночь пограничные наряды. Уходили молодые пареньки, вчерашние школьники, рабочие и крестьяне, те, кто хранит наш покой. И надежно хранит!

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ГИТАРЕ

С. ГЛУШНЕВ

РАССКАЗЫВАЕТ ЗНАТОК ИСКУССТВА ИГРЫ НА СЕМИСТРУННОЙ

ВОЗРОДИТЬ АВТОРИТЕТ ПОПУЛЯРНОГО ИНСТРУМЕНТА

— Посмотрите-ка на эти две гитары,— говорит мой собеседник. — Не правда ли, трудно сразу отличить одну от другой? Обе сработаны добротно, с красивыми лакированными кузовами, изящными грифами. А различие между ними существенное. Хотя скрыто оно в одной-единственной «лишней» струне, а значит, и в музыкальном строе инструментов... Родина вот этой гитары, шестиструнной, с квартовым строем — далекая Испания. Такая гитара уже давно получила широкое распространение во всех странах мира. А эта гитара, младшая ее сестра,— семиструнная, с терцовым строем,— появилась в России. От роду ей не более двух веков. Но глубоко ушла семиструнка своими неповторимыми напевами в русскую народную музыку...

Знакомство наше с историей русской гитары — главным образом семиструнной — произошло благодаря АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЛАРИНУ, педагогу, известному знатоку и историографу семиструнной гитары. Он много лет отдал пропаганде музыки, исполняемой на гитаре. За эти годы собрал уникальную библиотеку нотной и общемузыкальной литературы.

Удивляет его одаренность. Ведь по профессии А. Я. Ларин химик-исследователь.

— Давно ли гитара вошла в вашу жизнь?

— Помню, когда мне было лет шесть-семь, отца часто навещал один приятель. Сынишка его играл на игрушечных гуслях. Пристал я к своему отцу: купи и мне такие же! Купил он поначалу балалайку, и я быстро разучил народные песни «Светит месяц» и «Страдания». После балалайки освоил мандолину. Когда ездил с нею к деду на Рязанщину, был «первым парнем на деревне». Выступал с мандолиной в самодеятельных концертах, и зрители щедро аплодировали.

— С гитарой познакомил меня в двадцатые годы москвич по кличке Коля Веселый, по профессии продавец. Как же великолепно он владел инструментом, какие задушевные мелодии наигрывал! Это было не бравурное бренчание, не примитивные аккорды, а тонкая, вдохновенная игра мастера... Однажды я разговорился с Колей. Выяснилось, что ноты он не знает, а записывает понравившиеся ему произведения цифрами, обозначающими лады. Решил и я научиться играть на гитаре, как Коля Веселый. Гитару мне привезли из Петрограда — простенькую, самую дешевую. К этому времени я окончил школу, поступил в университет. Тогда же обучался игре на гитаре у педагога Виктора Георгиевича Успенского... Профессиональным музыкантом я не стал, но свои взаимоотношения с гитарой четко определил: я увлекся изучением ее прошлого... Первые гитары в России появились в шестидесятых годах восемнадцатого столетия. Музыканты-иностранцы устраивали концерты в дворянских усадьбах, в так называемых «машкерадных залах». Художники того времени не преминули изобразить диковинные инструменты на лубочных картинках — преимущественно это были пяти- и шестиструнные гитары. Выдающийся гитарист-композитор конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века Андрей Осипович Сихра вначале играл на шестиструнной. Но есть версия, что он, хорошо зная песенно-народную музыку, решил видоизменить строй инструмента и, добавив «лишнюю», седьмую струну, приблизил гитару к исполнению русских народных песен... Новинка пришлась по душе многим музыкантам: она покоряла бархатным тембром своих басов, роскошью легато и глиссандо, певучестью и задушевностью.

В начале XIX века появились школы игры на семиструнной Игнатия де Гельда (чеха по национальности) и Д. Кушенова-Дмитриевского. Это тоже способствовало исключительной популярности русской гитары: на ней стали играть во всех слоях общества. Среди огромного числа гитаристов прошлого века блистала плеяда выдающихся исполнителей: А. О. Сихра, М. Т. Высотский, С. Н. Аксенов, А. А. Ветров, В. И. Морков...

— Мне довелось слышать об уникальных способностях Михаила Тимофеевича Высотского...

— Да, он занимал особое место среди гитаристов своего времени. Он был талантливым композитором, аранжировщиком и импровизатором русских народных песен, обучал искусству импровизационного аккомпанемента русских цыган, особенно знаменитого Илью Соколова, а потом и его помощника и преемника Ивана Васильева. Так семиструнная гитара сделалась и цыганским народным инструментом... Среди учеников Высотского были поэты Аполлон Григорьев, А. Дельвиг и даже Лермонтов, увлекавшийся в студенческие годы гитарой и посвятивший своему учителю стихотворение «Звуки»:

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.

Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадный
Каплю вод живых!

Расцвет гитары в России продолжался примерно до первой половины XIX столетия. Но постепенно стал ослабевать. Появились элегантные фортепьяно, заменившие старомодные клавесины и клавикорды, возникли новые музыкальные вкусы и веяния. Но главное, пожалуй, в том, что отсутствовал класс гитары в музыкальных учебных заведениях России.

Энтузиасты решили возродить былую славу русской гитары; в их числе оказался Николай Петрович Макаров, составитель фундаментальных словарей (русско-французского, французско-русского и немецко-русского). Это был исключительно энергичный, упорный в достижении цели человек... Пропаганда гитары сделалась его музыкально-артистическим поприщем. Он решил усовершенствовать технику игры и составил программу сложнейших упражнений, работая по 10—12, а иногда и по 14 часов ежедневно... Освоив инструмент в совершенстве, Макаров стал ездить за границу с концертами; позже он на личные средства организовал в Брюсселе международный конкурс на лучшее сочинение для гитары, а также на изготовление инструмента. Первую премию получил тогда венский мастер за одиннадцатиструнную гитару (6+5 струн) прекрасного звучания.

Н. П. Макаров умер в 1890 году глубоким стариком. И хотя «ренессанс гитары» не достиг прежнего размаха, инструмент уже никогда больше не сходил с музыкальных подмостков России.

— Это относится, видимо, и к другим странам?

— Безусловно. Многие выдающиеся музыканты мира — в первую очередь знаменитый испанец Андрес Сеговия — своим мастерством прославляли гитару, а в XX веке сделали ее концертным инструментом.

В конце 20-х годов Сеговия несколько раз приезжал в Советский Союз. Блестящий виртуоз и исполнитель, он покорял слушателей вдохновенной игрой. После его визита число поклонников гитары в нашей стране снова возросло.

В тридцатые годы, накануне Великой Отечественной войны, стали стихийно возникать в Москве самодеятельные музыкальные группы поклонников русской гитары... Проходили такие домашние концерты и у меня на квартире, в старинном деревянном одноэтажном доме в Замоскворечье. Собирались мы каждую неделю по вторникам. Играли произведения Сихры, Высотского, а также классиков, даже таких, как Бах, Глинка, Чайковский. Делились радостью своих находок из истории гитарного искусства.

Александр Яковлевич Ларин. Фото И. Тункеля.

За годы жизни я составил целый альбом из подобных публикаций. Они свидетельствуют, что семиструнную гитару любили и играли на ней художники В. А. Тропинин, П. А. Федотов, В. Г. Перов, И. И. Левитан, И. И. Шишкин, писатели Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, А. И. Куприн, А. М. Горький, поэты А. А. Фет, Л. А. Мей, Т. Г. Шевченко, А. А. Блок, С. А. Есенин и многие другие выдающиеся деятели культуры.

Полвека жизни А. Я. Ларин посвятил истории семиструнной гитары. Двадцать с лишним лет он руководил одной из московских студий гитарной игры.

— А как относятся к этому инструменту в музыкальных учреждениях нашей страны?

— Гитара преподается почти в каждой музыкальной школе. В Москве класс гитары существует при музыкальном институте имени Гнесиных. Есть класс гитары в Киевской, Новосибирской и Свердловской консерваториях. Но, думаю, этого недостаточно. Люди тянутся к гитаре!.. И надо учиться, чтобы ощутимее почувствовать ее гармонию.

— Александр Яковлевич, гитара пользуется большой популярностью среди молодежи и у исполнителей эстрады. Но нередко приходится слышать грубую, примитивную игру.

— К сожалению, это так и есть! Назначение лирического, мелодичного инструмента гитара стала утрачивать именно в последние годы.

Гитару профанируют те молодые люди, которые, уподобляя сложный инструмент балалайке, грубо брякают чуть ли не всей кистью руки по всем струнам одновременно. В неумелых руках гитара служит лишь для примитивного аккомпанемента. Многочисленное племя «гитаристов», которые вырывают из нее лишь монотонные, скучные, однообразные аккорды, убивает мелодию и, конечно, песню.

Много вреда самому авторитету гитары, любви к гитаре нанесли бесчисленные ансамбли электрогитар. Но ведь здесь гитара ничего общего с этим инструментом — в традиционном его понимании — совсем не имеет. Именно таковы, к примеру, безгитарные, по сути дела, ансамбли «Голубые гитары», «Поющие гитары» и прочие...

В ансамблях гитара вначале как бы терялась: голос ее почти не был слышен. Когда же все струнные инструменты на эстраде «электрифицировали», гитара зазвучала, но превратилась в мощный «отбиватель» ритма, не более того. Вести мелодию ей не поручали, да и вряд ли это у нее получилось бы...

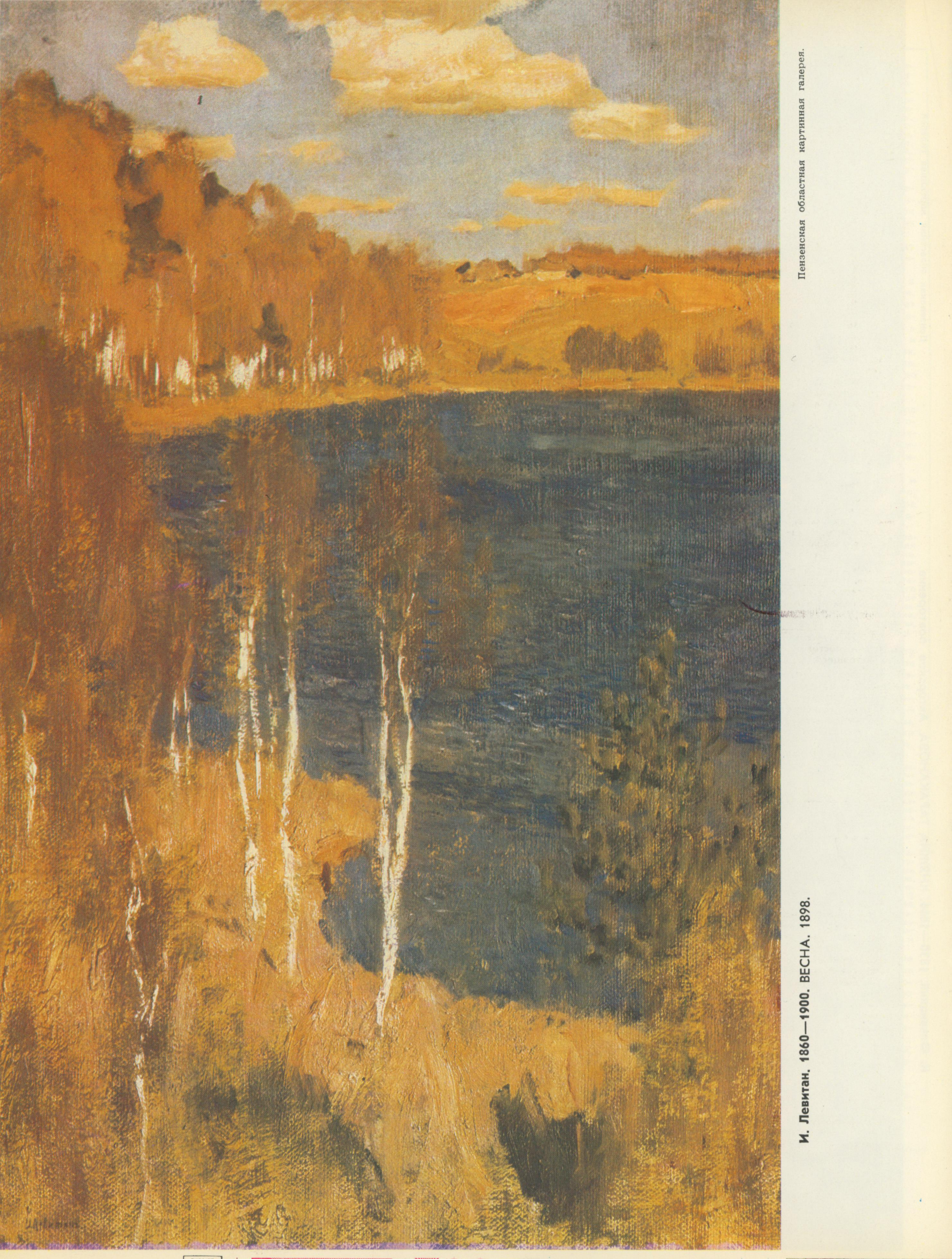
Так называемые электрогитары — это своеобразные инструменты, где звук возникает лишь благодаря электронному усилению. Так что струны могут быть натянуты даже и на простую доску. В «супердецибельном» грохоте ВИА гитару можно отличить не столько по звуку, сколько по яркому наряду кузова, который одевают порою в перламутр, жемчуг и другие украшения...

Мне кажется, что в урагане модных течений гитара должна выстоять, сохранить свою неповторимую индивидуальность, особую прелесть. Этому, безусловно, будет способствовать рост квалифицированных кадров преподавателей, улучшение качества гитары, ее доступность для покупателей, расширение выпуска нотной литературы.

И, конечно, настало время создать **школу гитарного аккомпанемента.** Ведь гитара как раз для этого и сделана хорошими людьми.

К. Флавицкий. 1830—1866. КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Авторское повторение.

Пензенская областная картинная галерея.

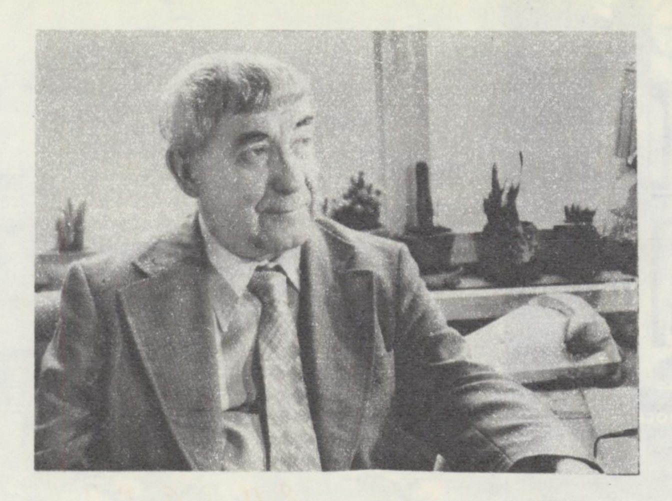

И. Левитан. 1860—1900. ВЕСНА. 1898.

Пензенская областная картинная галерея.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Н. АРБУЗОВА

ЕГО ГОРОД НА ЗАРЕ

Однажды драматург Алексей Казанцев сказал мне, что в натуре Алексея Николаевича Арбузова заложено ожидание чего-то доброго, необычного, чудесного и что это можно услышать даже тогда, когда Арбузов на другом конце провода берет телефонную трубку и говорит: «Алло».

Это очень здорово, что человек, за плечами которого столь длинный жизненный путь, известный в стране и в мире автор нескольких десятков пьес, наставник и друг (но никогда не ментор!) многих молодых, им же открытых и благословленных драматургов, сохранил в себе юношескую способность быть готовым к чуду. Не к сверхъестественному, конечно, а к обыкновенному чуду добра, красоты, веры в человека.

Воплощением такого чуда стала когда-то «Таня», открывшая целую галерею современных женских характеров — хрупких и мужественных, благородных и самоотверженных, достойных большой любви и, быть может, особенно сильных именно во время испытаний.

Рядом с Таней — Люся («Годы странствий»), Лика («Мой бедный Марат»), Лидия Васильевна («Старомодная комедия»), Валька («Иркутская история») и много других, не похожих ни внешне, ни по судьбе, но непременно несущих в себе гены своего создателя — романтически-возвышенное представление о людях, о жизни, постоянное предощущение хорошего, настоящего.

Арбузов парадоксален. Не завидую тому теоретику, который, выберя его своим объектом исследования, попытается разделить Арбузова на «раннего» и «позднего». Его подстерегают трудности совершенно неожиданные. У нас последнее время в отношении к некоторой части драматургии сороковых — шестидесятых годов чувствуется легкий холодок, вежливая снисходительность, а то и просто пренебрежение. Есть такие пьесы, которые в свое время шли с огромным успехом, получали заслуженное признание, а потом некоторым критикам, особенно тем, кто вышел на арену действий чуть позже, эти пьесы показались прямолинейными, заданными: и конфликты не те, и герои слишком уж открыты в своих чувствах, не плетут словесных кружев, а работают. Такие произведения либо перечисляются с соответствующей миной в дежурном порядке, либо покрыты хрестоматийным глянцем, но тоже почти не ставятся.

И вот какие случаются вещи. Главный режиссер Петрозаводского драматического театра Отар Джангишерашвили взял да и поставил года три-четыре назад «Иркутскую историю» и «Жестокие игры». Поставил в романтически-философской манере, приглушив текстовую открытость «Иркутской истории» силой напряженной внутренней, душевной работы героев. Если учитывать, что все это сделано с высоким, требовательным вкусом, то общеизвестная история о том, как любовь и трудовой коллектив перевоспитали Вальку-дешевку, вдруг заиграла новыми красками. Получился своего рода парафраз «Пигмалиона» — только с драматическим концом — очень современный спектакль о духовном преображении человека, о необходимости душевных связей между людьми, ибо только при этом условии все разрешимо — и большие производственные проблемы и очень личные отношения. В «Иркутской истории» герой погибает, а ощущение торжества жизни, силы и цельности персонажей, достойно прошедших через испытания, остается неизменным.

Вслед за этим Джангишерашвили поставил «Жестокие игры». Он задумал спектакль как исповедь молодого поколения, как продолжение разговора об ответственности человека перед самим собой и перед людьми. Но, несмотря на проникновенность спектакля, на обаяние молодых исполнителей, так ограничена сфера их взаимодействия, так ничтожен опыт и так детски и эгоистичны обиды на мир, что при всех своих приметах вполне современных, а также претендующих на неординарность молодых людей персонажи «Жестоких игр» оказались личностно значительно мельче своих ровесников из «Иркутской истории». И это при всем том, что в спектакле были заняты, по-моему, одни и те же молодые актеры.

Петрозаводские спектакли показали нам непривычного Арбузова — более современного, ярко романтически звучащего в пьесе нашей юности — «Иркутской истории», чем в «Жестоких играх». И хоть «Иркутская история» написана раньше, она звучит актуальнее именно сейчас, когда так велика, так необходима тяга к высокой идее, мечте, к идеалу, на который хотелось бы походить. Интересно, как бы сейчас выглядел «Город на заре» — визитная карточка «Арбузовской студии» конца тридцатых годов. Это был плод коллективного вдохновения и романтических устремлений увлеченных театром и смелыми мечтами молодых людей, которым очень скоро пришлось защищать свои мечты и идеалы в борьбе с фашизмом. Один из них — Всеволод Багрицкий, поэт и сын поэта. Он заплатил за свой «город на заре» жизнью. Удивительная могла бы быть пьеса об этой пьесе, если бы ее взялся писать сам Алексей Николаевич Арбузов.

Он молод душой. Еще моложе он кажется рядом со своими сегодняшними студийцами. Когда они собираются вместе читать и обсуждать пьесы, руководитель студии в горячности не уступает своим питомцам, а они не щадят его. Таков принцип этого творческого содружества.

У каждого из нас только одна жизнь. И итог, который подводим мы сами,— это предварительный итог. Ведь будет еще завтра.

Вышел в свет двухтомник арбузовских пьес — в нем двадцать лучших произведений. На сцене Рижского ТЮЗа поставлена одна из последних его пьес, «Победительница». Идут в театрах страны недавние сочинения драматурга: «Вечерний свет», «Воспоминание» — пьесы, проникнутые добрым и щемящим сочувствием к человеческой незащищенности, неумению сберечь свое счастье, желанием зажечь в человеке искорку душевного света.

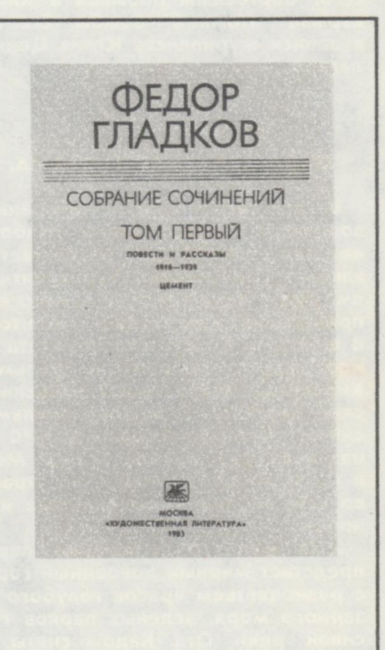
— Должен сказать, что в последнее время, когда я кончаю свой очередной «драматический опус», мне всегда хочется написать что-нибудь веселое. Суждены нам благие порывы... В жизни еще так много бед, одиночества, неустроенности, что нужно об этом говорить...— поделился со мной в беседе Алексей Николаевич.— Я твердо уверен, что зло обличается всей нашей жизнью. Самой ее структурой, ее содержанием. Задача драматурга состоит в том, чтобы разобрать причинность того, что происходит, что мешает людям быть счастливыми, что тянется за ними от прежнего, старого уклада, а что возникло благодаря неровностям нашего поступательного движения. Ведь путь, которым мы идем первые в мире, далеко не ровный и не гладкий.

За долгие годы работы в драматургии Алексей Арбузов построил свой город. Как и во всяком другом городе, в нем есть люди хорошие, а есть не очень. Есть благополучные, а есть те, кого рассудочные мещане считают неудачниками. Однако же почему-то завидуют им. Я знаю почему. Потому что именно тот счастлив в действительности, у кого есть свой алый кусочек зари в душе, в мечтах, в жизни.

Думаю, что это можно сказать и о самом Алексее Арбузове.

Ирина ПИРОГОВА

ПЯТИТОМНИК ФЕДОРА ГЛАДКОВА

Выдающемуся советскому писателю Федору Васильевичу Гладкову в июне исполняется сто лет. «Цемент» — его главный роман — Луначарский назвал «одним из лучших коммунистических романов». В этом необычном определении — ключ к теме и эстетике Гладкова.

К знаменательному юбилею писателя издательство «Художественная литература» выпустило первый из пяти томов собрания сочинений Ф. Гладкова, куда войдет лучшее из литературного наследия мастера, которому, как во вступительной статье пишет литературовед Б. Я. Брайнина, всегда был «нужен «весь человек», вся сложная, многогранная жизнь его ума и сердца, его страстная воля к победе над социальным злом, его неутомимые поиски новых и новых путей созидания... Потому самая животрепещущая тема современности у него пронизана «вечными темами», лирико-философскими размышлениями о природе, любви, жизни и смерти. В этом отношении он тоже русский талант, наследник лучших традиций классической русской литературы XIX века».

Труд — основная писательская тема Гладкова. «Работаю я сейчас изо всех сил над большой книгой о современности,— писал он Горькому.— Тема та же, что и в «Цементе» — труд...» Эта книга о труде и создавалась в буквальном смысле в его горниле: пять лет прожил Гладков на строительстве Днепровской электростанции, вынашивая и воплощая образы «Энергии» — романа, по словам даже такого пристрастного критика, как Андрей Белый, «необыкновенно умного».

К истокам своей юности обратился Гладков в автобиографической трилогии («Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година»), ярко запечатлев в ней действительность предреволюционной поры.

Пять томов собрания сочинений Федора Васильевича Гладкова, одного из основоположников советской литературы, человека и писателя судьбы сложной и мятежной,— это живая и образная история нашего общества, история борьбы широчайших народных масс за революционное обновление жизни.

А. ЕФИМОВ

Одна из улиц довоенной Хиросимы.

Жертва атомного кошмара.

Город после атомного нападения.

Михаил ИВАНОВ

ХИРОСИ

Прошло почти 38 лет, как жители японских городов Хиросима и Нагасаки испытали на себе всю бесчеловечную жестокость атомных бомбардировок. Американские стратеги в лице тогдашнего президента США Трумэна и министра обороны Стимсона хладнокровно поставили этот преступный «опыт» на жителях японских городов с целью политического шантажа, открыв эпоху «атомной дипломатии». С тех пор прошло много лет, но неизгладима память об атомных преступлениях века.

М. И. Иванов, советский дипломат, в годы войны работал в Японии. Он один из первых со своим товарищем по работе в посольстве Г. Б. Сергеевым побывал в Хиросиме после взрыва атомной бомбы. Его воспоминания в записи журналиста Юрия Ценина мы предлагаем нашим читателям.

●

ОКАА-САН, ТАСУКЕ! (МАМА, ПОМОГИ!)

В зале гаснет свет, и на оранжевом экране возникает багрово-черное грибовидное облако. Оно стремительно разрастается, повинуясь каким-то внутренним турбулентным движениям, будто там, внизу, у самого его основания происходит извержение гигантского вулкана. В кинозале Советского комитета защиты мира идет короткометражный фильм о трагедии Хиросимы, привезенный японским парламентским деятелем Ёхэй Коно. Фильм сделан японскими кинопродюсерами в 1970 году и предназначен для показа, кроме Москвы, также в США, Китае, Англии и во Франции. То есть во всех странах — обладателях ядерного оружия.

...На какое-то мгновение перед зрителем предстает мирный довоенный город Хиросима с разноцветьем красок голубого неба и лучезарного моря, зеленых парков города и красивой реки Ота. Кадры сняты в довоенной Японии, во время национального празднования Нового года или в День поминовения усопших, когда одетая в национальные костюмы молодежь совершает перенос алтаря «омикоси». Все веселятся в течение целых суток.

Краски на экране снова тускнеют, и зал погружается в густой мрак ночи, сопровождающийся неистовым криком и воплями гибнущих от ядерного взрыва детей: «Окаа-сан, тасуке!» Вслед за одинокими призывами детей о помощи, наступает всеобщее смятение. Рушатся дома, гибнут люди, возникает море огня. Ужасы катастрофы нарастают с каждым кадром. Беднеют человеческие представления о гибели Помпеи в изображении великих художников. На глазах зрителей красивый зеленый город Хиросима превращается в сущий ад...

Это случилось 6 августа 1945 года. Город Хиросима жил своей повседневной жизнью. Около 8 часов утра над Хиросимой появились один за другим два американских самолета. Один из них, Б-29 («Летающая крепость»), летел на высоте свыше десяти километров, и жители, привыкшие к появляющимся в последние дни самолетам, не обратили на него особого внимания. В 8 часов 15 минут командир «Энола Гэй» — так американцы назвали свой самолет-убийцу — полковник Тиббетс увидел ориентиры центра Хиросимы и тут же отдал команду сбросить бомбу. Как только парашют с атомным устройством отделился от самолета, он развернул машину на 150 градусов и на большой скорости стал удаляться на юго-восток, чтобы как можно скорее выйти из зоны поражения.

Бомба взорвалась на высоте около 600 метров от земли, и лишь через 50 секунд после взрыва экипаж почувствовал один за другим два сильных толчка догнавшей их взрывной волны. В это время самолет находился уже вне опасности — 16 километров от эпицентра. Экипаж успел сделать несколько фотоснимков... Значительно позже, уже будучи психически больным человеком, лейтенант Изерли публично признался, что его преследуют кошмары за преступление перед «невинно погибшими людьми Хиросимы», когда он по велению «сатаны» нажал рычаг спускового механизма атомной бомбы. А тогда... В то время, как американские летчики хладнокровно фиксировали на пленку дела рук своих, на земле безумствовала атомная стихия. Люди, наблюдавшие за странными маневрами одиночного самолета, вдруг увидели яркий шар. И в то же мгновение вспыхнула сама земля: город в считанные секунды превратился в бушующее море огня. Затем послышался нарастающий гул, будто земля разламывается на части. «Мне казалось, что на меня мчится курьерский поезд,— рассказывал один из потерпевших, находившийся в нескольких километрах от эпицентра,—потом я почувствовал страшный удар и потерял сознание».

Гигантский смерч, разрушая все на своем пути, втягивал в себя землю, камни, бетонные плиты, человеческие тела, превращаясь на высоте 5—6 километров в грибовидное облако.

Сторонники мира Японии требуют не допустить превращения своей страны в ядерный плацдарм США.

В первые секунды в городе погибло свыше 80 тысяч человек. Пожары поглотили остатки неразрушенных строений. Уцелевшие люди умирали от ожогов, ранений и неизвестной мучительной болезни, охватившей почти всех оставшихся в живых. Никто не мог понять, откуда приходит смерть и где искать от нее спасение. Лишь на окраинах города теплилась какая-то жизнь...

Кадры беспристрастно показывают обезображенные лица, изуродованные тела. Кинопленка воспроизводит цифры, скупые слова, не способные передать и малой доли этой человеческой трагедии. И над всем этим адом как лейтмотив — монотонный плач искалеченного, слепого ребенка: «Окаа-сан... Окаа-сан... тасуке!» («Мама... мама... помоги!»)

Просмотр закончен. Фойе постепенно пустеет. Присутствующие направляются в соседнюю комнату на пресс-конференцию. Г-н Коно пояснил собравшимся, что он намерен после Советского Союза посетить страны, владеющие ядерным оружием, и показать этот фильм там. Для чего! Чтобы как можно больше людей мира знали о жертвах Хиросимы и Нагасаки. С чувством исполненного долга г-н Коно убеждает журналистов в том, что его инициатива с фильмом, которую он осуществляет на свой риск и на свои средства, способна образумить руководителей этих стран и удержать их от применения атомного и другого оружия массового уничтожения в будущем.

На вопросы советских журналистов и участников пресс-конференции г-н Коно отвечает менее уверенно и все чаще повторяет, что как деятель парламента он рискует, а как частное лицо — несет немалые материальные затраты, удовлетворяясь лишь благородным чувством заботы о вечном мире. И в качестве дополнения к фильму и пояснениям г-на Коно я вижу необходимым вспомнить теперь уже далекую историю, которая произошла в августе 1945 года в Японии, историю, волнующую всех людей планеты и сегодня.

НЕИЗБЕЖНЫЙ КРАХ

...Я проснулся от необычного шума и какой-то тревожной суеты, доносившихся снизу, из города. Отбросил маскировочную занавеску с окна, выглянул наружу. Над Токио стояло душное утро, обещая жаркий августовский день. После многочисленных массированных налетов американской авиации в городе было много развалин. На месте сгоревшего консульства и жилого поселка сотрудниками посольства были расчищены площадки для машин и запасных бочек с водой. По-прежнему маячили контуры полусгоревшего здания парламента, лежали неубранными развалины министерства иностранных дел и морского штаба, зияли пустыми проемами окон здания делового квартала «Маруноути».

После того, как 9 августа Советский Союз вступил в войну с Японией, наш небольшой коллектив в 15—20 сотрудников и дипломатов во главе с советским послом Яковом Александровичем Маликом жил напряженной и тревожной жизнью. Лишенные непосредственной связи с внешним миром, мы строили самые различные предположения об исходе нашего интернирования. Главной заботой была охрана территории, имущества и людей. Японская военная машина агонизировала и разламывалась на части под могучими ударами советских армий в Маньчжурии, Корее и на Сахалине.

После 9 августа день и ночь заседал Высший совет по руководству войной с участием самого императора. Фраза премьер-министра адмирала Судзуки, сказанная при известии о вступлении советских войск в Маньчжурию: «Этого надо было ждать, это конец войне»,— стала известна лишь из мемуаров. Но мы чувствовали это по множеству деталей и нюансов, по какому-то внутреннему параличу, охватившему руководство Японии.

11 августа советского посла вызвал министр иностранных дел Сигенори Того и в витиеватых, сбивчивых выражениях заявил, что японское правительство готово пойти на переговоры о мире на основе Потсдамской декларации, но при условии сохранения прерогативы власти императора. А между тем японское радио все еще передавало в эфир победные реляции. В штабах армии и флота — сердце и мозге японского милитаризма — маршалы и генералы продолжали вынашивать планы «генеральных сражений» и «сопротивления до конца».

В ночь с 12 на 13 августа мы услышали рев моторов и лязг гусениц. Из разных частей города доносилась пулеметная и ружейная стрельба. Это был военный путч наиболее реакционной группы генералов и офицеров токийской гвардейской дивизии, получивших поддержку военного министра генерала Анами. Они попытались разделаться с «капитулянтским» правительством и выступающей за переговоры частью дворцовой знати. Тех, кто отказывался к ним присоединиться, расстреливали на месте. Однако путч провалился. Большая часть генералитета и офицеров столичного гарнизона не поддержала путчистов.

Между тем события на фронтах неотвратимо подталкивали Японию к логическому концу. Военное и политическое руководство Японии окончательно поняло безвыходность своего положения.

...Я напряженно прислушивался к шуму, доносившемуся из-за забора. От ворот и из окрестных улиц, как всегда, доносились гортанные звуки команд, звон оружия, топот ног солдат и жандармов, оцепивших посольство. Но к привычным звукам сегодня примешивались новые. Над городом плыли отдаленные хрипы репродукторов, но что передавали, понять было невозможно. Воздушная тревога! Непохоже. Вот уже несколько дней как аме-

риканцы прекратили бомбардировки Токио. Вообще после того, как сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, в небе Японии наступило затишье. Значит ли это, что американцы впредь будут применять только атомные бомбы? Кажется, именно так заявил Трумэн, грозя Японии полным уничтожением. Однако сами японцы отмалчиваются. Что там произошло на самом деле, об этом можно только гадать. Может быть, сегодня американцы решили сбросить бомбу на Токио?

Разгадка приходит сама собой. Дежурный по посольству узнал от полицейского у ворот, что, согласно утреннему сообщению японского радио, в 12 часов дня 15 августа с обращением к народу по радио выступит император Хирохито. Факт в истории Японии беспрецедентный.

Задолго до полудня японцы стали толпами собираться у репродукторов. Остановились заводы, поезда и все движение в стране. Над городом непрерывно, волна за волной, барражируют американские бомбардировщики, под рев их моторов и началось выступление императора. Когда в рупорах зазвучал глухой, срывающийся голос Хирохито, многие японцы стали на колени и оставались в таком положении до конца передачи. Высокопарным слогом император произносил слова о «благе народа», «о мире ради сохранения нации». Основной же смысл речи сводился к тому, что Япония капитулирует, принимая условия Потсдамской декларации, колонии подлежат возврату, армия должна быть распущена, люди, преступно втянувшие Японию в войну, будут наказаны...

С чувством покорности и трепета слушали простые японцы слова «сына бога», не выражая при этом ни радости в связи с окончанием войны, ни гнева по поводу бессмысленных жертв, ни ненависти к тем, кто повинен в катастрофе. Одурманенные шовинистической пропагандой, опутанные условностями национальных и религиозных традиций, воспитанные в слепом повиновении указам сверху, они не знали, как им жить дальше.

Среди знати и высших чиновников и офицеров начались самоубийства, каждый день на дворцовую площадь приходили группами те, кто тут же перед дворцом императора совершал обряд харакири. По стране начали бродить вооруженные отряды и банды, не желавшие складывать оружие, а некоторые просто приступили к массовому разграблению запасов продовольствия, одежды, обуви. Армейское командование проводило срочную демобилизацию частей и штабов, снабжая отпущенных офицеров и солдат продуктами питания, одеждой соответственно положению и рангу.

Будущее для большинства японского народа было туманным и неопределенным, но все же люди радовались тому, что остались в живых и можно покинуть мрачные подземелья, а эвакуированным в горы и в сельскую местность — вернуться в город и начать новую жизнь.

Что касается нас, небольшой группы советских людей, волею судеб оказавшихся в логове разгромленного врага, то наше ликование трудно передать словами. Мы знали японский милитаризм изнутри, на наших глазах совершались величайшие преступления, прикрываемые лицемерными словами о «высшей справедливости», о «благе нации и народа» и т. п. Именно в те годы правящая военная клика возвела ложь, грабежи и насилие в ранг своей государственной политики, и это неизбежно привело ее к краху.

Для нас, советских дипломатов, капитуляция Японии не была неожиданностью. Чувство восторженной эйфории, охватившее каждого из нас, быстро сменилось жаждой деловой активности. Мы понимали, что Победа не дает оснований для демобилизации — наоборот, наши задачи и ответственность неизмеримо возрастали, ведь теперь мы представляли здесь, в Японии, советскую державу-победительницу. Всех нас вместе и каждого в отдельности волновали многие проблемы. Волновало положение на фронтах, имеются ли в руках японцев советские военнопленные и как с ними обращаются, каково положение эвакуированных в горы жен и детей сотрудников посольства.

Буквально через два часа после речи императора в посольство прибыл сотрудник японского МИДа секретарь Хонда. Мы с трудом узнали его: куда девались брезгливый тон, подчеркнутая холодность и официальность, с которыми он обычно говорил с нами. Прежде всего он спросил, все ли советские представители здоровы, в чем они нуждаются. На вопрос об эвакуированных семьях Хонда ответил, что они здоровы и надежно оберегаются от всяких случайных людей. Дальше разговор проходил следующим образом.

— Мы хотели бы послать нашего человека к семьям, чтобы проведать их, несколько приободрить, передать письма.

— Конечно, если желаете. Но...— Улыбка Хонда гаснет.— В городе и на дорогах много вооруженных людей. Советским сотрудникам лучше не покидать территорию посольства, нам трудно гарантировать безопасность.

Что это — честное предостережение или опять попытка держать нас запертыми в посольстве, как это было на протяжении многих лет? Яков Александрович Малик переходит в наступление:

— С вашего согласия, господин Хонда, мы сегодня же пошлем в Мияноста-Гора к нашим семьям своего человека. И еще, как вам известно, в Кобе и Нагасаки проживают советские граждане и имеется некоторое консульское имущество. В связи с последними событиями посольство обеспокоено судьбой советских граждан и нашего имущества в этих городах. Мы хотели бы направить туда нашего представителя. Надеюсь, МИД выдаст разрешение на поездку?

Секретарь Хонда разводит руками. Конечно, в принципе возражений нет, но сейчас такое опасное время... Впрочем, пусть ему позвонят, он постарается все уладить. Пообещав сейчас же восстановить телефонную связь с городом, подключить водопровод и электричество, снабдить нас продуктами и еще раз подчеркнуто любезно заверив, что «все будет хорошо», Хонда отбыл.

Мы облегченно вздохнули и от души посмеялись — слишком уж разителен был контраст в поведении японских властей в течение всего нескольких часов. Наскоро обсудив ближайшие задачи посольства в новой ситуации, мы стали расходиться. Посол меня задержал и сказал буквально следующее:

— Не теряйте времени, поезжайте к нашим прямо сейчас. Если там все благополучно, сегодня же возвращайтесь в Токио.

— У меня на вокзале в Токио неплохие связи, Яков Александрович. Может быть, пока МИД не передумал, мне сразу отправиться на запад по нашим консульским делам?

— Пожалуй, это правильно. Поезжайте. Только подберите с собой еще кого-нибудь из наших, да покрепче... Задачи вам ясны? — Посол хотел что-то еще сказать, но посмотрел в окно в сторону разрушенного района Мита и добавил: — Будете в Хиросиме, внимательно посмотрите, что там натворили американцы. Пока, насколько мне известно, ни у кого на этот счет ясности нет.

«НАС ПОКАРАЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР»

Экспресс Токио — Симоносеки стремительно несет нас на запад, в сторону острова Кюсю. Несмотря на непрерывные бомбежки и частые аварии, японские поезда во время войны не снижали скоростей. Правда, в последние дни перед капитуляцией и эта часть экономики Японии пришла в упадок: не хватало топлива, паровозов, разрушенные пути восстанавливались медленно, многочасовые опоздания и пробки стали системой. Тысячи беженцев из городов, подвергшихся бомбардировкам, сутками ожидали в очередях, превращая вокзалы и прилегающие к ним площади в сидячий табор.

Между разрушенными кварталами и пустырями, на которых как грибы после дождя вырастали «карточные» домики-шалаши из кусков кровельного железа, можно было наблюдать, как во дворах учреждений полыхали, несмотря на августовскую духоту, костры — сжигали архивы и документы, компрометирующие военных преступников; по улицам сновали груженные доверху военные грузовики — растаскивали армейские склады, прятали оружие, из города вывозили золотой запас. Военщина, надеясь со временем вновь возродиться из пепла проигранной войны, спешила спрятать концы своих преступлений.

Железнодорожные власти оказались на редкость почтительными с представителями советского посольства и даже не полюбопытствовали о целях нашей поездки на запад страны и не потребовали положенные в этих случаях полицейские разрешения на поездку. Это было как нельзя кстати, ибо разрешение на поездку сотрудник МИДа Хонда якобы «не успел» оформить, возлагая тем самым на нас всю ответственность при неблагополучии в пути. Но времена стремительно менялись. Еще вчера мы не могли шагу ступить по японской земле без соглядатаев, полицейских разрешений или выездных виз. Конечно, за нами следили, но теперь делали это более искусно, не мозоля глаза.

Впрочем, на вокзале все тайное стало явным. Мы бы ни за что не втиснулись в битком набитый вагон, если бы наш тайный «провожатый» не взял инициативу в свои руки. Коренастый полицейский агент в штатском мгновенно решил проблему с местами, освободив для нас два места в вагоне II класса, и сам занял одно место против нас. Видно, власти дали ему строжайшее предписание охранять нас от возможных инцидентов. Приставленный агент старался как мог: на остановках он опускал жалюзи нашего окна — с перрона в иностранцев могут выстрелить какие-либо фанатики, и тогда дипломатических осложнений не избежать. Он услужливо поднимал жалюзи, когда поезд трогался.

Я с любопытством всматривался в новый облик страны, потерпевшей позор капитуляции и сложившей оружие накануне решающего сражения за Японию. Еще кое-где дымили трубы военных заводов, многие тысячи людей — мужчины, женщины, пожилые люди и дети — шумно, с видом озабоченности спешили по своим делам, переполняя до отказа все виды транспорта. Но это была уже не та деловая суета военного времени. Услышав из уст императора заявление о предстоящем мире, люди направлялись не к рабочим местам, а к своим разрушенным очагам в городах, чтобы взяться за возрождение новой жизни.

На станциях все чаще попадались воинские эшелоны, от которых во все стороны разбредались солдаты, с трудом волоча на себе узлы с полученным «в благодарность за службу» провиантом. Женские трудовые команды, созданные еще в начале войны, с раннего утра разбирали завалы, расчищали улицы и пути для движения транспорта. Женская согнутая фигурка в шароварах — момпе, деревянных сандалиях — гета и с капюшоном на голове, воплощение трудолюбия и покорность судьбе,— вот, пожалуй, один из самых впечатляющих образов японских женщин в годы войны.

Рядом со мной дремлет капитан Герман Сергеев, офицер военного аппарата посольства. Он присоединился ко мне на станции Одавара, где находился вместе с нашими семьями. Судя по всему, он истосковался по живому делу, отсиживаясь с женщинами и детьми в «фашистском санатории», как он презрительно называл гостиницу «Гора», где после капитуляции Италии и Германии на разных этажах доживали свой срок немецкие и итальянские дипломаты и куда МИД Японии поместил наши эвакуированные семьи.

Американские руководители заблаговременно позаботились о том, чтобы обеспечить атомному оружию шумную рекламу. Уже в Потсдаме президент Трумэн пытался «поразить» Сталина сообщением о наличии у США оружия «огромной разрушительной силы». Вскоре узнали о нем и мы в посольстве в Токио, но никто не верил, что оно будет применено. Сразу же после взрыва в Хиросиме 6 августа американцы начали дипломатию «атомного шантажа»: радио США то и дело передавало сообщения о полном разрушении двух японских городов, о подготовке новых атомных бомбардировок [1]. Но опять-таки ничего конкретного из этой информации почерпнуть было нельзя. Лишь значительно позже, где-то в 20-х числах августа, было сообщено, что в результате первого атомного взрыва в Хи-

[1] США в то время располагали всего двумя бомбами.

росиме погибло около 200 тысяч человек, полностью разрушено 48 тысяч жилых и административных зданий, частично пострадали 22 тысячи зданий — это почти 90 процентов всех городских построек.

Разрушенная Хиросима возникла перед нами неожиданно. Поезд вынырнул из-за холма, и слева, со стороны моря, возникло странное зрелище: город, едва начавшись, на глазах исчезал. Дома и постройки, оставшиеся на окраинах, как бы окаймляли гигантское кладбище развалин, а дальше...

Поезд замедлил ход, мы подъезжали к станции Хиросима. Подхватив чемодан и сумку, куда были брошены в спешке кое-какие продукты, термос с кофе и фотоаппарат, мы поспешили к выходу. Сопровождавший нас полицейский, криво улыбаясь, кивнул нам головой, дескать, давай, давай... и остался на месте. Все было ясно, он передал нас «по цепочке» службе другой префектуры. Мы вышли из вагона и осмотрелись. Кругом царил невообразимый хаос. Казалось, будто какой-то подгулявший Гаргантюа, разбушевавшись, перевернул здесь все вверх дном: опрокинутые остовы вагонов, обгоревшие паровозы, вырванные из земли шпалы и обломки рельсов, искореженные металлические опоры и фермы мостов... От здания вокзала осталась одна полуразрушенная стена с пристроенной наспех хибарой из кусков горелого железа — видно, служащие станции укрывались в ней от дождя. Все было окрашено в ядовитые оранжево-красные тона от железной окалины, точно все побывало в горниле кузницы.

Станция казалась безлюдной. Несколько японцев, сошедших с поезда вместе с нами, сразу куда-то исчезли. Наконец появился железнодорожный служащий в красной фуражке станционного начальника. Вид его был под стать зрелищу разрушенной станции: отрешенное, усталое лицо его со слезящимися глазами ничего не выражало, шаркающая походка, невнятная речь. Узнав, что мы намерены осмотреть город, он как-то осклабился и сказал, что смотреть нечего, города нет. На наши вопросы отвечал односложно: взрыва бомбы не видел, его перевели сюда с другой станции. Кто видел — все погибли. В городе свирепствует какая-то болезнь...

Незаметно и неизвестно откуда появилась еще одна фигура. По всей вероятности, сотрудник местной службы безопасности, он будет чинить всякие препятствия. Понимаю, что здесь надо действовать повелительно, не допуская возражений.

— Вы кто? Чем занимаетесь?

— Я сотрудник службы безопасности...

— Мы представители советского посольства, прибыли специально для осмотра города. Сможет ли кто сопровождать нас?

На лице агента смятение. Он неуверенно пытается уговорить нас покинуть Хиросиму во избежание несчастья, повторяя слова о какой-то «страшной болезни». Мы переглядываемся с Германом и решительно направляемся в город. Некоторое время сотрудник плетется за нами следом, потом куда-то исчезает.

Достаем план города: от вокзала к центру города должна идти большая, широкая улица. Ее нет. Можно идти в любом направлении. Выбираем самый короткий и прямой путь. С каждой сотней метров перед нами все меньше препятствий. Остатки домов исчезают, в стороне на берегу реки Ота видим разрушенный каркас здания, похожего на планетарий (это здание бывшей промышленной палаты сохранено до сих пор в качестве своеобразного памятника трагедии Хиросимы). С трудом передвигаемся по камням и метровому слою щебня, покрытому странно ровным слоем пыли, выпавшей вместе с дождем из грибовидного облака после взрыва. Местность приобретает все более желтовато-серый, монотонный цвет. Мой дотошный спутник останавливается у каждого бугорка и ямки в надежде обнаружить какую-либо диковинную вещь или хотя бы признак жизни людей до взрыва. Наиболее интересные камни складываем в сумку, делаем несколько фотоснимков, прекрасно понимая, что все они будут похожи один на другой.

Нам хотелось попасть в эпицентр взрыва, чтобы оттуда увидеть всю картину разрушенного города. Пытаемся сравнивать карту-план с местностью, однако все безуспешно.

— Где же эпицентр? — спрашивает Сергеев.— Если был такой жуткой силы взрыв, то где-то должна быть соответствующая воронка. Представляю себе, что там за кратер...

Мы находимся в Хиросиме уже несколько часов, а, кроме железнодорожного служащего и чиновника полиции, пока не встретили ни одного человека. Лишь в самом начале в стороне от нашего пути виднелись какие-то люди, но по мере нашего приближения и они исчезли. «Ведь остались в городе люди, но почему же они избегают этих мест?!» Вопрос этот начинает нас волновать, заставляя ускорить движение.

Вот мы и достигли эпицентра. Это ровная площадка размером километр на километр. Исчезли неровности, под ногами лишь мелкие кусочки камня, как будто плотно укатанные гигантским катком. И — никакой воронки. Для Сергеева, военного человека, это откровение. Ближайшие развалины находятся от нас километрах в двух, мы находимся в самом центре катастрофического взрыва.

Еще некоторое время мы продолжаем идти вперед, пересекая центр мертвого города. Настроение становится все более подавленным, мы почти не разговариваем и только смотрим, смотрим... Я видел много последствий бомбардировок: превращенную в руины Иокогаму, облитые горящей смесью и опаленные термитными зажигалками кварталы Токио, когда пылающие бревна, подхваченные огненным вихрем, влетали в окна здания посольства... И кругом развалины, развалины. Но то были другие развалины, там людям оставался шанс на спасение: они могли укрываться, бороться с огненной стихией, помогать друг другу. Когда улетал последний самолет, город оживал, люди возвращались к своим занятиям. А здесь?..

Чем больше мы вглядывались в лунный пейзаж Хиросимы, тем сильнее давила тоска и острей становилось желание поскорее убраться отсюда. Мы уже почти понимали, скорее догадывались, почему до сих пор не встретили здесь ни одной живой души.

— Послушай, Михаил, даже птицы сюда не залетают,— продолжал рассуждать Сергеев.— Я охотник и хорошо знаю повадки птиц и зверья. Птицы безошибочно чувствуют, куда летать можно, куда нельзя...

Мы увидели воду и решили приблизиться к ней, поддавшись непроизвольно радости от встречи с первым живым, не убитым бомбой кусочком природы. Радость, однако, оказалась преждевременной. Мертво и страшно торчали в русле реки обгоревшие остовы судов, барж и исковерканные конструкции причалов. Стеклом блестели оплавленные немыслимым жаром откосы берегов. Русла каналов, примыкавших к реке, были сухими и завалены всякой всячиной. Надо полагать, они моментально высохли под тепловым воздействием бомбы. От каналов несло смрадом разложения: мы увидели груды трупов, чуть присыпанных песком; по-видимому, их просто сваливали сюда с обрыва.

— Вот и увидели очевидцев,— криво усмехнулся Сергеев, который не любил оставлять факты без своих комментариев. Теперь мы плелись, уже усталые, в сторону от центра, туда, где виднелись какие-то постройки. Скоро нам стали попадаться люди. В тени редких сохранившихся домов, без крыш и окон, ползали и стонали люди-калеки, спасшиеся от смерти в момент взрыва атомной бомбы. Они были обезображены ожогами и язвами, некоторые с выпавшими волосами, на многих висели лохмотья и зловонные повязки. Жертвы тщетно взывали о помощи, погибали от ран и жажды. Что мы могли поделать? Какие-то люди с банками мази пытались оказать пострадавшим помощь.

Зрелище этой изуродованной человеческой плоти было ужасно. Исчезло ощущение реальности: эти импровизированные «лепрозории» словно переносили нас в мрачные времена средневековья, в мир кошмарных галлюцинаций Гойи. Позже из японской печати мы узнали, что почти все врачи Хиросимы, оставшиеся в живых, в страхе бежали из города. Трагедия усугублялась еще и тем, что через день после взрыва бомбы прошел сильный ливень, вызвав массовое вторичное заражение. Никто не знал, откуда движется смерть: от земли, от воды или от пищи.

Умирающий город был брошен на произвол судьбы. Мы не обнаружили ни властей, ни служителей медицины, ни каких-либо признаков снабжения или помощи населению. Большинство пострадавших обреченно ждали своего конца. Безразличие и невежество множили число жертв.

У меня не хватало духу расспрашивать этих несчастных, тем более что они вполне могли считать нас, иностранцев, виновниками их беды. Наконец, возле полуразрушенного здания почты мы встретили человека, по всей видимости, способного разговаривать и здраво отвечать на вопросы. Это был канусси (синтоистский священник). В жестяной банке он приносил воду и аккуратно разливал ее в мелкие чашки пострадавшим. Те, кто был покрепче, разносили чашки лежащим. Мы присели на корточки рядом и заговорили.

— Скажите,—начал я осторожно,— что произошло с вашим городом?

— Нас покарал Божественный ветер — Камикадзе.

— Но Камикадзе всегда карал врагов Японии. Почему же теперь он обрушился на вас?

— Потому что японцы разгневали его: они плохо воевали против американцев.

— Значит, вы знаете, что это американцы сбросили на вас атомную бомбу?

Священник промолчал.

Сгибаясь до земли, мимо прошел молодой японец — на спине он нес, как куль, завернутую в одеяло женщину. Священник помог опустить ее на землю и запричитал над ней молитву.

Зная привязанность японцев к своим родителям, я понял, что это мать и спросил мужчину, что с ней случилось.

— Наверное, ее опалил Божественный ветер,— произнес он уже слышанную нами фразу.

— Как это произошло?

Японец рассказал, что они живут неподалеку, на окраине Хиросимы. Десять дней назад утром над городом грянул гром и налетел тайфун, который разрушил город и поразил людей неведомой болезнью. Его мать была здорова, еще вчера она помогала другим, готовила пищу, а сегодня утром вдруг упала и не приходит в себя.

— Но почему вы принесли ее сюда, а не повезли к врачу, скажем, в другой город?

Японец упрямо закачал головой.

— От этой болезни не лечат. Человеку надо дать умереть самому с молитвой...

Мы уехали из Хиросимы поздно вечером. Поезд Осака — Фукуока, мерно стуча колесами, вез нас на юг Японии. Нам предстояло осмотреть Нагасаки и решить некоторые консульские вопросы. Но чем бы мы ни занимались, образ мертвой Хиросимы не покидал нас ни на минуту. Картины увиденного леденили душу, вызывали возмущение и протест. Невольно возникал вопрос: зачем это было сделано «под занавес» войны? Чтобы наказать японцев или отомстить за Пёрл-Харбор? Но в чем виноваты эти десятки и сотни тысяч убитых и изуродованных детей, женщин, стариков? Почему не на окопы врага, а на головы мирных жителей сброшена адская бомба?

Нет, это был не столько акт возмездия по отношению к милитаристской Японии, сколько недвусмысленная угроза и вызов всему человечеству. Кончалась война против фашизма и милитаризма. Народы заплатили небывало высокую цену за победу. Люди и целые страны возвращались к новой жизни, с надеждой смотрели в будущее. Но новая агрессивная сила уже поднимала голову, грозя миру новым насилием и бедами. Сквозь пепел Хиросимы отчетливо проглядывал зловещий оскал американского империализма.

Вот об этом мне и хотелось сказать г-ну Коно на пресс-конференции в Советском комитете защиты мира. Для будущего мира важно знать не только жертвы и страдания людей прошлой войны, но не менее важно знать, кто прямой виновник этих страданий, откуда исходит угроза всеобщей ядерной войны. Люди могут и должны дружными усилиями противостоять ядерной войне, чтобы цепная реакция ее, начатая в Хиросиме, не перекинулась на всю планету.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. В. БОГОСЛОВСКОГО

БЕСЕДА СО СТАРЫМ ДРУГОМ

Сигизмунд КАЦ. Мы еще не были с тобой знакомы, Никита, когда я услышал твою музыку. В 1938 году на экраны вышел фильм «Остров сокровищ», и песни из него сразу стали популярны.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ. Между прочим, на этот фильм меня рекомендовал режиссеру Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

С. К. А по-настоящему мы подружились, когда ты уже переехал в Москву, стал москвичом.

Н. Б. И дружбе нашей, ничем не омрачающейся, пошел уже сорок пятый годочек. Солидно...

С. К. Учился ты в Ленинграде. Это легенда или ты действительно занимался у Глазунова?

Н. Б. Чистая правда. Ведь я сочинять начал очень рано. Семья моя была близка с Фигнерами, Направником. Показали меня и Глазунову. И целый год он занимался со мной композицией, обращался со мной, как со взрослым, наисерьезнейшим образом играл мою детскую музыку.

С. К. Свою первую оперетту ты написал совсем мальчишкой...

Н. Б. Это тоже не легенда, а чистая правда — билетерша меня не пускала на премьеру моей первой оперетты «Ночь под Рождество», велела с мамой прийти на утренник... Потом я занимался композицией и многими другими теоретическими предметами с такими крупными педагогами, как П. Б. Рязанов, М. О. Штейнберг, Х. С. Кушнарев, В. В. Щербачев, Г. Н. Попов. Я счастлив, что судьба свела меня с этими людьми, беззаветно преданными музыке... В девятнадцать лет я начал работу над оперой «Соль» по заказу руководителя Малого оперного театра С. А. Самосуда (либретто Б. Корнилова по известному рассказу И. Бабеля). Но обстоятельства сложились так, что окончил я эту оперу спустя... сорок восемь лет, после чего она была прекрасно исполнена в Московском камерном музыкальном театре под руководством Б. А. Покровского.

С. К. Ты за разнообразие музыкальных жанров?

Н. Б. Важно — какой жанр влечет тебя сегодня... Но я считаю, что нужно владеть своей профессией во всех жанрах — от сложного симфонического произведения до простой песни...

С. К. Ну, вот мы и дошли до песен. Твое песенное творчество широко известно и у нас в стране и за рубежом. Вспомним хотя бы несколько твоих работ, ставших уже нашей классикой: «Я на подвиг тебя провожала», «Спят курганы темные», «Любимый город», «Ты ждешь, Лизавета», «Темная ночь», «Шаланды», «Помнишь, мама», «Три года ты мне снилась», «Давно не бывал я в Донбассе», «Романс Рощина» и многие, многие другие.

Н. Б. Главное творческое удовлетворение я получаю тогда, когда песня теряет своего создателя, то есть становится как бы народной и остается в памяти людей на долгие годы, а то и десятилетия. Это самая большая радость, награда для автора. Но это так редко случается, увы...

С. К. Наверное, популярность песне приносят и ее исполнители?

Н. Б. Без сомнения. Считаю, что в большой степени многие мои песни обязаны успехом замечательным исполнителям, моим добрым друзьям — Марку Бернесу, Сергею Лемешеву, Леониду Утесову. Благодарен им безмерно, ибо они в огромной мере помогли тому, что некоторые из моих песен нашли широкий отклик у слушателей.

С. К. Много лет назад я написал статью о твоей симфонической повести «Василий Теркин», где так отчетливо проявились характерные для автора черты: яркая мелодика, точные музыкальные характеристики, юмор, лирика, героика,— и все это на основе русских народных интонаций... А какие из твоих последних работ ты хотел бы назвать?

Н. Б. Фирма «Мелодия» выпустила диск с записью моих двух симфоний — Четвертой («Пасторальная») и Пятой («Театральная»), сыгранных впервые на фестивалях «Московская осень». Недавно прошли две премьеры: в театре имени Вахтангова — «Роза и крест» А. Блока, спектакль, насыщенный камерной музыкой; и две пьесы А. Блока — «Балаганчик» и «Незнакомка» в Московском камерном музыкальном театре.

С. К. А романсы на стихи Блока ты не писал?

Н. Б. Специально нет, но в «Незнакомку» ввел четыре стихотворения Блока, типа речитатива на музыке... Написал несколько новых песен для Краснознаменного ансамбля имени Александрова. Военная тема всегда была мне близка.

С. К. Две песни я слышал — «Пехота есть пехота» и «Солдатский привет». Отличные песни!

Н. Б. Спасибо... А совсем недавно состоялась премьера моей Шестой симфонии, в ее подзаголовке стоит: «Оптимистическая».

С. К. Это слово как нельзя лучше характеризует и творчество и личность народного артиста РСФСР Никиты Богословского — талантливого композитора, веселого человека и хорошего друга. Юбилейные панегирики часто у нас кончаются словами: «Семьдесят лет? Не верится!» Я уже перешел этот рубеж и со знанием дела заявляю: ничего страшного! Главное, что у тебя есть силы, энергия, творческий запал, есть многочисленные общественные дела и обязанности, есть замечательное «хобби», ставшее, пожалуй, второй профессией,— я имею в виду литературу. Сколько у тебя вышло книжек юмора?

Н. Б. Четыре. И две сатирические повести.

С. К. Ну и традиционный заключительный вопрос: над чем сейчас работаешь?

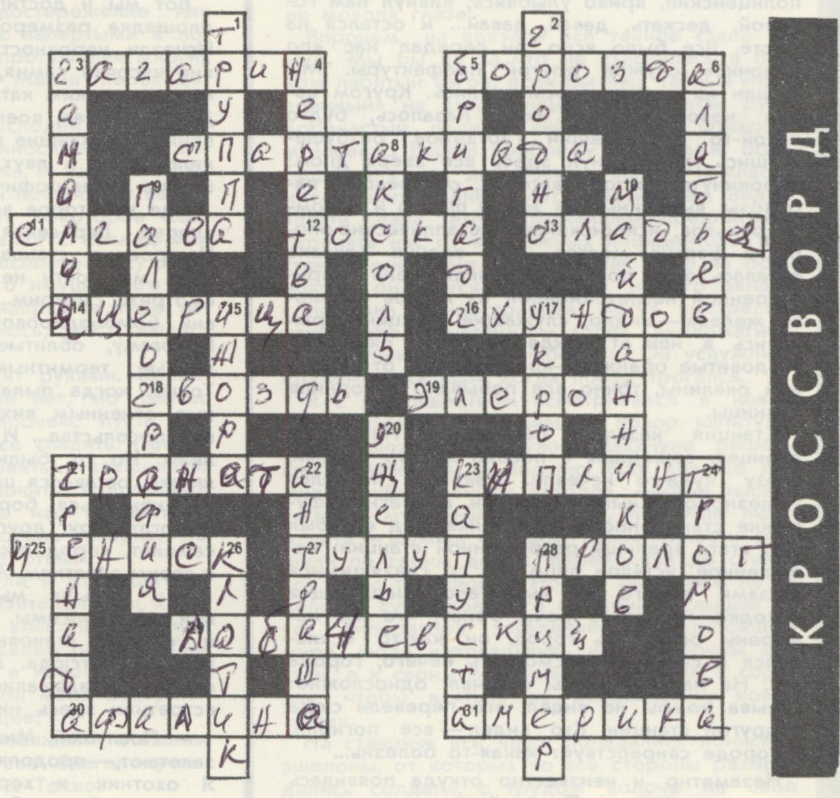
Н. Б. Я суеверен и на такой вопрос не решусь ответить, поскольку замыслы не всегда осуществляются. Главное — быть в работе.

С. К. Значит, время покажет... Поздравляю тебя, дорогой Никита, со славным юбилеем, здоровья тебе и творческих радостей, мой дорогой друг!

Беседу вел С. КАЦ,
народный артист РСФСР

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Советский летчик-космонавт. 5. Канавка, проложенная плугом для посева. 7. Традиционные массовые спортивные соревнования. 11. Город в Латвии. 12. Опера Д. Пуччини. 13. Испеченная на сковороде лепешка. 14. Пресмыкающееся животное. 16. Азербайджанский писатель-демократ, просветитель. 18. Заостренный металлический стержень со шляпкой. 19. Подвижная часть крыла самолета. 21. Боевой снаряд. 23. Английский писатель. 25. Оптическая линза. 27. Меховая шуба. 28. Роман Н. Г. Чернышевского. 29. Русский математик XIX века. 30. Морское животное семейства дельфиновых. 31. Часть света.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Актерский состав театра. 2. Областной центр в Белоруссии. 3. Спутник Юпитера. 4. Река в Югославии. 5. Войсковое соединение. 6. Русский композитор XIX века. 8. Озеро в Казахстане. 9. Историко-филологическая дисциплина, изучающая развитие письменности. 10. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 15. Приток Невы. 17. Огородное зонтичное растение. 20. Узкая долина с обрывистыми склонами. 21. Государство в Вест-Индии. 22. Прыжок в балете. 23. Овощная культура. 24. Героиня в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 26. Деталь на верху мачты для подъема флага, фонаря. 28. Действие или явление, служащее образцом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Прунариу. 7. Северцов. 8. Кашин. 9. Перлит. 11. Вьюрок. 12. Метеорограф. 16. Поступок. 17. Народная. 18. Афиша. 19. Кайра. 20. Умиак. 22. Туман. 25. Ориентир. 26. Америций. 27. Прейскурант. 29. Самара. 30. Артур. 31. Истод. 32. Солончак. 33. Арабеска.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Проектор. 2. Налим. 3. Шельф. 4. Топограф. 6. Уклейка. 7. Снегина. 10. Температура. 11. Вахрамеевна. 13. Радиомаяк. 14. Стратег. 15. Аджария. 21. «Приданое». 22. Тройник. 23. Награда. 24. Сидзуока. 27. Проня. 28. Труба.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лилит Стамболцян занимается живописью в Центре эстетического воспитания в Ереване.
(См. в номере материал «Древу жизни зеленеть».)

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В главном зале Центра управления движением.
(См. в номере материал «Дорожная грамота и «Старт».)

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

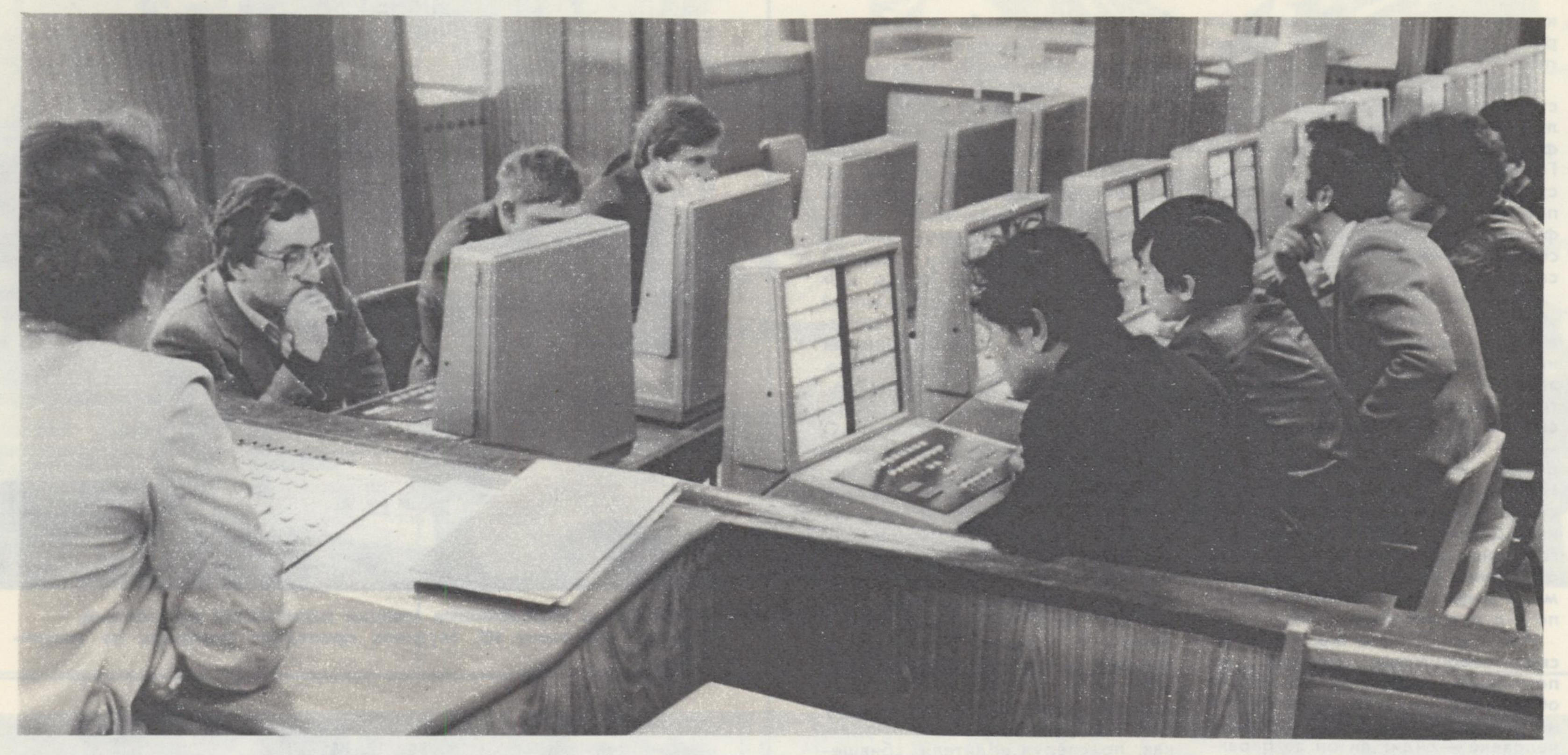
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 06.05.83. Подписано к печати 24.05.83. А 00679. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1395. Заказ № 596.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Экзамен на право управления автомобилем.

Дорожная грамота и «Старт»

А. П. НОЗДРЯКОВ,
генерал-майор милиции, начальник Управления ГАИ города Москвы

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

От прошлых времен, когда ездили на телегах, в бричках, каретах и прочих экипажах на конной тяге, нам остались только л. с.— лошадиные силы, которыми меряется мощность моторов. Но вот удивительный факт: множество пешеходов иногда ведет себя так, словно по улицам по-прежнему катят неспешно телеги, а некоторые водители совершенно не считаются с тем, что в их экипажи впряжена не одна лошадиная сила, а пятьдесят, восемьдесят или даже двести.

Менее удивительно, но тоже факт: до сих пор для большинства взрослых, не говоря уж о детях, ГАИ олицетворяется регулировщиком с жезлом в руке. Ну и плюс, конечно, светофор.

Однако на самом деле все не так просто. Поэтому мне кажется уместным лишний раз популярно рассказать в общих чертах, что такое ГАИ — Государственная автомобильная инспекция и чем она занимается, помимо светофоров и выдачи водительских прав.

На примере Москвы видно, как быстро развивается автомобилизация страны. За последние пять лет автопарк столицы удвоился. Каждый год впервые садятся за руль собственных машин почти 70 тысяч водителей.

Понятно, что за те же пять лет ширину улиц вдвое увеличить невозможно. Отсюда, считая грубо, и вся проблема организации движения в таких крупных городах, как Москва. Да к тому же надо учитывать, что ежесуточно в столицу прибывает до 80 тысяч иногородних машин. И в общей сложности по улицам движется одновременно около 500 тысяч, как мы говорим, транспортных единиц.

По сравнению с большими городами капиталистических стран количество дорожно-транспортных происшествий на наших улицах совсем невелико, и по некоторым показателям положение в этой области проявляет тенденцию к улучшению — снижается тяжесть последствий, сокращается число погибших, а в расчете на 1000 транспортных единиц число происшествий уменьшается с каждым годом. Но это не дает работникам ГАИ никаких оснований для успокоения.

Конечно, главной задачей службы ГАИ было и остается обеспечение безопасности пешехода и того, кто сидит за рулем, а также наиболее логичное, наиболее выгодное с точки зрения экономической движение транспорта. Другое дело — как эта задача решалась прежде и как решается теперь.

Еще не в столь далекие годы, когда автопарк столицы состоял из 60—70 тысяч единиц, можно было хоть и с грехом пополам, но обходиться лишь регулировщиками и небольшим количеством светофоров. Рос парк — росли требования к службе дорожной безопасности. Появилась система «Спрут». Оснащенная счетно-решающими устройствами, она регулирует автомобильные потоки в пределах одного перекрестка, выбирая оптимальный вариант движения, определяет периодичность смены огней светофора в зависимости от положения, сложившегося на данном перекрестке в данную минуту. «Спрут» сократил задержки машин у перекрестка на 25 процентов.

Затем была создана телеавтоматическая система координированного управления, объединяющая 15—20 перекрестков,— «зеленая волна» позволила сократить задержки еще на четверть.

Тем не менее основные магистрали Москвы в последнее десятилетие живут на пределе своих пропускных возможностей. Потому и возникла идея системы «Старт», разработка которой проводилась по специальному координационному плану Госкомитета СССР по науке и технике. В ее создании участвовали десятки научно-исследовательских институтов, ведомств.

В чем суть и принцип работы «Старта»? Это единая общегородская телеавтоматическая система регулирования транспорта, основанная на математических методах, средствах автоматизации и вычислительной технике. Она способна решать самые различные тактические задачи организации движения, управлять транспортными потоками, равномерно распределять их по улицам. Она может быстро анализировать изменяющиеся условия, выбирать наилучший режим светофорного регулирования и действия многопозиционных дорожных знаков и указателей. Она обучена собирать, накапливать и обрабатывать информацию о характере движения на улицах и проездах и о транспортных происшествиях.

Мозг системы «Старт» — Центр управления движением, здание которого встало недавно на Садовом кольце, рядом с театром кукол. В главном зале на стене — огромная карта Москвы. Перед двадцатью четырьмя экранами сидят дежурные офицеры. Они могут наблюдать за движением автомобилей практически в любой точке города. Телекамеры, установленные на специальных кронштейнах, устроены так, что действуют и днем, и ночью, и в любую погоду. По команде из Центра они разворачиваются на 360 градусов, меняют фокусное расстояние. Если оператору нужно узнать обстановку на каком-нибудь перекрестке, из вычислительного комплекса на экран дисплея моментально поступают все необходимые данные. Если понадобится, оператор может мгновенно связаться с любым постовым инспектором, подразделением ГАИ, с городскими службами и организациями, имеющими отношение к нашей работе.

Система ускоряет или замедляет движение, учитывая транспортные нагрузки в зависимости от времени суток, погоды и т. п. Специалисты подсчитали, что этим будут почти на 25 процентов сокращены теперешние простои машин. Предполагаемый экономический эффект составит в год не менее четырех миллионов рублей. Да к тому же учтем еще одну немаловажную деталь: меньше остановок — меньше торможений и пусков, а значит, чище воздух,

которым мы дышим. Лучше будет работать общественный транспорт.

Введение столь современной системы существенно изменило, если можно так выразиться, профессиональное лицо столичной Госавтоинспекции. Сейчас в ее составе люди более чем тридцати профессий, в числе которых есть физики, математики, психологи, социологи, инженеры различных специальностей.

Было бы неверным полагать, что «Старт», когда полностью вступит в строй, сразу снимет все трудные вопросы. Наилучшая организация и безопасность движения транспорта и пешеходов — очень сложная и многогранная проблема, и «Старт» — лишь часть широкого комплекса мероприятий. Но в том, что он принесет весьма существенную пользу, нет сомнений. Думаю, «Старт» окажет благотворное влияние и на взаимоотношения водителей с пешеходами, а водителей и пешеходов вкупе — с инспекторами ГАИ.

И все же... И все же, какие бы сверхсовершенные системы ни появлялись, они не способны обеспечить полную безопасность на улицах. Тут главное в самом человеке — сидит ли он за баранкой или шагает по Москве.

Нет ничего трагичнее, чем нелепая гибель ребенка под колесами машины. И даже если статистика свидетельствует о снижении количества транспортных происшествий с детьми, это нисколько не успокаивает. Не должны наши дети попадать под машины! А для этого их надо с малых лет, пока они еще, что называется, под стол пешком ходят, учить правилам уличного движения. Плохо, если мальчик или девочка не подготовлены к жизни в мире машин, и наш гражданский долг, долг всех взрослых преподать им хотя бы такие азбучные истины дорожной грамоты, что нельзя переходить улицу перед стоящим на остановке автобусом или позади остановившегося трамвая.

ГАИ столицы придает особое значение профилактической работе, основная цель которой, выражаясь по-ученому, — поднять уровень психологической подготовки населения до уровня развития транспорта, помочь гражданам выработать безопасный стереотип поведения на улице, чтобы он срабатывал автоматически и безотказно. В этом отношении многое может и должна сделать школа. И, разумеется, неоценимую роль играют пресса, радио, телевидение, кино. Воспитать в участниках движения взаимоуважение, вежливость, предупредительность, дисциплинированность, умение быстро ориентироваться в сложной дорожной обстановке многомиллионного города — всеобщая задача и личная задача каждого, ибо кто же и есть эти участники, как не мы сами? И в этой сфере у нас еще дела хватит.

Возьмем отношения водителей с пешеходами. Самое распространенное из дорожных происшествий — 60 процентов — наезд автомобиля на человека. Случается, хотя и крайне редко, что пешехода сбивают и на его законной территории — на тротуаре, но в подавляющем большинстве наездов — 80 процентов от их общего числа — виновны пешеходы, которые либо обходили стоящий автобус спереди, либо перебегали улицу в неположенном месте и на красный свет, либо, будучи нетрезвыми, вели себя на проезжей части, как в собственной квартире.

Но, с другой стороны, двадцать процентов от общего числа наездов — на совести водителей. И как часто мы видим такую картину: с оживленной магистрали на нерегулируемую улицу сворачивает «жигуленок», за рулем молодой, красивый, самоуверенный владелец, а в это время с тротуара на мостовую ступила женщина с ребенком или пожилая чета. Ему бы, владельцу, притормозить, пропустить, но — нет, не притормозит, амбиция не позволяет. О какой же тут вежливости можно вести речь?!

Что касается взаимоотношений водителей и инспекторов ГАИ, тут тоже не все гладко. Подавляющее большинство служащих Госавтоинспекции — люди честные, порядочные, квалифицированные. Среди них есть настоящие герои. Можно было бы рассказать много историй о том, как одни инспектора ГАИ, не думая о себе, подставили свою патрульную машину под удар, спасая жизнь людей, как, преследуя водителя, сбившего женщину и скрывшегося, или преступника, угнавшего чужой автомобиль, другие наши офицеры сознательно рисковали собственной жизнью. Но случается, что какой-то сотрудник неправильно вел себя с участниками движения, превысил свои полномочия,— от таких мы без сожаления избавляемся.

Но и инспектора ГАИ могут привести десятки примеров, когда водитель, превысивший дозволенную скорость, сделавший неправильный поворот или проехавший на красный свет, не подчиняется требованию остановиться и пытается уйти от ответственности.

Однако взаимные упреки никогда не способствовали улучшению отношений между людьми, тем более если у них общая забота...

Мы коснулись только некоторых сторон многообразной деятельности Госавтоинспекции. В ближайшем будущем трудностей, наверное, не убавится, так как наш транспорт продолжает увеличиваться, но мы смотрим вперед с оптимизмом, потому что дело наилучшей организации и безопасности движения решается одновременно на нескольких направлениях, среди которых такое фундаментальное, как градостроительное; потому что заканчивается строительство системы «Старт», а дорожная грамота становится в школах почти узаконенным предметом. Хотя проблем еще достаточно...

Между прочим, любопытно отметить, что рисунки московских школьников — участников конкурсов, проводившихся Управлением ГАИ, Главным управлением народного образования Мосгорисполкома, главной редакцией передач для Москвы и Московской области Центрального телевидения и городским советом общества автомотолюбителей,— эти удивительно красочные рисунки на тему безопасности движения проникнуты твердым оптимизмом. Не станем уповать на расхожее утверждение, что устами младенца глаголет истина, но все же отрадно знать, что ребята относятся к теме именно так.

У ГАИ есть и передвижные станции технической диагностики. Старший лейтенант Ю. Музинов проверяет двигатель на токсичность.

В час «пик» на проспекте Маркса.

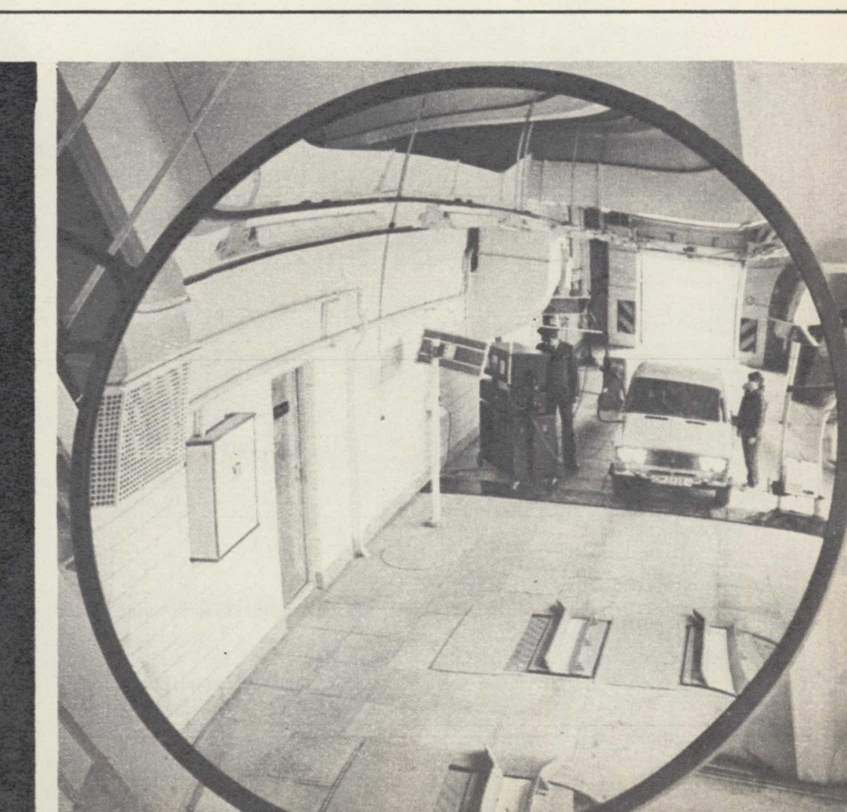
Развод во 2-м отделении ГАИ. Через минуту они заступят на смену.

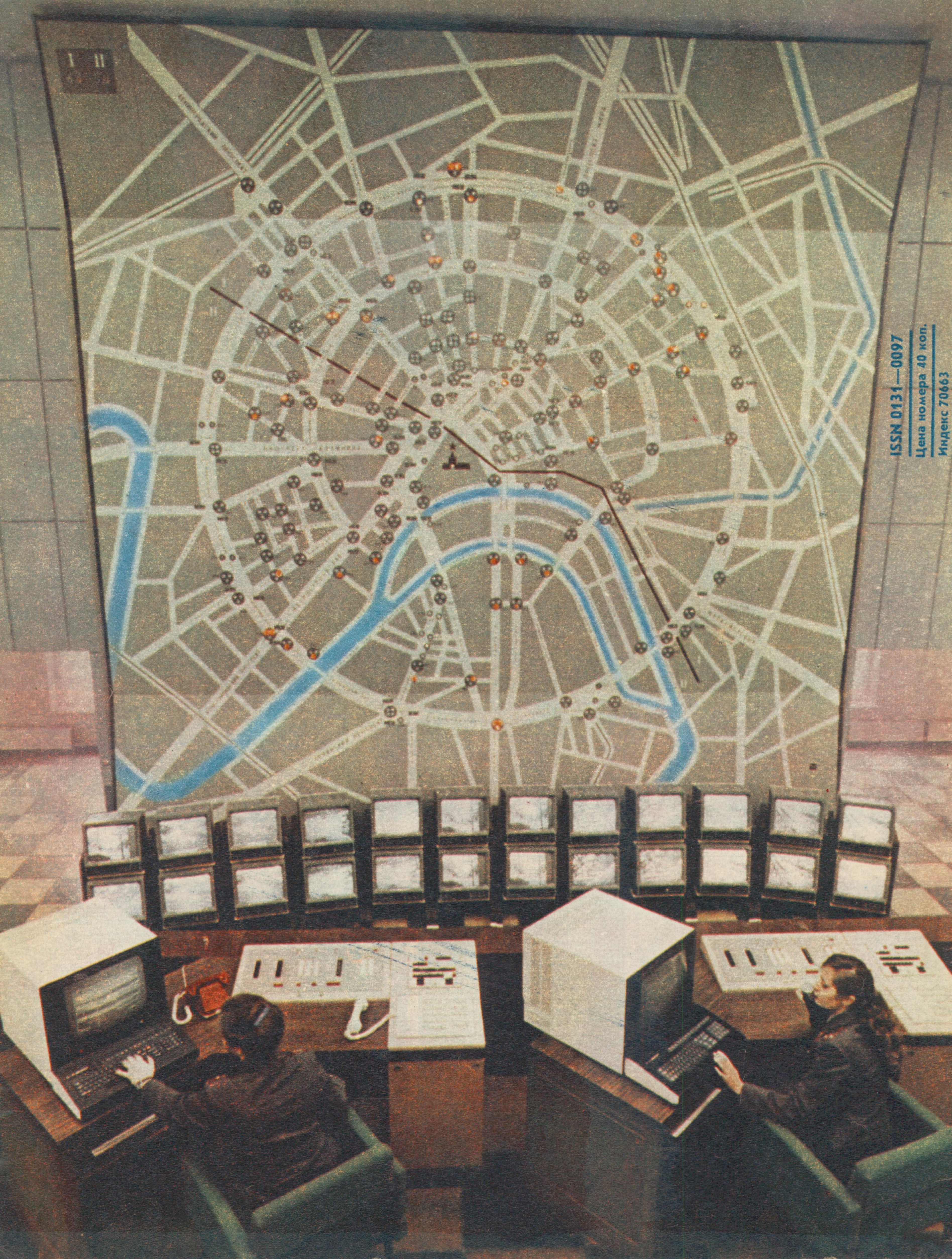

Капитаны милиции А. Калачев и С. Бурдасов с учениками 268-й школы Дзержинского района — ребятами из отряда юных инспекторов движения.

Старшие инспектора ГАИ А. Калачев и С. Бурдасов не так давно были награждены орденом Красной Звезды. Оберегая жизнь пассажиров следовавшей за ними машины, они подставили свой патрульный автомобиль под удар тяжелого грузовика, водитель которого нарушил правила дорожного движения.

Станция технической диагностики.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663